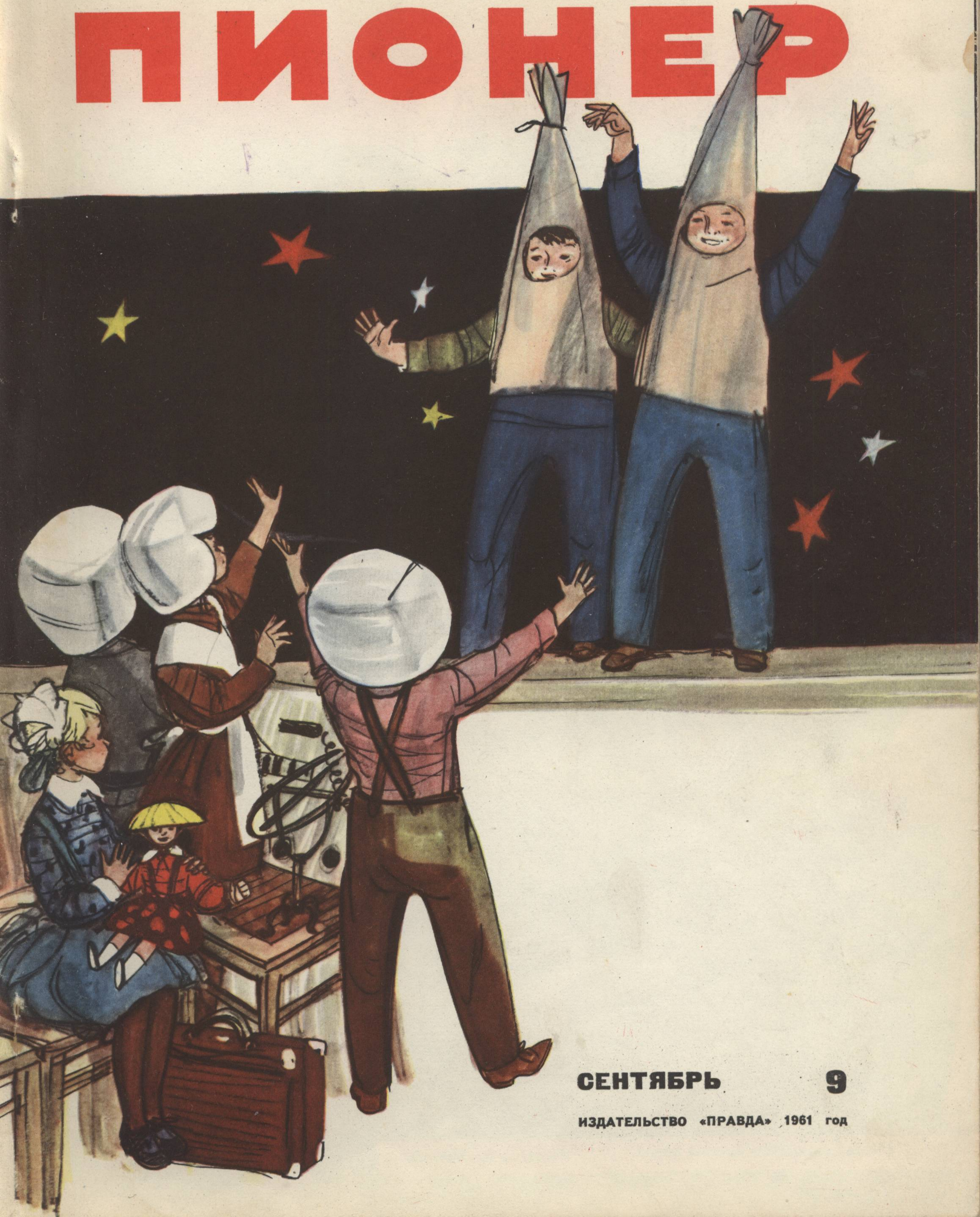
ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 год

СЕЙЧАС НАЧНЕТСЯ ПЕРВЫЙ УРОК! Фотоэтюд А. Геринаса.

Только „четверки" и „пятерки"!

Тройка — оценка разболтанного человека.

№ 9
СЕНТЯБРЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

Идет первый месяц занятий в школе.

Отдых позади, и теперь ты, как и все трудящиеся люди, работаешь: слушаешь объяснения учителей, решаешь задачки, учишь уроки.

На заводе отдел контроля строго осматривает каждую новую деталь — хорошо ли она сделана!

Так и учитель спрашивает тебя на уроках, проверяет, хорошо ли ты выполнил задание.

Отличное качество — гордость рабочего.

ОТЛИЧНАЯ ОТМЕТКА — ГОРДОСТЬ ПИОНЕРА.

В последнее время появилось немало ребят, которые получают одни тройки. Они рассуждают: «Тройка есть—и ладно».

А представь себе, что все люди вдруг станут работать посредственно, «на троечку»!

Выстроят дом — а двери в квартирах не закрываются, стены окрашены кое-как... Новоселы не рады новоселью!

Сошьют костюм — а он висит на тебе, как на вешалке.

Очень унылая будет жизнь!

Тройка — отметка разболтанного человека: учиться на тройки — значит работать кое-как, жить без цели и смысла.

Есть ребята, которым по какому-нибудь предмету и тройка дается с трудом. Таким надо помогать.

А тем, кто пытается «проехаться на троечках», кто учится хуже, чем может,— тем пионерский отряд должен дать бой.

Вот цель, вот задача: только «четверки» и «пятерки»!

Желаем тебе успеха, друг!

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Год издания 38-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Желаем тебе успеха, друг!

Пионер должен помогать отстающим.

Москва, Красная площадь, 9 августа. Никита Сергеевич Хрущев сердечно обнимает «небесных братьев» — Германа Титова и Юрия Гагарина.

6 августа с земли нашей Родины ушел в дальнее космическое плавание корабль-спутник «Восток-2». Более 25 часов мир, затаив дыхание, слушал из космоса сообщения капитана корабля Германа Титова.

Пока Земля неторопливо оборачивалась вокруг своей оси, космолет стремительно мчался в океане Вселенной. Он сделал 17 витков вокруг нашей планеты. 17 раз всходило и заходило солнце в иллюминаторе корабля. Пройден путь, равный расстоянию от Земли до Луны и обратно!

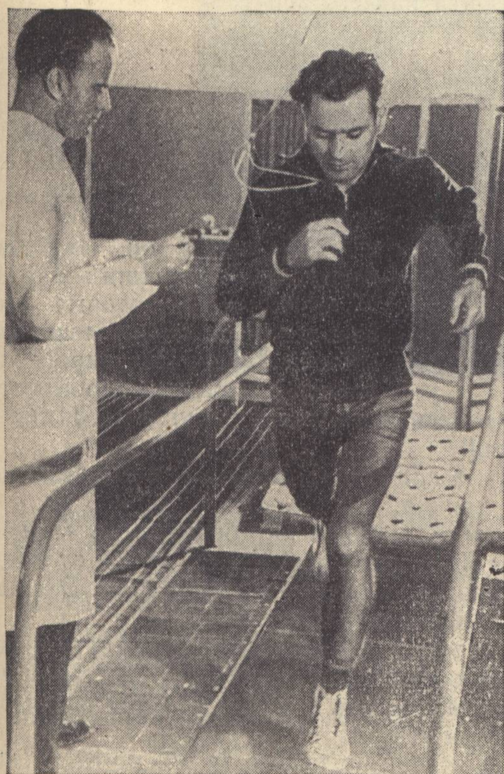
Герман Титов только что опустился на родную планету. «Приземлился в заданном районе... Самочувствие отличное!» — докладывает он Н. С. Хрущеву.

По пути в Москву Герман Степанович снова управляет кораблем, но уже не космическим, а воздушным — «Ил-18». Приятно после звездного рейса «тряхнуть стариной»!

Сто километров в день на велосипеде! Такое задание давал себе Герман Титов, когда еще учился в пятом классе.

На таком «головокружительном» снаряде тренируются космонавты. Герман Титов — прекрасный гимнаст и акробат.

Космонавт должен быть мастером всех видов спорта. Вот он бежит. Дорожка движется навстречу бегуну, чтобы врач мог все время наблюдать за работой его сердца.

Кончилось бешеное вращение центрифуги. Оба довольны — и врач и космонавт. Испытание на перегрузку сдано на «отлично»!

Белые чернила

И. ВОЛЬПЕР

КАМЕРА № 193

Был конец 1895 года. В Петербурге стояла холодная метельная зима. Сквозь снежную мглу длинное, растянувшееся на целый квартал здание тюрьмы на Шпалерной казалось еще более унылым и мрачным.

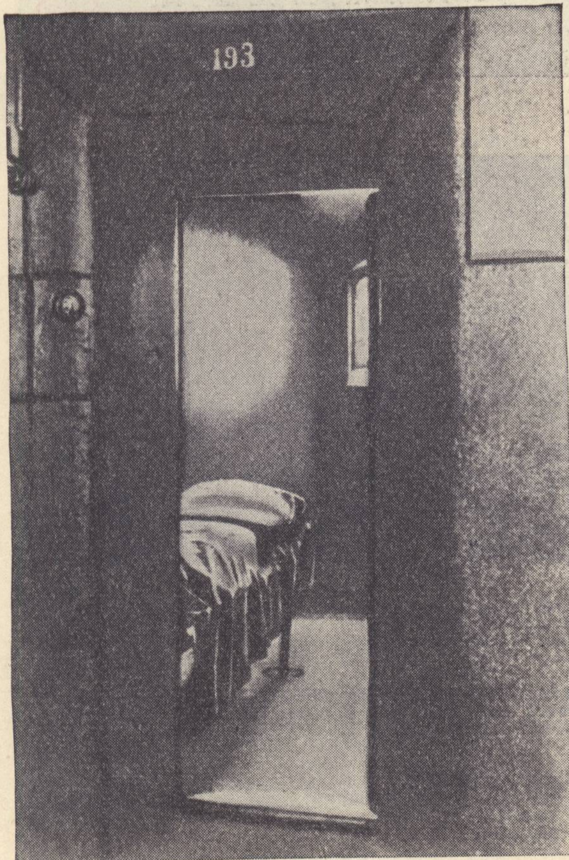
В ночь на 9 декабря сюда привезли молодого революционера. По свидетельству жандармов, это был особенно опасный для царя преступник.

Узника поместили в камере под номером 193.

Железная койка, прикрытая грубым одеялом, откидной столик да табуретка — вот и вся убогая обстановка камеры. Единственное, что ее скрашивает,— это книги. Тюремное начальство разрешило передавать политическим заключенным научную литературу, и вскоре один угол камеры был целиком завален книгами.

Через окно, загороженное железной решеткой, еле пробивается мутный свет декабрьского утра. Он падает на лицо заключенного, его крупный выпуклый лоб, страницы раскрытых книг, листы бумаги, исписанные мелким, бисерным почерком.

Чем же так занят человек в заключении? Кто он и как его зовут?

В эту тюремную камеру был заключен Владимир Ильич Ленин после ареста в 1895 году.

«СТАРИК»

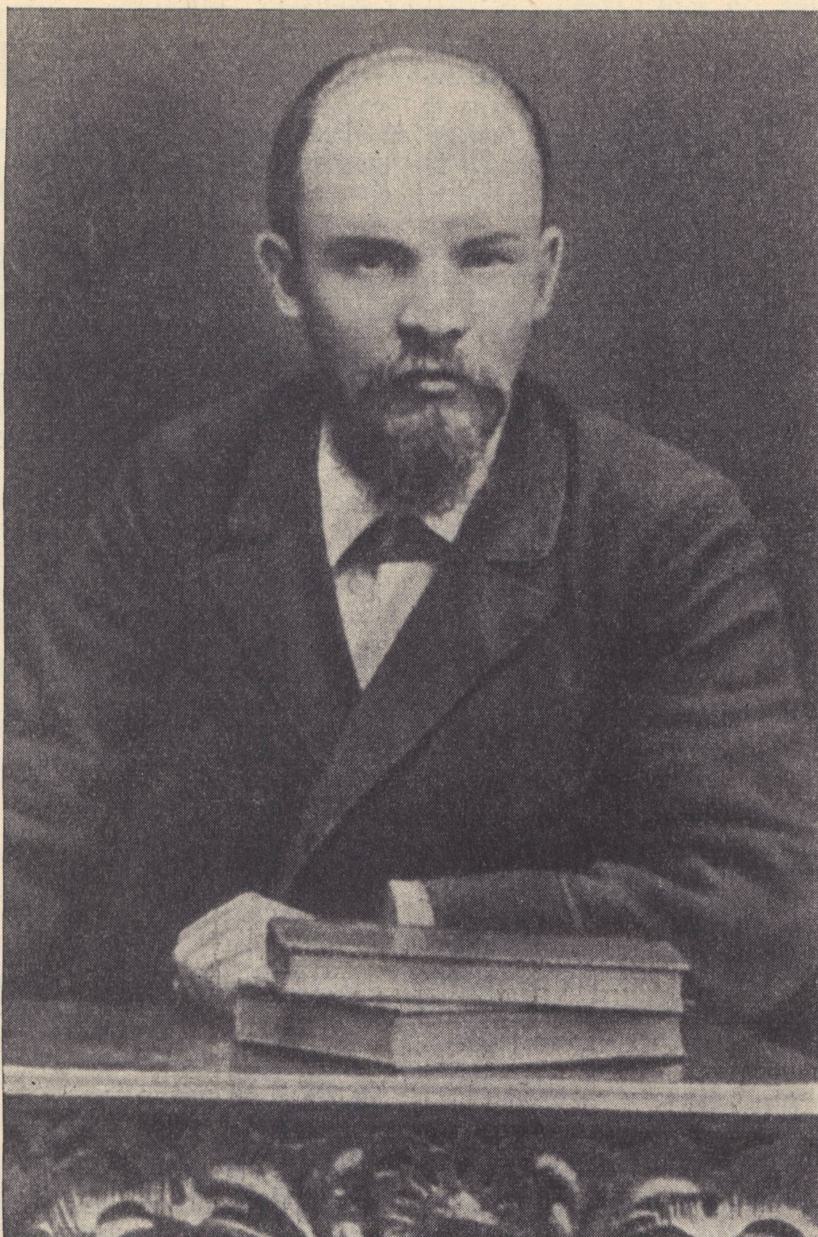
Два года назад он поселился в столице. Товарищи зовут его «Стариком». Некоторые свои сочинения он подписывает фамилией Тулин. На допросе назвался Ульяновым. Пройдут годы, и весь мир узнает другое его имя — Ленин!

Ну, а пока он «Старик». Это его подпольная кличка.

Знаете, сколько лет было тогда «Старику»? Двадцать пять! К тому же он отличался живым юношеским характером. Энергия так и била в нем ключом!

Владимир Ильич еще в молодости выделялся обширными знаниями. Притом он рано начал лысеть и уже в те годы носил бородку и усы.

Но друзья не только за это шутливо зва-

Владимир Ильич Ленин. Фото 1897 года.

ли его «Стариком». Кличка помогала скрываться от жандармов...

Вы помните из истории о том, как жилось рабочим и крестьянам в царской России?

Миллионы людей терпели жестокую нужду. Хозяева заставляли рабочих трудиться по десять — двенадцать часов в день и даже больше. Но заработок их был так мал, что его едва хватало на скудное пропитание. А крестьяне! От зари до зари гнули спину на кулака и помещика деревенские бедняки, а дети их умирали от голода.

Чем помочь народу? Что нужно сделать, чтобы свалить власть царя, его чиновников, помещиков и капиталистов? Много размышлял над этими вопросами молодой Владимир Ильич. Еще в юности он вступил на путь борьбы с самодержавием и по приезде в Петербург был уже выдающимся революционером.

В марксистских кружках столицы, где «Старика» все очень быстро узнали и полюбили, речь зашла о том, как привлечь в ряды сознательных борцов побольше рабочих. На фабриках и заводах появились агитаторы, из рук в руки переходили революционные листовки.

Марксисты организовали «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — прообраз нашей великой партии. Создавать «Союз» Ленину помогали Кржижановский, Крупская, Старков и другие его друзья-революционеры.

Горячо взялся «Союз» за работу. Были объединены рабочие кружки Петербурга, подготовлен первый номер газеты «Рабочее дело».

Царские шпионы с ног сбились, стремясь узнать организаторов «Союза». Наконец им удалось напасть на след. «Старик» и его соратники оказались за тюремной решеткой.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ

В тюрьме энергия не покидала Владимира Ильича. Перед сном он занимался гимнастикой, а весь день сидел за работой. За самой настоящей революционной работой.

И что вы думаете? Тюремщики не смогли помешать ему в этом.

Владимир Ильич пишет на волю письма, расспрашивает друзей, какая обстановка в стране, дает им советы и указания. Он даже переписывается с товарищами по заключению, поддерживает в них бодрость духа.

Сразу же после ареста Владимир Ильич обложил себя книгами и стал составлять проект Программы будущей партии. Программа — очень важный документ. В ней должно быть коротко и ясно сказано, чего партия добивается и за что она борется.

Вначале Ленин рассказал, в каком положении находились тогда рабочие, и объяснил, почему они борются с капиталистами и другими угнетателями, живущими чужим трудом.

Потом перечислил задачи, которые предстоит выполнить партии.

В отдельном пункте Владимир Ильич записал: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Несколько лет спустя эти слова зазвучали в русском тексте международного пролетарского гимна «Интернационал»: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!»

Так оно и стало! В октябре 1917 года под руководством Коммунистической партии рабочие освободили и самих себя, и крестьян, и весь народ.

Ну, а за двадцать два года до этого в проекте Программы партии Ленин перечислял самые насущные требования угнетенных. Они касались заработной платы, восьмичасового рабочего дня и других нужд трудящихся.

Не забыл Владимир Ильич и маленьких пролетариев. Дело в том, что в то время на заводах и фабриках нередко работали дети в возрасте девяти — двенадцати лет. Правда, для формы существовал закон, по которому хозяин не имел права принимать на работу детей моложе двенадцати лет. Но кто соблюдал этот закон? Почти никто! Нередко бывало так: приедет на завод царский чиновник проверять для вида, нет ли там малолетних, и хозяин тут же выгонял работавших у него детей во двор.

Вот чтобы капиталисты не могли эксплуатировать ребят, Ленин и записал особый пункт, требующий «запрещения работы детей до 15 лет».

ШЕСТЬ ЧЕРНИЛЬНИЦ НА ОБЕД

Однако как же Ленину удавалось писать Программу, статьи и письма? Ведь тюрьма не библиотека. То и дело слышны за стеной тяжелые шаги надзирателя. Чуть что, он заглядывает в окошко и сердито покрикивает на заключенного.

Чтобы обмануть тюремщиков, Владимир Ильич придумывал разные хитрости. Одно время он писал точками. На страницах какой-нибудь книги ставил мелкие, почти незаметные точки внутри букв, а уже на воле родные составляли из этих букв слова и строки.

Но много точками не напишешь. Надо было изобрести другой способ, поудобнее. И тут вспомнил Владимир Ильич о письме невидимыми чернилами.

Такие чернила называют симпатическими.

3. Изучая у (первыхъ двадцати-двухъ) скелетовъ 20-й по общему
Эта борьба рабочего класса
чету позвонокъ, мы видимъ постепенное превращеніе его изъ грудно-
о въ поясничный и наглядно убѣждаемся въ преобразованіи одного
с классомъ капиталистовъ
, пинно-поясничнаго типа — (13 г. + 5 п.) въ другой (12 г. - 6 п.).

.Такое преобразованіе обусловлено слѣдующей причиной. По мѣрѣ
есть борьба противъ всѣхъ
меньшенія 13-го ребра и болѣе тѣснаго срощенія его съ позвонкомъ.

другими словами, по мѣрѣ превращенія ребра въ реберный отростокъ.
классовъ живущихъ чужимъ
это ребро постепенно отодвигается кзади сначала оно сочленяется

своей головкой съ боковой поверхностью тѣла позвонка, потомъ сочле-
трудомъ и противъ всякой
ловная фасетка располагается между тѣломъ позвонка процессус латера-
эксплуатаціи она можетъ
лис. на дугѣ. Далѣе ребро сливается съ передней частью процессус
окончиться лишь переходомъ

Страница научного журнала с ленинским проектом первой Программы партии, написанным между строк невидимыми чернилами.

Когда пишешь ими, решительно ничего не видно. Стоит потом написанное нагреть или проявить специальным химическим веществом, и все сразу выступает.

Только где взять в тюрьме такие чернила? И Владимир Ильич решил воспользоваться... молоком. При нагреве все написанное молоком приобретает темно-желтую или коричневую окраску. Так молоко, самое обыкновенное молоко превратилось в чернила.

Итак, чернила есть, а где взять чернильницу? Эта задача оказалась совсем легкой. Ленин стал сам делать чернильницы. И знаете из чего? Из черного хлеба!

Слепит он такую чернильницу, нальет в нее молока и пишет белыми чернилами между строк какой-нибудь книги. А чуть раздастся за дверью подозрительный шорох, Владимир Ильич в один момент отправляет чернильницу вместе с «чернилами» прямо в рот.

Был однажды день, когда тюремный надзиратель особенно часто заглядывал через окошко. В одном из писем родным Ленин шутливо писал об этом событии:

«Сегодня съел шесть чернильниц».

СТОЛИК С СЕКРЕТОМ

Какова же дальнейшая судьба тех документов, что были написаны Лениным в тюрьме?

Обычно, когда письма или книги с тайными записями между строк приходили на волю, родные и друзья Владимира Ильича сразу же их проявляли. Чаще всего этим занимались сестра Ленина Анна Ильинична и Надежда Константиновна Крупская. Они нагревали листы над лампой или опускали их в горячий чай, и бесцветные строки, выведенные молоком, сразу становились видными.

После этого Анна Ильинична переписывала начисто проявленные записи, а подлинные листы, полученные из тюрьмы, уничтожала. Такая же участь постигла проект Программы партии и объяснение к ней, написанные Лениным «белыми чернилами».

Очень жаль, конечно, что не сохранились эти замечательные документы, написанные рукой Владимира Ильича таким необычным способом!

Но что было делать? Ведь революционерам каждый день угрожали аресты и обыски.

Да и переписанные начисто листы не так просто было хранить. Для них родные Ленина приспособили особый столик. Это был столик с секретом. Его изготовил по просьбе Владимира Ильича один искусный столяр. Столик имел одну толстую ножку, в которой было выдолблено глубокое отверстие, завинчивающееся специальной крышечкой. В него и прятала Анна Ильинична материалы, переписанные с книжных листов. Положили внутрь ножки сверток бумаг, завинтили крышку — и снаружи ничего не заметно.

Столик этот одно время стоял на квартире Надежды Константиновны Крупской. Однажды к ней «пожаловали» с обыском жандармы. Они перерыли всю квартиру, ходили вокруг да около столика, но ничего подозрительного не обнаружили. А как раз в то время в столике были запрятаны листы Программы партии! Выручил на этот раз столик из беды!

Может быть, благодаря столику и дошли до нас некоторые редкие документы тех лет. В Москве, в Институте марксизма-ленинизма, хранится один экземпляр проекта Программы партии, тоже написанный невидимыми чернилами. Записи сделаны между строк на страницах научного журнала, изданного в 1900 году.

Читаешь страницу, и получается какая-то странная смесь. На одной строчке печатными буквами говорится о скелетах, позвонках, а на другой — от руки — о борьбе рабочего класса против капиталистов.

Так ведь это и понятно! Революционер-переписчик вписал невидимыми чернилами между строк медицинской статьи текст ленинского проекта Программы партии!

Владимир Ильич хранил этот журнал у себя в особом конверте, на котором его собственной рукой было написано:

«Старый (1895) проект программы».

ВЕЛИКАЯ ЦЕЛЬ

последствии Владимир Ильич не раз еще занимался Программой партии. Первая Программа была принята в 1903 году, на II съезде РСДРП. Она была выполнена в октябре 1917 года, когда социалистическая революция смела власть помещиков и капиталистов. В 1919 году на VIII съезде партии была утверждена составленная Лениным вторая Программа. В ней была выдвинута задача создания социалистического общества.

Об этой Программе Никита Сергеевич Хрущев недавно говорил:

«Мы можем с гордостью сказать, что вторая Программа партии, разработанная Владимиром Ильичем Лениным, нашей партией выполнена с честью».

Это большая победа коммунистов, верных продолжателей дела Ленина.

Многое изменилось с тех пор, как Владимир Ильич ушел от нас. Наша страна стала могучей державой. Вокруг нее объединился большой лагерь государств, вставших на социалистический путь. В боях с империализмом один за другим освобождаются от оков колониального гнета народы Африки, Азии и Латинской Америки. И уже близка в нашей стране заветная цель, о которой долгими зимними вечерами мечтал молодой узник в тюрьме на Шпалерной улице. Эта цель — коммунизм.

Построение коммунизма — самого справедливого и счастливого общества на земле — сегодня стало главной очередной задачей нашей партии и всего советского народа. Поэтому в октябре нынешнего года на XXII съезде Коммунистической партии будет принята новая, третья Программа — программа строительства коммунизма. Она приведет нас к великой цели, во имя которой жил и боролся Владимир Ильич Ленин.

ПАРТИЯ ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАШАЕТ: НЫНЕШНЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ БУДЕТ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!

Из проекта Программы КПСС.

НОВЕНЬКИЙ

РАССКАЗ

Вл. КЕССЕНИХ

Рисунки Е. Медведева.

Стоял апрель, но пахло уже маем. Юля первый раз в этом году вышла из дому без галош. Чтобы не запачкать туфельки, она пробиралась возле самого забора, а когда переходила улицу, прыгала с камня на камень.

Доски забора были серые и шершавые, ветки у жерделей — голые и коричневые. Улица сверкала и густо парила лужами. Даже голова немного кружилась. Вместо пятнадцати минут Юля шла целых тридцать и чуть не опоздала в школу.

Тася встретила ее в коридоре, близко придвинула лицо и затараторила:

— Ой, Юлька, что делается! Ты знаешь, у нас новенький. Аж с Арктики приехал! У него отец — морской летчик...

Похоже, что Тася давно дежурила здесь, чтобы первой сообщать всем интересную новость.

Юля пожала плечом. Ну и что ж? Не все ли равно, с Арктики или с Антарктики. Раз мальчишка, значит, будет писать записки и предлагать дружбу. Все мальчишки почему-то предлагают Юле свою дружбу.

Юля вошла в класс. Тася оглядела пустой коридор, вздохнула и юркнула следом.

— Он с отцом сейчас в учительской. Скоро придет. Вот его шапка, видишь, какая, летческая.

— Эх ты, шапка летческая! Это же шлем!

Владик сорвал шлем с вешалки и сунул Тасе под нос. Шапка в самом деле была замечательная: скрипучая, с блестящими застежками, покрытая изнутри золотистым мехом в мелких завитушках. Владик знал, для чего нужна каждая застежка, но Юля уже не слушала. Тогда Владик вывернул шлем наизнанку, надел на голову и запрыгал в проходе между парт, изображая обезьяну. Получилось очень здорово — весь класс так и покатился со смеху.

★

Дверь приоткрылась чуть раньше, чем зазвенел звонок. Александра Петровна стояла на пороге и с кем-то разговаривала. Ребята видели черную шинель, золото погон, слышали: «Да, да. Конечно. Пожалуйста». Потом шинели не стало видно, дверь открылась шире, Александра Петровна вошла в класс и с ней новенький.

— Здравствуйте, ребята. Это наш новый ученик Костя Зыбин. Давайте подумаем, куда мы его посадим.

Тридцать пар глаз уставились на новичка. Юля тоже взглянула мельком и отвернулась.

Он был совсем не такой, этот мальчишка. Все на нем стояло торчком. Серая форменная гимнастерка, оттопыренные уши, светлые вихры...

Класс глухо шумел. Изредка раздавались смешки и снова стихали. Юля водила сухим пером по промокашке и думала, что с такими ушами никакой шлем не поможет. Как ему, должно быть, неуютно под этими лукавыми и насмешливыми взглядами! Юля представила себя на его месте и даже пожалела новенького. Она подняла голову, чтобы увидеть разнесчастного человека, и снова ошиблась. Он был совсем не несчастный. Он стоял и улыбался, не как-нибудь там криво или робко, а просто так, как улыбаются люди, когда у них хорошо на душе.

Пока Александра Петровна размышляла, Костя не терял времени даром. В первом ряду у окна он заметил свободную парту. Конечно, Костя был человек новый и не мог знать, что у этой парты была дурная слава. Не любили ее в классе, и каждый имел на то свои причины. Одних смущало, что парта стоит на одной линии с учительским столом. Другим не нравилось, что при открытых окнах здесь пересекаются все сквозняки, гулявшие по классу. Для третьих она была местом частых ссылок. Сколько раз среди урока раздавался негодующий голос Александры Петровны: «Дудочкин, сию минуту пересядьте на первую парту!» Что поделаешь? Приходилось собирать пожитки и отправляться на гиблое место. Но Костя был человек новый, и поэтому он сказал:

— Если можно, я сяду сюда.

Александра Петровна удивилась, но разрешила. Костя быстренько устроился и, как бы думая вслух, признался:

— Я очень люблю смотреть в окно.

Александра Петровна сухо отрезала:

— Разумеется, не на уроках?

Солнце грело по-летнему. Оно весело качалось на стенах, золотистой лапой ворошило ребятам волосы и просвечивало сквозь Костины уши. «Как у кролика», — сердито думала Юля. Она сидела позади Кости и уже четвертый урок видела перед собой его стриженый затылок. Юля была примерная ученица. На уроках она сидела смирно и смотрела прямо перед собой.

Костя тоже сидел смирно. Стекла открытого окна отражали весь класс, и лучше всего была видна девочка с толстой косой, перекинутой на грудь. У девочки было упрямое, чуть скуластое лицо и большие темные глаза. Она первой поднимала узкую ладошку, а ответив, небрежно откидывала свою роскошную косу за спину. Костя удивлялся: «Вот задается! Я ведь, когда догоню, буду отвечать не хуже». А сейчас его дела и впрямь были плохи. Он здорово отстал по русскому и математике. Совсем скверно было с немецким. За последние два года Костя учился в трех школах. Как и все дети военных, Костя привык к непрерывным переездам. Он знал, что догонит своих товарищей, привыкнет к новой школе, полюбит ее, и когда придет время расставаться с ней, будет грустно и немного обидно. А пока он сидел в чужой школе, на чужой парте. За окном лежал чужой город. Весенний воздух покачивал раскрытые створки, и с чистой поверхности стекла на него смотрело упрямое и насмешливое лицо незнакомой девочки.

Последним уроком была география. Костя спросил у новых друзей:

— А как географ, строгий?

— Строгий, но не очень. Он чудак.

— Как чудак?

— А вот так. Зимой без шапки ходит и вообще...

— Что вообще?

— Вот пристал! Что да что... Придет — сам увидишь.

И Костя увидел. В класс стремительно вошел седой загорелый человек. Лацкан серого спортивного пиджака украшал сине-белый альпинистский значок. Точно подброшенный пружиной, класс вскочил, весело гаркнул:

— Здрасте, Сан Саныч!

Учитель махнул рукой и, подождав, пока все рассядутся, сказал:

— Я слышал, у нас новенький?

Костя, краснея, поднялся. Прищурившись, географ спросил:

— В первый же день — и в ссылку?

— Нет, нет! Он сам попросился! — закричали из класса.

— Отлично, — сказал учитель и раскрыл журнал.

География проходила весело и совсем непохоже на другие уроки. На переменке ребята до блеска вытерли доску, подобрали бумажки с пола, развесили цветастые карты. На стол поставили большой голубой глобус и так сильно раскрутили, что он до сих пор медленно вращается.

Сан Саныч смотрит в журнал, но почему-то никто не бледнеет, не съеживается, не ли-

стает судорожно учебник. Наоборот, тянется целый лес рук:

— Меня спросите!

— Вызовите, Сан Саныч!

— Я давно не отвечал...

Сан Саныч вызывает. А сам широко ходит по классу, улыбается и только изредка остановится посмотреть, туда ли потянулась указка. И еще Костя замечает, что учитель нет-нет да взглянет быстро на новенького, будто прикидывает, примеряет свою особую мерку. Тревожно становится Косте. По географии он тоже отстал. Неужели снова придется встать в этом праздничном классе и, запинаясь, признаться, что ничего не знаешь. Костя горбится на парте, бесцельно смотрит в книжку и все ждет вызова.

Кончился опрос. Костя облегченно вздыхает: «Пронесло!»

— Сегодня, ребята, мы переходим к новой теме — «Природа Крайнего Севера». Но я объяснять ничего не буду. Новый урок нам расскажет... Костя Зыбин.

Костя не верил ушам. Остальные тоже думали, что это шутка, и кто-то нерешительно хихикнул.

Сан Саныч очень серьезно вручил Косте указку, а сам уселся за его парту. Двигая с трудом ватными ногами, Костя вышел к доске.

— Расскажи нам, Костя, какие деревья встречаются на Крайнем Севере?

Костя облизнул сухие губы.

— На Крайнем Севере растут елки и эти, как их...

— Палки! — выкрикнул под хохот класса Владик.

Сан Саныч нахмурился. В наступившей тишине Костя хрипло закончил:

— ...сосны. — И замолчал надолго.

★

Молчал класс, молчал Сан Саныч, молчал Костя. Скверно было ему. Не лучше чувствовал себя и сам Владик. Не такой он был человек, чтоб подводить товарища. Не такой!

От волнения Владику не сиделось. Он вертелся и даже слегка подпрыгивал. Парта жалобно скрипела. Выручить! Спасти! Подсказать! Эх, да чего тут подскажешь!..

И вдруг Владика осенило.

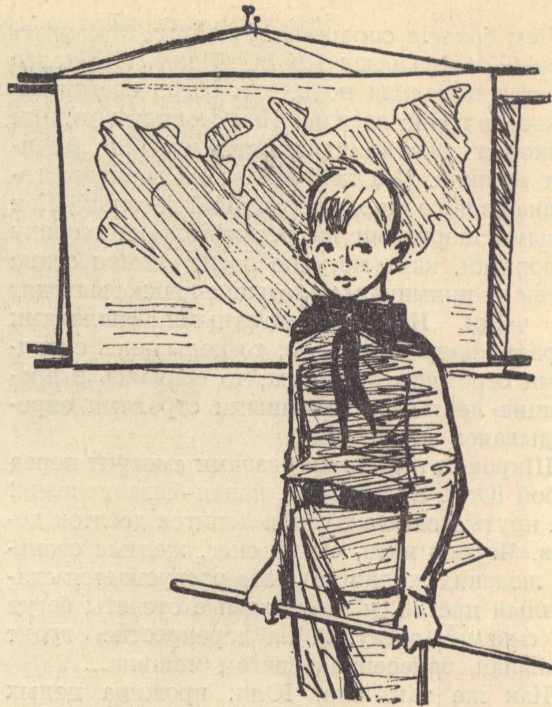
— Сан Саныч! Можно спросить?

— Говори.

— Правда, что на Севере едят сырое мясо?

Географ усмехнулся.

— А ты у Кости спроси.

Костя смотрел в окно. Не поворачивая головы, он буркнул:

— Правда.

Тася тихо пискнула от ужаса. Ребята насторожились.

— Что, не верите? Называется строганина. Берут кусок мороженого оленьего мяса и стругают, как чурку. Настругают побольше и едят.

— Это ненцы едят, — авторитетно сказал Владик. — Я где-то читал.

— Не только ненцы, все, кому нравится. Кто с перцем любит, кто с солью...

— А ты с чем любишь?

— Я, по правде говоря, не пробовал. Зато брусника мороженая — вот это да! У нас там ее сейчас полно на каждой проталине.

— Снегу у вас там очень много?

— Хватает. Зимой до крыш дома заносит. Бывает, и летом снег идет.

— Как так летом?

— Очень просто. В прошлом году в июне на березках уже листья были. Березки, конечно, карликовые, маленькие, а листочки совсем крошечные. Нагрянул с моря снежный заряд, все кругом засыпало. Вышли мы потом на улицу и видим: торчат из сугробов зеленые листочки. Смешно даже.

— А что с березками было? Померзли?

— Что ты! Они привычные, не такое видали...

Чем больше спрашивали ребята, тем интересней рассказывал Костя. О том, как долго тянется полярная ночь, как остро светят далекие колючие звезды. Как темными утрами гулко сигналит на перекрестке крытая брезентом машина. (На ней ребята из военного городка ездят в школу в соседний поселок.) Как серыми шариками выкатываются на опушку куропатки, как могучие лоси, ломая сухие ветви и приминая молодые елочки, выходят из чащи. Как разноцветными сполохами играет полярное сияние, то колыхаясь складками огромного занавеса, то свиваясь в дрожащие ленты, то огненными стрелами опрокидываясь на землю...

Широко открытыми глазами смотрит перед собой Юля. Вот, значит, какая бывает жизнь! На крутых склонах сопок лепится десяток домов. Черное небо, синий снег, желтые огоньки людских жилищ. В небе распускается сказочный цветок, и немыслимые отсветы бегут по синему снегу. А на перекрестке гудит большая, занесенная снегом машина...

Как же так, она, Юля, прожила целых тринадцать лет и ничего не видела, не слышала, никуда не уезжала! А в это время отважные люди выходили из теплых домов в метель и темень, охотились, искали руду, учились, охраняли землю и небо нашей Родины...

★

Было поздно, когда закончился этот удивительный урок. Школа давно опустела. Сан Саныч отнес в темную учительскую журнал, потом всем классом ребята проводили его до трамвайной остановки.

Идти решили пешком. Сперва говорить не хотелось. У всех было такое чувство, будто они долго путешествовали, а теперь вернулись в родной город и не узнают его.

На бульваре жгли прошлогодние листья. По голой весенней земле стлался голубоватый дымок. Серебряно блестели ниточки рельсов. Мало-помалу мальчишки разговорились. Речь зашла о летнем туристском походе. Ребята стали горячиться, перебивать друг друга и все убыстряли шаги.

Юля осталась вдвоем с верной Тасей. Девочки молчали. В зеленом вечернем небе летел самолет. Узкое розовое облако тянулось за ним. Интересно, куда он летит, этот самолет? На север, где над белыми сопками висит красное незаходящее солнце? На юг — к теплым синим морям? На запад? На восток? Ведь земля такая огромная!

Юля вздохнула и дернула Тасю за рукав:

— Отстали мы что-то. Давай догонять мальчишек!

На форуме

Десять дней в Москве работал Всемирный форум молодежи. Десять дней поднимались на трибуну посланцы Африки и Европы, Азии, Америки и Австралии. Делегаты форума говорили о самых важных задачах человечества: о всеобщем разоружении, мирном сосуществовании разных государств, о борьбе с колониальным рабством...

Они рады познакомиться—московские школьники и Де Суза Кодисо—делегат Того. Тот, кто борется за мир и свободу, кто мечтает о светлом будущем,— хороший друг детей.

На форуме

О ребятах всех стран и народов шла речь на комиссии форума, посвященной защите детей. На снимке: юные хозяева Фрунзенского дома пионеров с кубинским делегатом Льянесом Клауселем Орландо.

Мы попросили дорогого гостя написать несколько слов читателям нашего журнала. Вот что он написал:

«Национальный герой Кубы Хосе Марти говорил, что дети — это надежда мира. Завету Марти следует вся кубинская молодежь, руководимая Ассоциацией молодых повстанцев. Наши дети будут воспитываться на примере героических борцов за свободу Кубы, таких, как Камило Сьенфуэгос, Фидель Кастро и другие патриоты.

Пионерская организация Кубы родилась несколько месяцев тому назад. У вас большой опыт пионерской работы. И мы приехали к вам, ребята, чтобы перенять этот замечательный опыт.

От имени кубинской делегации, которая приехала на форум молодежи, желаю вам, дорогие советские пионеры, большого счастья и успехов в учебе и труде».

Orlando Llanes Clausell.

Вот он, новый социалистический город Волжский. Десять лет назад на месте его широких улиц была голая, выжженная солнцем, открытая всем ветрам степь.

ВОЛЖСКИЙ

Весело выглядывают из зеленых зарослей светлые жилые дома.

Вы слыхали о Волжском? Замечательный город! Он едва-едва достиг «школьного возраста», а уже считается вторым по величине центром Сталинградской области. Улицы его — светлые, широкие, прямые — до единого домика новенькие, будто с иголочки. А сколько зелени!..

Деревья не только украшают город. Они,

словно волшебное войско, помогли Волжскому одолеть злые ветры. Ведь вырос он, как в сказке, на совершенно голом месте. И властвовал на этом месте суховей. Он поднимал над степью такие тучи пыли, что даже днем автомашины ездили с зажженными фарами. А встал город — и пыли как не бывало. Архитекторы расположили его так, что любой буран, захватив две-три улицы на окраине, затихает. Две трети площади города занимают парки, сады, бульвары. Еще не было домов, не пролегали асфальтовые ленты мостовых, а зеленые клены уже шелестели листвой вдоль будущих тротуаров.

У Волжского примечательная история. Обычно бывает так: растет город, и для него строят электростанцию. С Волжским получилось наоборот. Он возник по замыслу энергетиков, как город — строитель Сталинградской ГЭС.

В первых домах над Ахтубой поселились бетонщики, бульдозеристы, экскаваторщики, шоферы, крановщики — те, кто воздвигал на Волге плотину. Один за другим вступали в действие новые заводы города. Они выпускали для гидростанции строительные материалы, машины, механизмы.

И вот крупнейшая в мире Сталинградская ГЭС пущена в строй. Ее гигантские агрегаты заработали на полную мощность на год раньше срока. Волжский-строитель успешно справился со своей почетной задачей.

Однако самое интересное у Волжского впереди.

Посмотрите на карту. К востоку и югу от города раскинулись богатые земли Заволжья и Волго-Ахтубинской поймы. Недалеко то время, когда эта целина будет освоена человеком, и Волжский станет столицей чудесного края изобилия.

Уже к концу семилетки Волжский увеличится вдвое. Сталинградская ГЭС, которую он построил, поможет ему расти. Ее дешевая электроэнергия приведет в движение тысячи новых станков и механизмов на строительных площадках и предприятиях города. Уже поднимается Волжский химический комбинат из шести заводов, которые будут давать стране самую разнообразную продукцию — от синтетического каучука до ускорителей развития растений. На юго-восточной окраине города сооружается еще одна группа заводов. Среди них подшипниковый завод-автомат и самый крупный в Европе — абразивный (абразивы — твердые порошки для шлифовки металлов, стекла).

Вот какие замечательные перспективы открываются перед Волжским, молодым городом будущего!

В таких школах учатся юные жители Волжского.

М. Метаниева

СЛЕТ ВОЖАТЫХ

К нам на слет прибыли:

Киселева Лора из г. Горловки

Гаврилина Нина и Орлова Таня из г. Павлово-Посада, Московской области

Рогулина Светлана из села Кочкарь, Челябинской области

Лариса Франко из Гродненской области

Лена Белякова из Москвы

Алла Александрова и Люся Клепикова из г. Черемхова, Иркутской области

Галя Бормонтова и Рая Нефедьева из села Гайны

Мирзахмет Умуров из села Б. Аксу, Казахской ССР

Люся Зотова и Валя Гренькова из совхоза «Пятилетка», Пензенской области, и много других ребят, приславших нам письма о своей дружбе с октябрятами.

В письме Наташи Киселевой из г. Луганска было написано:

«Пусть наш слет вожатых октябрят ведет Наталья Сергеевна Панова. Я читала ее книжку «Октябрята» и очень хотела бы с ней поговорить».

Наталья Сергеевна Панова много лет работает с октябрятами. Она друг всех звездочек и их вожатых, самая старшая вожатая октябрят.

Предоставляем слово Наталье Сергеевне Пановой.

ОКТЯБРЯТА—ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НАРОД

Я не знаю, какие вы — черноволосые или русые; какие у вас глаза — карие, голубые или черные.

Но мне хорошо известно, что вы любите младших ребят — октябрят, что вам с ними интересно дружить. Вам хочется, чтобы и они полюбили вас, ждали вашего прихода и радостно бежали навстречу.

Октябрята — замечательный народ. Это неугомонные, непоседливые и очень любознательные ребята. И еще они очень любят подражать старшим. А вы ведь для них теперь тоже старшие! Если они вас полюбят, они будут ходить за вами следом, не отставая ни на шаг. Вы станете для них таким же авторитетом, как учительница.

— А Боря сказал нам сделать так!

— А Боря сказал, что дразниться нельзя!

Вот так и будут они твердить друг другу и даже своим родным.

Не забывайте об этом. Ведь они еще маленькие и подражают всему без разбора. Если вы ходите растрепой — и они перестанут следить за собой; если кричите на них — и они будут надрываться.

Старайтесь вести себя так, чтобы они подражали вам в главном, хорошем. Пусть они захотят так же ловко мастерить, так же звонко петь и так же весело отплясывать, как это умеете делать вы.

И еще всегда помните: вы для октябрят— первые настоящие пионеры. По вашим делам и поступкам они будут судить о всех пионерах.

Пусть же, глядя на вас, октябрята мечтают о том дне, когда их будут принимать в пионеры! Пусть и ваши малыши говорят:

— Я хочу быть пионером, как наша вожатая Лена!

А теперь давайте послушаем делегатов нашего слета. Только договоримся о главном: сегодня разговор идет начистоту, откровенный. Мы должны помочь друг другу и тем тысячам вожатых октябрят во всех концах страны, которые будут читать наш журнал.

ОКТЯБРЯТ

„НАМ ЧАСТО ПРИХОДИТСЯ ТРУДНО“, — говорят вожатые звездочек

Светлана Рогулина:

Я хожу к октябрятам каждый вторник. У нас время проходит скучно. Иногда некоторые октябрята убегают. Мне очень стыдно. Но я сама виновата. Не знаю, что делать? Как сделать, чтобы октябрятам было весело? Чем заняться?

Нина Гаврилина и Таня Орлова

Мы вожатые звездочек 1-го класса. Работа у нас идет плохо, так как наши товарищи, пионеры, не помогают нам совсем.

Люда Климова:

Работы в звездочках у нас никакой нет.

Мы захотим свою звездочку собрать, а учительница октябрят Глафира Никифоровна говорит, чтобы весь класс остался, а то другим октябрятам будет скучно. А со всем классом мы не справляемся. И еще, если мы ходим часто, то учительница говорит, что октябрятам надо домой. И выходит, что мы ходим к октябрятам только перед праздниками.

Лора Киселева:

Мне часто приходится трудно. У меня, наверное, нет смекалки. Иногда я даже не могу успокоить октябрят (когда они шумят). А кричать я на них не могу, потому что очень люблю их.

Книга — твой друг и помощник. Почаще читай октябрятам.

«Нянюшкам», которые считают октябрят несмышленышами; трусам, которые и с горки-то съехать не решаются, — в звездочках делать нечего. Октябрята их все равно не полюбят.

Что мы ответим этим вожатым?

Ведь они никакие не лентяи, все они очень любят свою работу, просто еще мало умеют. Наш слет обязательно должен им помочь.

Как сделать, чтобы октябрятам не было скучно? Как добиться, чтобы все пионеры полюбили малышей?

Пусть об этом расскажут те вожатые, которые научились дружить с октябрятами.

Выступает Лариса Франко:

Совет дружины назначил меня вожатой октябрят 2-го «А» класса. Сначала я думала, что не справлюсь с работой.

В первый же день я пошла к октябрятам. Вошла в класс, но не знала, что делать. Они меня не слушали, убегали домой. Это было много раз. Я призадумалась, как привлечь октябрят к себе. Предлагала им разучивать песни, читать книги, играть в игры, но это не помогло.

Однажды я стала разучивать с ними пьесу «Звездочка потеряна». Она мне очень нравится, и октябрятам понравилась. С тех пор я разучивала новые пьесы, танцы и песни.

После этого октябрята охотно оставались все, когда я приходила к ним.

Вместе с октябрятами мы делали маски к Новому году. Все они принесли бумагу, клей и ножницы. Зимой делали кормушки и кормили птиц. Ходили в детский сад, чинили игрушки и читали книжки детям. Я почувствовала, что нашла такое занятие, которое заинтересовало их.

В моей звездочке пять октябрят. Я думаю, что Лена Войтко, Люда Кухта и Лиля Сычева будут достойными пионерами Советского Союза.

Ко дню рождения В. И. Ленина моя звездочка оформила альбом, и он лежит в нашей пионерской комнате.

Как-то раз я пришла к октябрятам, и они мне предложили сходить на кролиководческую ферму. На ферме для ребят самое интересное занятие — ухаживать за кроликами.

Мои товарищи-пионеры сейчас мне не помогают потому, что я их еще не просила. Но я думаю, если когда-нибудь я окажусь в беде, они всегда меня выручат.

Говорят Алла Александрова и Люся Клепикова

Мы любим своих октябрят. Каждому стараемся найти интересное занятие. Очень хотим, чтобы им было весело. Нам не раз было трудно, но мы побеждали трудности.

Октябрята — мои друзья

Лена Белякова принесла на слет свой дневник

...Вожатая я уже второй год.

В нашем классе ребята считают, что быть вожатым октябрят — это возиться с «мелюзгой».

Что же сделать, чтобы пионеры полюбили малышей?

Мне хочется написать о самых интересных, полезных и веселых событиях в октябрятской жизни.

Новогодняя газета

Скоро Новый год! И, конечно, должна быть веселая, праздничая газета. Вся звездочка осталась ее делать. Пионер Володя Андреев сфотографировал малышей. И теперь их веселые рожицы красуются на длиннющей бороде деда-мороза.

Газета у нас получилась веселая и интересная.

Мы внучата Ильича

К ленинским дням октябрята учили стихи и песни о Ленине.

Наступает день сбора. Я стою среди ребят и рассказываю о любимом вожде. Чтобы им было интереснее, я рассказываю не одна. Мне помогают мои подруги — Нина Платонова и Оля Большакова.

Нина рассказала о детстве Ильича, Оля — о юношеских годах, а я — об Ильиче, вожде рабочего класса.

Сбор с пионерами

На этом сборе октябрята были гостями, а мы, пионеры, хозяевами.

Зазвучал горн. Все быстро построились, особенно старались малыши. А сдача рапорта у октябрят получилась даже лучше, чем у пионеров.

Потом октябрята под музыку сели за празднично убранные столы, чтобы попробовать пионерское угощение. Наши девочки испекли четыре вкусных пирога. На самом большом была выпечена звезда.

Малыши остались довольны сбором. И нам он тоже запомнился.

8 марта

Малыши очень любят свою учительницу Людмилу Кирилловну.

8 марта ребята пришли в школу рано. Мы еще раз прорепетировали встречу учительницы. И вот она входит в класс. Ребята встают, звучит стихотворение про маму. Потом малыши вскакивают с мест и кладут на стол учительницы веточки мимозы.

Но на этом поздравление не кончилось. Каждый мальчик подошел к девочке и подарил ей поздравительную открытку. Тогда девочки хором сказали: «Спа-си-бо!».

Начал дело — закончи его

Октябрята — мои друзья. Мы стараемся помогать друг другу.

Задумали мы выступить на новогоднем празднике в школе. Это всем очень понравилось. Все захотели помогать нам: пионеры, учителя, родители. Но подготовить с малышами хорошее выступление не так-то легко. И очень скоро у многих появились сомнения: а получится ли, стоит ли тратить время?

И даже учительница сказала: «Что-то ты, Лена, много затеяла. Родители жалуются, что их дети долго задерживаются в школе».

Только я и мои друзья октябрята не сдавались. «Если начал дело — закончи его»,— говорила я малышам. И мы каждый день упорно оставались репетировать.

Однажды, когда мы остались делать костюмы и засиделись до темноты, пришла одна мама и хотела забрать свою девочку.

Но когда она увидела яркую бумагу и веселых малышей, примеряющих наряды, она перестала браниться и разрешила дочке остаться. Это была наша первая победа!

И вот началось выступление. Оно прошло замечательно.

И если теперь мне скажут: «Это вы сделать не сможете»,— я, не задумываясь, отвечу: «Я верю в октябрят!»

Я ВЕРЮ В ОКТЯБРЯТ!

«Все октябрятские занятия придуманы только для девочек,— жалуются некоторые вожатые.— А что мальчишкам делать в звездочке?»

Хороший ответ есть у Лены Беляковой. Вот какое занятие придумала она для мальчиков — сбор «Октябрята в космосе»!

Октябрята в космосе

У пульта управления ракеты.

«Человек в космосе! Человек в космосе!» Это известие разнеслось по школе 12 апреля 1961 года. Октябрята были взволнованы. «Вот здорово! Вырасту — на Луну полечу!» «А я на Марс!» «Что на Марс? На Венеру интереснее!»

Через несколько дней я зашла к октябрятам и сказала: «А кто из вас сейчас хочет полететь в космос?» И, конечно, кандидатами на полет в космос записались все.

Малыши были очень рады. А на следующий день ко мне подошел октябренок из другого класса: «Девочка, это ты записываешь на полет в космос? Запиши меня».

Долго мы готовились к сбору. Выбрали экипаж корабля, в который входили: командир, два радиста, три пилота, синоптик, растюардесса. О работе каждого из них мне пришлось подробно рассказать ребятам.

26 мая 1961 года.

На сцене стоит большая ракета «ЮНКОС-1» (мы сделали ее из стульев). В ракете есть пульт управления, около которого собрался экипаж космического корабля.

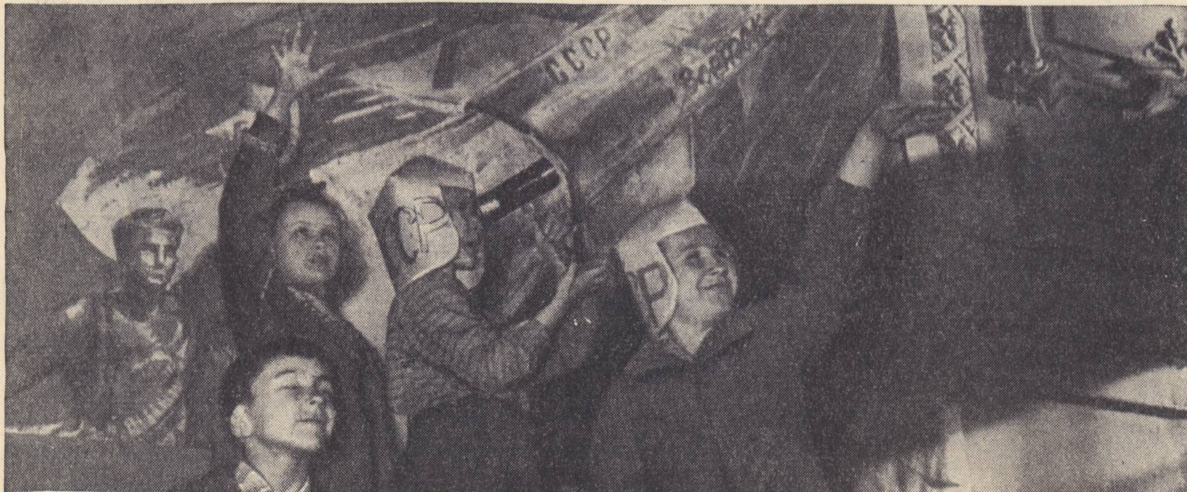
Все затихает. Командир корабля докладывает: «Товарищ начальник экспедиции! Космическая ракета «ЮНКОС-1» к посадке пассажиров готова!»

Пассажиры предъявляют билеты контролеру и с «детьми» и чемоданами входят в ракету.

«Товарищ начальник экспедиции! Ракета к старту готова!» — докладывает командир.

«Товарищи, внимание!
СТАРТ!!!»

Первый пилот отмечает в бортовом дневнике: «Ракета «ЮНКОС-1» ровно в 17 ч.

Октябрята мчатся в просторах Вселенной.

На звездной карте прокладывается маршрут.

52 м. по московскому времени оторвалась от Земли».

С борта нашего космического корабля посылаем телеграмму на Землю:

«Полет проходит успешно, настроение бодрое».

Во время полета мы разучиваем гимн юных космонавтов, который специально для нас сочинил В. Бахревский:

Есть в солнечной системе
Чудесная страна:
Белая, пребелая
Луна, Луна, Луна!

А на Земле есть племя
Веселых октябрят,
Которые придумали
Таинственный снаряд.

Тут нужен глаз умелый
И твердая рука.
Привет, Луна,
Мы прибыли к тебе издалека!

Припев:

В космический простор,
Летим, летим, летим!
В окошки наши круглые
На звездочки глядим.

Чтобы у пассажиров не кружилась голова, стюардесса раздает им леденцы.

«Внимание! Наша ракета входит в безвоздушное пространство.

Приготовьтесь переносить состояние невесомости».

Это, пожалуй, самое интересное. Малыши очень смешно изображают состояние невесомости. «Мамы» крепко прижимают к себе своих детей. «Папы» хватают чемоданы.

Состояние невесомости прошло успешно. Приближаемся к Марсу.

«Пассажиры и экипаж корабля к высадке на Марс готовы!

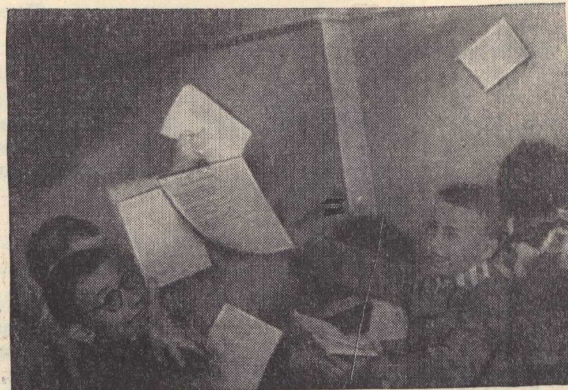
Октябрята-космонавты!
Мы на Марсе!!!»

Малыши разбегаются по залу. Они ищут марсианина. Но его нигде нет. «Марсианин, отзовись!» — кричим мы. «Смотрите, смотрите! Вот он!» «Что же он говорит? Непонятно!» Но скоро октябрята освоились и сами начали разговаривать «по-марсиански».

На Земле нам вручили пакет, запечатанный пятью сургучными печатями. «Распечатать на другой планете», — написано на нем.

С волнением раскрываем пакет:

Полпреды космической эры!
Приходит решительный час:
Корабль сквозь небесные сферы
Несет во Вселенную нас».

Каждому октябренку листовку на память.

Целая пачка таких писем-листовок лежит в конверте. Каждый октябренок-космонавт получает листовку на память.

Но пора на Землю.

Впереди новые интересные полеты в космос.

Лена Белякова

ЧТО ЛЮБЯТ ОКТЯБРЯТА

СОВЕТЫ НАТАЛЬИ СЕРГЕЕВНЫ ПАНОВОЙ ВОЖАТЫМ ЗВЕЗДОЧЕК

Октябрята еще маленькие, им трудно долго заниматься одним делом, трудно сосредоточиться на одном и том же. Они любят разнообразные занятия. Им гораздо легче что-нибудь мастерить, чем слушать длинные доклады.

*

Октябрята очень любят играть.

Они любят игры, в которых можно побегать и попрыгать: прятки, кошки-мышки, гуси-лебеди;

игры со словами, например: «были у бабуси», «карусели»;

настольные игры: лото, мозаику.

Они любят строить кукольный город, колхоз, завод.

А особенно любят игры в то, что они видят в жизни,— в школу, в магазин, в зоопарк, в космические полеты.

*

Октябрята любят слушать сказки, рассказы, особенно, если вы их читаете выразительно. Очень нравятся им рассказы о мужественных людях и героических поступках. Приносите

к ним «Пионерскую правду», «Мурзилку», слушайте с ними передачи по радио для октябрят.

Октябрята любят ухаживать за животными, очень интересуются явлениями природы, они настоящие «почемучки».

*

Октябрята любят лепить, рисовать, вырезать, делать игрушки из бумаги, картона, спичечных коробок, шишек, желудей. Хорошо с ними копать грядки или делать клумбы, они с удовольствием моют чайную посуду и даже стирают.

*

Октябрята любят выполнять поручения: дежурить по классу, по звездочке, быть санитарами, хозяйственниками, быть «кем-нибудь».

Но не забывайте, что поручение должно быть не надолго, по силам малышам. Его надо понятно объяснить и добиться, чтобы результаты работы были видны октябрятам.

*

Октябрята любят ходить в лес, на прогулку, слушать рассказы о жизни растений, собирать ягоды и грибы, шишки и желуди. Только не забудьте научить их отличать съедобные ягоды и грибы от несъедобных.

*

У октябрят не всегда хватает терпения доводить начатое дело до конца, но к этому их надо приучать.

Октябрята любят, чтобы вожатые выполняли свои обещания, серьезно выслушивали их и справедливо разрешали их затруднения.

*

Некоторые октябрята любят ябедничать. От этого их надо отучать. Разбирайте с ними только серьезные недоразумения.

*

Не забывайте, что главные дела лучше всего проводить со звездочкой, а не с целым классом. С пятеркой ребят можно и отправиться на прогулку и вскопать клумбу. А когда перед тобой сорок пять малышей, трудно помочь каждому. Когда ребят много, лучше им почитать или рассказать что-нибудь.

А чтобы весь класс не скучал, нужно, чтобы все вожатые звездочек работали хорошо и дружили с учительницей октябрят.

Вожатый Сима Соловьев

Я не знаю человека, который бы пришел на сбор, где принимают в пионеры, и остался спокойным.

Смотрите — вот они выстроились, октябрята, в белых рубашках и кофточках. Строиться еще не умеют, бестолково смотрят себе на носки, а выровняться не могут, вожатой приходится чуть ли не каждого то выдвигать, то подавать назад. Ничего, научатся!

— Обещаю жить, учиться и бороться так, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия!

— Как учит Коммунистическая партия! — нараспев повторяет хор октябрят.

К малышам подбегают старшие ребята повязывать галстуки. Пионеры торопятся, путаются в воротничках, в девичьих косичках. Некоторые от волнения не могут как следует завязать узел, чтоб ровный был.

Но вот на груди одного, за ним второго, третьего октябренка вспыхивают красные огоньки — и вот уже строй преобразился, и даже не верится, что эти красногалстучные только две минуты назад были просто в белых рубашках и были еще октябрята. Как будто чудо какое-то на твоих глазах свершилось.

— Юные пионеры! К борьбе...— У вожатой тоже дрожит голос.

— Всегда готовы!!!

Вот они стоят взволнованные и очень гордые. И мы с вами отвечаем за всех этих ребят, за тех, кому только что повязали галстуки. Мы должны помочь им вырасти настоящими пионерами.

Шефствовать над малышами — это не только ходить к ним сказки почитать да песенки попеть, давайте поучим их и другому, самому главному.

Многие ребята почему-то считают, что пионер — это тот, кто не дерется, не плюется, кто послушен и вежлив.

А мы объясним, что этого еще очень мало. Буржуйские сынки тоже бывали и чистенькими и даже честненькими. А пионер должен быть еще храбрым, настойчивым, волевым человеком. А самое главное — он должен стараться вырасти коммунистом.

А что такое честное пионерское слово, когда его можно давать и как его надо держать? Не стоит читать ребятам нотации, но надо объяснить им при случае, что у пионера каждое слово честное, а не только то, которое дают под салютом.

Что означает салют пионера? Почему в салюте пионер поднимает над головой пять плотно сжатых пальцев?

Это означает, что интересы рабочих пяти частей света пионер ставит выше своих собственных интересов, и если пионеру приходится выбирать между своим делом и общим, он, не колеблясь, берется за общее. А свое — потом, во вторую очередь. На то он и пионер.

Вот что расскажем мы с вами октябрятам и пионерам-новичкам!

Самое важное, чтобы твои октябрята выросли настоящими пионерами

Анна ГАРФ Рисунки Е. Афанасьевой.

Вот как это получилось. Однажды моя младшая сестренка Катька выскочила на мостовую и чуть не попала под велосипед. Но велосипедист предпочел сам свалиться. И вот вместо того, чтобы, поднявшись, снова сесть на машину и укатить, он подхватил испуганную Катьку на руки и вбежал в подъезд нашего дома.

— Чья это девочка? — сердился он, поглаживая ушибленную коленку.— Почему она бегает без надзора?

Вечером в КЛУБЕ ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ состоялось общее собрание жильцов. Все ругали нас, особенно одна боевая старушка, тетя Феня Усачева.

— Пионеры вы или не пионеры? — причитала она.— Вам взрослые во всем идут навстречу. Слесарный набор купили? Купили. Фанеру привезли? Привезли. А клуб? Нигде, по всей улице, ни в одном доме такого клуба нет. И вы не можете за малышами присмотреть. Что же, ежели не могут пионеры, возьмемся за это дело мы, пенсионеры.

Если бы тетя Феня сказала, что мы обязаны смотреть за малышами, если бы она этого потребовала, Толя Сидоренко нашел бы тысячу отговорок. Но тетя Феня сказала: «Ежели вы не можете...»

И Толя вспыхнул, загорелся.

— Слыхали? — обернулся он к нам.

И тут же вскочил с места, подбежал к председательскому столу и оттеснил тетю Феню:

— Это мы-то не можем?!

Бурное возмущение на скамьях родителей, слышны возгласы «Безобразие!» и еще другие существительные и прилагательные в адрес Толи. Но его нелегко смутить. Он начал высказываться еще решительнее:

— А вы, тетя Феня, что можете? Какие песни вы с ними поете?

И Толя запел звонким голосом:

— Дождик, дождик, перестань!
Я поеду во Рязань:
Богу молиться,
Царю поклониться...

Тетя Феня краснеет и опускает свою седую голову. Слышны реплики с мест: «Довольно!», «Хватит!». Но могучий Толин голос льется еще полнозвучней:

— Я у бога сирота,
Отворяю ворота
Ключиком-замочком,
Шелковым платочком...

Шум в зале невообразимый. Толя молча, с высоко поднятой головой, торжественно, как на параде, не спеша марширует к двери. Но в дверях стоит его отец — Павел Иванович Сидоренко, человек военный.

— Сначала извинись перед тетей Феней, потом можешь идти.

Отец и сын оба были людьми с твердым характером. Они стояли друг против друга молча и непреклонно. Трудно предсказать, чем бы все это кончилось, если бы неожиданно в дело не вмешалась сама обиженная — тетя Феня Усачева. Не напрасно она работала в конфликтной комиссии при нашем домоуправлении. Она не дала возникнуть конфликту между отцом и сыном.

— Песня действительно не того,— произнесла она примирительно,— а ведь ты, Анатолий, тут сам виноват. Вон какой у тебя голосище могучий, отчего же ты с малышами хорошую песенку не споешь? А я человек неученый...

Наш Толя, как и большинство вспыльчивых людей, был отходчив. Он подошел к тете Фене и громко попросил у нее прощения.

— Вот и хорошо, что повинился,— просияла старушка,— повинную голову и меч не сечет. Но и вам, товарищи родители, надо вести себя на общем собрании поскромнее. Перебивать, когда пионер говорит,— это некультурно.

Дальше собрание протекало мирно и по-деловому.

Выяснилось, что работы хватит всем: и пионерам и пенсионерам. Нам поручили играть с малышами по два часа в день.

— Только не во вред школе,— заметил Павел Иванович.

— Чтобы свои двойки на детишек не сваливать,— пояснила тетя Феня.

Два часа! Знали мы разве, что такое два часа?! Нам казалось, что это такой короткий отрезок времени, что мы и поиграть с малышами не успеем.

Трудно поверить, но мы даже обиделись:

— Как, *всего* два часа? *Только* два часа?

Ох, уж эти два часа... Теперь мы знаем, что

это такое. Всю неделю только о них и думаешь, об этих часах. И потом, когда дежуришь, оказывается, что их нечем заполнить, а они тянутся, тянутся...

— Ничем их не займешь, ничего им не нравится,— говорил Вася Горбачев, наш художник,— жужжат, жужжат и толкутся, как мухи.

Малыши очень уважали Васю. Выйдет он, бывало, из дома, примостится где-нибудь и начнет кисточкой водить по бумаге — они со всех сторон сбегутся к нему, обступят и смотрят, затаив дыхание.

— Оказывается, они вовсе не любят рисовать,— жаловался нам Вася.— Я поставил им натюрморт: синюю кастрюлю, желтые яблоки, зеленый огурец. А у них все получилось шиворот-навыворот. У одного вместо кастрюли почему-то избушка стоит, другой из огурца сделал зеленую лодку.

Дал я им пластилин, так они по самые уши перемазались, все тринадцать, а я сбежал...

— Да, дежурить очень трудно,— вздохнула Ляся,— но уж раз мы взялись...

Мы достали доски, фанера у нас была, построили в городском саду большой ящик с низкими бортами — песочницу. Весь выходной таскали мешками, возили на тачке песок с реки. Мы сделали лопатки, совки, формочки для песочных пирогов и куличей.

— У этой песочницы я согласен дежурить вне очереди,— заявил Толя и бодро приступил к дежурству.

— Пеките пироги,— приказал он малышам.

Когда пироги, по общему мнению, испеклись, Толя дал новую команду:

— Угощайтесь!

Повторять команду не пришлось. Замелькали совки и лопатки.

Хорошо, что поблизости оказалась тетя Феня. Одному она промыла глаза у фонтана, у другого вытряхнула песок из карманов, третьего отшлепала...

— Ладно, тетя Феня,— сказал Толя,— я теперь сам справлюсь. Пусть меня угощают. Это будет для них вполне безопасно.

Мы с Лясей подошли к песочнице в самый разгар пиршества. Толя, как египетский сфинкс, был засыпан песком чуть ли не по самую шею. А ребятишки подтаскивали все новые и новые порции пирогов. Им нравилось озорничать, они понимали, что Толя сейчас не имеет права обороняться по своему обычаю: ведь он дежурный!

Мы, дежурные, стали для них чем-то вроде клоунов...

Всем знакома эта трогательная картинка: где-нибудь на скамеечке старушка вяжет чулок, а поодаль детишки, взявшись за руки, водят хоровод:

— «Как на Катины именины испекли мы каравай: вот такой вышины, вот такой нижины. Вот такой ширины, вот такой ужины. Каравай, каравай, кого любишь, выбирай...»

Толя уж не смеется над этим караваем, который одновременно и низок, и высок, и узок, и широк.

— Прекрасная песенка,— говорит он, заметив смущение тети Фени. Это она вязала чулок, а малыши пели.— Отличная песенка. Я сам ее певал когда-то.

Дня через три Толя признался нам:

— Я пробовал с ними в этот каравай играть. Не стали, не хотят...

Теперь мы почти и не говорили ни о чем другом, только о них. Мы вышли в сад после того, как сделали уроки, мы хотели поболтать о последних событиях в школе, но говорили опять о малышах.

— Неужели так будет всегда? — сказала Ляся.

Мы шли вчетвером: Толя, Ляся, Вася и я. Невеселая была это прогулка. Как делу помочь, никто из нас не знал, но все понимали, что дальше так дежурить просто невозможно. И отступать тоже было немыслимо: нас уже отметили, нашему КЛУБУ благодарные родители купили в складчину горн и барабан.

— Тише,— вдруг шепотом сказал Вася Горячев и знаком приказал нам спрятаться в кустах.— А дальше по-пластунски.

Мы поползли следом за ним, скрываясь за кустами. И когда он дал знак остановиться, мы, оставаясь сами невидимыми, увидели наших «мушек». Они сидели на большой скамье, все тринадцать, такие милые, славные. Они не жужжали, не спрашивали: «А теперь что будем делать?» Они внимательно смотрели на Вову Дюкалова, вернее, на его знаменитую туристскую белую войлочную шляпу. Широкие отороченные козьим мехом поля шляпы спускались чуть ли не по самый нос.

Мы залегли в кустах.

Вова что-то говорил им,— оказывается, спрашивал, кто хочет первый рассказать о кошке.

— Кто начнет?

И вот мы увидели, как маленький Игорек, самый маленький из всех, вскинул руку.

Он говорил не совсем чисто, а слегка пришепётывая, вместо «кошка» у него получалось «кофка»:

— Кофка любит молоко. Кофка выводит котят. У кофки есть хвост. У кофки есть когти. Кофки бывают разные: серые, и черные, и белые, и пестрые.

Вова сделал отметку в своей книжечке и обратился к Кате. Теперь мне стало ясно, почему Катька совершенно забросила свою куклу и почему она так нежно ухаживала за нашей кошкой.

— Кошка выводит котят,— пролепетала моя сестренка.

— Это уже было сказано,— строго заметил Вова.

Катя была очень обидчива, слезы потекли по ее щекам, голос ее дрожал от сдерживаемых рыданий, но все же она мужественно продолжала:

— У кошки зубы, как у льва и леопарда.

— Это очень ценное наблюдение,— оживился Вова, даже поля шляпы с лица откинул.— Ставлю тебе пять.

Сестренка покраснела от радости. Она сияла так, словно ее маслом натерли.

Рядом с Катей сидел мальчик, которого все в доме за его толстые щеки называли Пузырем. Даже его собственная мать высунется, бывало, в окно и кричит:

— Дети, вы не видели моего Пузыря? Пузырь, Пузырек, где ты?

И вот этот Пузырек, надувшись больше обычного, встал и начал своим густым, басистым голосом:

Вова опять перебил ее:

— Я вчера говорил вам не так. Я сказал, что у кошки такое же количество зубов и то же строение, но зубы кошки много слабее и мельче. Продолжай.

Катя вынула из кармашка носовой платок, вытерла нос и с непонятным мне упорством снова начала докладывать:

— У кошки есть хвост. Когда она злится, она вертит хвостом.

— У меня была кошка Барсик...

— Барсик — это кот,— заспорила Катя,— кошек Барсиками не зовут.

Вова возразил:

— Если мальчика зовут Пузырем, то почему в такой семье кошку не могут назвать Барсиком? Говори, Пузырь, дальше!

— У меня была кошка Барсик,— повторил Пузырь, чуть не лопаясь от важности.— Кошка

Барсик любит молоко и колбасу. Барсик таскает нитки.

— Ты сказал неточно,— заметил Вова,— кошка не таскает нитки, а катает катушку или клубок ниток.

— Барсик таскает бабушкин клубок,— поправился Пузырь,— а бабушка ругается на Барсика. Кошка Барсик молодая. Кошка выводит котят и кормит их...

Это было удивительно: один за другим они рассказывали о своих кошках, и никто из них не спрашивал: «А дальше что?»

В заключение этой беседы Вова отчитал своих подшефных за то, что ни один из них не смог ответить, почему кошка ступает неслышно, хотя у нее есть когти, а собака, если бежит по комнате, то это слышно.

— Не умеете на Земле ничего заметить, как же будете вы наблюдать жизнь на Марсе или на других планетах? — сверкая стеклами очков, возмущался Вова.

Моя Катька теребила свой передник, Игорек чуть ли не плакал от огорчения, а Пузырь сказал, что он будет теперь стараться.

— К следующему разу приготовьте доклады о собаке. Узнайте, какая разница между кошкой и собакой.

Вова сунул записную книжку в карман и вместе с ребятами стал играть в лошадки. Он не смог скрыть досады, когда Катька на своей тройке обогнала его. Бегал Вова неважно, да и пристяжными у него были Игорек и Пузырь...

Пузырь опять обещал, что к следующему разу постарается.

— Увидишь, бегать буду быстрее всех!

Позже, в КЛУБЕ, мы спрашивали Вову, как он добился такой дисциплины. Он лишь краснел да плечами пожимал. Он сам не знал, как это у него получается, но дежурил всегда очень охотно.

Однажды мне тоже повезло. Надо было для школьного праздника приготовить большие бумажные цветы, чтобы можно было нести их на шестах. В тот день я не повела наших «мушек» в сад, а взяла их в КЛУБ. Они зажужжали:

— Что мы сегодня будем делать?

— Мне надо делать цветы.

Они тут же подхватили:

— И мы, и мы будем делать!

Я начала вырезать из разноцветной бумаги лепестки, а «мушки» собирали их в венчики, потом мы эти венчики стягивали тонкой проволокой, и получались цветы. Мы и не заметили, как пролетели два часа моего дежурства.

К этому же празднику Васе Горбачеву поручили написать плакаты белой клеевой краской по красному, а мел дали очень плохой, комковатый. Он посадил «мух» толочь и затем просеивать мел через марлю. А сам пошел варить клей.

— Представьте,— позже говорил нам Вася,— прихожу к ним и глазам не верю: натолкли они мне мела и даже через марлю просеяли. Этот Пузырь у них очень хозяйственный малый, полные карманы мелом набил. «Я,— говорит,— маме понесу, она будет мелом окна мыть».

— Вот и нечего забавлять их,— решил Толя.— Они должны помогать нам во всем.

— Тем более,— добавил Вася,— что их уже начали готовить к поездке на Марс.

Вова Дюкалов густо покраснел. Он не обиделся, но сильно рассердился:

— Кто тебе это сказал? Откуда ты знаешь? Выдумщик!

И пришлось нам сознаться, что мы подслушивали.

— Плохо слушали,— надулся Вова,— вовсе не поездку на Марс, я другое им обещал...

Оказывается, Вова обещал обнародовать их наблюдения о кошке и собаке в нашем рукописном журнале «СИНИЙ ФАКЕЛ».

— Ну, уж это нет! — вскипел Толя Сидоренко.— Как ты мог обещать, не спросив редколлегию?

Мы тоже были на стороне Толи. Ведь наш рукописный журнал читали ребята с соседних дворов и другие наши гости, в том числе и люди известные, уважаемые. Один раз у нас попросили журнал в детскую библиотеку на занятие литературного кружка. О наше «СИНЕМ ФАКЕЛЕ» была даже заметка в городской газете...

Поместить на страницах столь прославленного органа статью о том, что «кофка» выводит котят и что у «кофки» есть хвост, казалось нам делом совершенно немыслимым.

Вова молча и внимательно выслушал все наши возражения. Потом так же молча вынул из кармана ковбойки свой билет члена нашего КЛУБА ПОД ЛЕСТНИЦЕЙ и положил его на стол.

— Я бы точно так же поступила,— вспыхнула Ляся, вскочила, подбежала к Вове и крепко пожала его руку.— Как же он малышам своим теперь покажется? Выходит, обманул он их.

— Членским билетом швыряться не дело,— строго сказал Вася.— Тем более, что Вова уже не первый месяц в нашем коллективе. В поход вместе ходили...

В конце концов мы решили, что можно в каждом номере давать малышовую страничку-вкладыш. Не вшивать ее и не вклеивать, а просто вкладывать.

— Я уж и название придумал,— просиял Вова,— «ГОЛУБОЙ ОГОНЕК».

для маленьких волшебников

Э. МОШКОВСКАЯ

Двадцать пять волшебников
У нас
живут,
Двадцать пять волшебников,
И все растут.
Олями
И Полями,
Толями
И Колями,
Митями
И Витями
Волшебников зовут.

Двадцать пять волшебников
Встали спозаранок,
Взяли гвозди,
молотки,
Пилы и рубанок —
Каждый строил
прочный дом
С круглой дверцей
и с крыльцом...

Двадцать пять волшебников
Влезли на сосну,
Двадцать пять волшебников
Вызвали весну

И весело
И весело
Дома свои
Развесили —
По дому
На каждую сосну.

Двадцать пять волшебников
У нас
живут,
Двадцать пять волшебников
Любят
труд.
Благодарные жильцы —
Все веселые скворцы —
Песни тем волшебникам
Волшебные
поют!

Вышел Митя
за порог,
Вышел Митя
на урок.

Поглядел
на небеса
И увидел
чудеса...

Вот ОГРОМНАЯ
гора.
В ней ОГРОМНАЯ
нора.
И в ОГРОМНУЮ
нору
Влез ОГРОМНЫЙ
кенгуру...
И ОГРОМНЫЙ
великан

Взял ОГРОМНЫЙ
чемодан,
И в ОГРОМНЫЙ
чемодан
Влез ОГРОМНЫЙ
таракан...
И ОГРОМНАЯ
сова
Сверху вывела
слова,
Пять таких
ОГРОМНЫХ
строк:
НЕ
ПОРА
ЛИ
НА
УРОК?!

Я рисую

Здесь нарисован
Грустный Кот,
Очень одинокий Кот.
А на другом листе —
Щенок,
Он тоже очень одинок...
А это —
одинокий дом.

Пусть в нем
Живут они вдвоем!

Они
Не уживутся.
Вдвоем
они дерутся!

В нашем классе
есть такой
Булкин Вова.

Он отважный!
Он герой,
Булкин Вова!

В зоопарке Вове
кто-то
Показал на бегемота.
Булкин
рассмеялся:
— Я бы с ним
подрался!

Он храбрее
даже
львов,
Булкин Вова.
Он на львов
напасть готов,
Булкин Вова.

Но
на этих самых
львов
Он не нападает,
Потому что
всяких львов
Просто презирает!

Он девчонок только бьет,
Булкин Вова.

Им проходу не дает
Булкин Вова.
Разных там малышей
Гонит он взашей!
Не боится Вова
Ничего другого,
Кроме
школьной,
Школьной
КОНТРОЛЬНОЙ!
В день контрольной
весь дрожит
Булкин Вова.

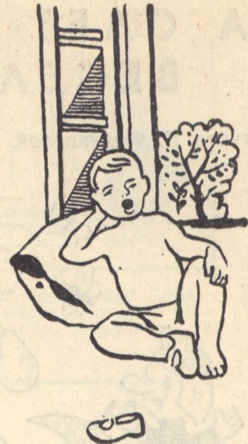
Он больной,
и он лежит,
Булкин Вова...

Вот какой
У нас герой!
В вашем классе
Есть такой?
Может, он
совсем-совсем
и не Вова?

Я утром
Встаю
И сразу
Пою!

Я громко
Пою:
Про ногу свою,
Пою про башмак,
Пою
просто так!
Про солнце
пою,
Про маму
пою,
Про всяких людей,
Про дома,
про зверей,
Про песню мою,
Про все, что люблю!
Если только
не ем,
Если только
не сплю —
Пою. Пою! Я пою!!!

Раздевается лесок,
Значит, будет спать.
Вот уж беленький снежок
Стелет всем кровать...

Сосны,
Ели
Спать
Хотели,
Холодов
Дождались еле.

Платьица не сняли,
Так и задремали...

НА СЛЕТ ПРИШЛИ ВЕСЕЛЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

Рисунок Л. Филипповой.

Здравствуйте! Вы нас узнаете? Как, неужели не узнаете?!

Тогда давайте знакомиться. Гурвинек, Чиполлино, Буратино, Петрушка, Дюймовочка, Незнайка, Карандаш и мастер Самоделкин. А есть у нас еще одно, общее для всех имя: Веселые Человечки. Мы любим веселиться сами и не любим, когда скучают другие. Мы живем в журнале для самых маленьких ребят, он называется «Веселые картинки». Мы-то хорошо знаем, что, хотя это журнал для октябрят, его очень любят смотреть и пионеры.

Когда нам сказали, что в журнале «Пионер» соберутся вожатые октябрятских звездочек, мы решили обязательно прийти к вам в гости и стали советоваться, что вам подарить.

Ну, что мы придумали, вы видите на этом рисунке. И, конечно, сразу же спросите, что за диковинное растение несет Дюймовочка и какое кино будет показывать мастер Самоделкин.

Дюймовочка несет Груктус, который она сама вырастила в своей оранжерее. Почему он так называется, догадайтесь сами. А мастер Самоделкин покажет вам на следующей странице неоконченную киносказку «Больше — меньше». Почему неоконченную? Потому что мы хотим, чтобы продолжение и конец вы придумали сами с вашими октябрятами. А кто сможет, пусть и картинки нарисует. Больше всего мы любим получать письма с картинками.

Ребятам, придумавшим самые интересные сказки, мы вышлем премии. Какие? Это пока секрет. До свидания! Ждем ваших писем! Передайте своим октябрятам привет от Веселых Человечков!

БОЛЬШЕ — МЕНЬШЕ

Неоконченная киносказка

Ф. ШАПИРО

Рисунки В. Чижикова.

Отправился однажды Буратино в дальнее путешествие.

Долго ли, коротко ли шел, и видит рукомойник с двумя носиками.

— Освежиться бы! Только из какого носика? Попробую черный.

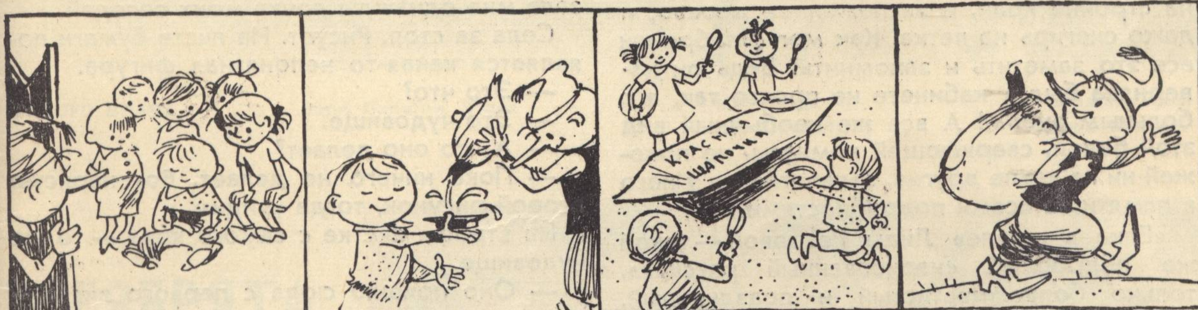

— Караул! Голова растет! — заплакал Буратино деревянными слезами.

— Умоюсь, стыдно ходить заплаканным...— Плеснул из белого носика и...

— Рукомойник-то волшебный! Возьму его с собой, пригодится.

«Клик-клак, клик-клак»,— стучат по дороге деревянные ноги.

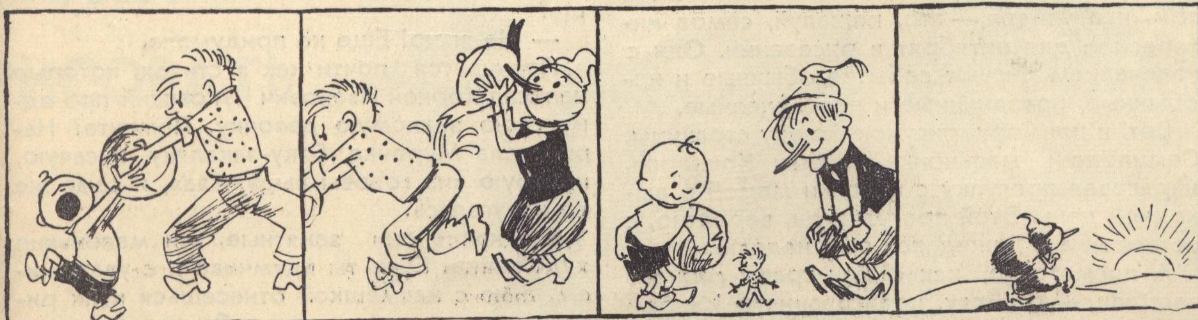

Шел, шел, видит: Петя никак одну конфетку на шестерых не разделит.

Плеснул Буратино на конфету из черного носика...

. . . .

А веселый Буратино зашагал опять своей дорогой.

Видит: Гаврила-верзила у маленького Саши мяч отнимает.

«Буль-буль-буль» — бежит вода из белого носика...

— Попался? На обратном пути увеличу, если за ум возьмешься.

Идет Буратино путем-дорожкою. Ноют от усталости деревянные ноги.

ОКТЯБРЯТА ЛЮБЯТ РИСОВАТЬ

Рисование они очень любят, почти все без исключения. И с какой удивительной точностью передают они в своих рисунках подробности того, что хотят изобразить!

На странице рядом вы видите нарисованный Колей Петровым кабинет зубного врача. Посмотрите только: ведь он ничего не забыл! И с первого взгляда понятно, что это зубоврачебный кабинет детской поликлиники. Зачем иначе были бы нужны игрушки в шкафу, если не для утешения самых маленьких пациентов? Из окна виден работающий на стройке кран, и заснеженное дерево, и даже снегирь на ветке. Как мог октябренок все это заметить и запомнить? Ведь он наверняка был в кабинете не просто так, а с больным зубом! А все же необычный вид этой белой, сверкающей комнаты, не похожей ни на какие другие, запечатлелся у него в памяти со всеми подробностями.

«Елка в школе» Лиды Резцовой — такой же подробный «нарисованный рассказ», только более цветистый и праздничный. Вполне понятно! Ведь все-таки новогодняя елка куда веселее и приятнее, чем больной зуб!

Рассказывать карандашами и красками о том, что увидел,— это, пожалуй, самое интересное для октябрят в рисовании. Они с увлечением рисуют события обычные и необычные, праздничные и повседневные.

Вот, к примеру, рисунок вверху страницы. Семилетний мальчонка, Руслан Кочкоров, нарисовал прогулку с папой и мамой в выходной день. Этой прогулки он, вероятно, с нетерпением дожидался всю неделю.

А посмотрите, как свежи травы горного пастбища—джайляу, нарисованного Игорем Бабкиным, как весело выглядит на зелени трав табун гнедых коней, какими яркими узорами разукрашена белая кошма, накрывающая юрту, и какая нарядная шапочка на казашке, встречающей пригнавшего табун джигита! Вдали — суровые пики «Небесных гор» — Тянь-Шаня и темные елки на скалах.

Ничего, что елки великоваты, а кони смахивают на овчарок! Не надо смеяться над этим, как делают иные ребята. Пусть не все гладко в рисунках октябрят, зато они великие мастера подмечать все радостное и праздничное, что скрыто от других глаз. Вот и эти рыжие лошади на зеленом склоне словно узор затканного шелками ковра.

А еще октябрята любят рисовать то, что сами выдумают.

— Сейчас я тебе нарисую сказку,— сказала мне однажды дочка моих соседей.

Села за стол. Рисует. На листе бумаги появляется какая-то непонятная фигура.

— Это что?

— Это чудовище.

— А что оно делает?

— Пока ничего не делает. Вот нарисую второй рисунок, тогда увидим.

На втором листке с самого края — то же чудовище.

— Оно пришло сюда с первого листа,— поясняет художница.— А вот ребята. Брат и сестра. Видишь, как они его испугались? Убегают!

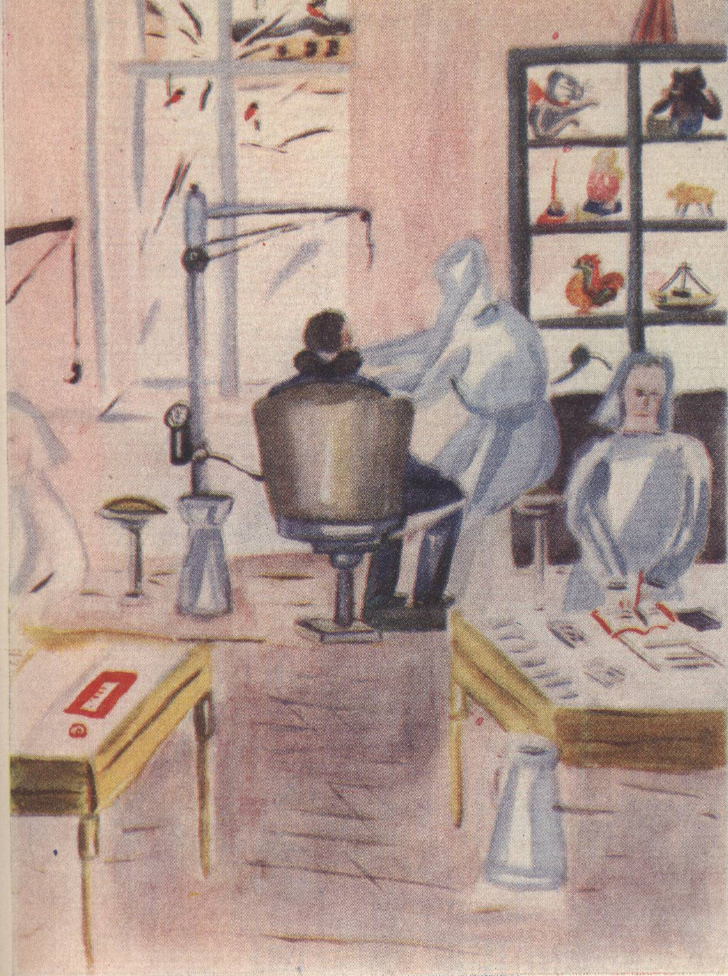
— Ну, а дальше что? Догонит их чудовище?

— Не знаю! Еще не придумала.

Получается почти как в стихах, которые написал Корней Иванович Чуковский про одну свою знакомую девочку. Помните? Нарисовала Мурочка бяку-закаляку кусачую, которую «из головы выдумала», и сама же ее испугалась.

Вот какие они занятные, эти маленькие художники! Если ты вдумчиво и с уважением, а не с насмешкой отнесешься к их рисункам, рисунки помогут тебе лучше понять и самих малышей, октябрят.

Е. Рубцова.

У ЗУБНОГО ВРАЧА — Боря Лапшин, 9 лет

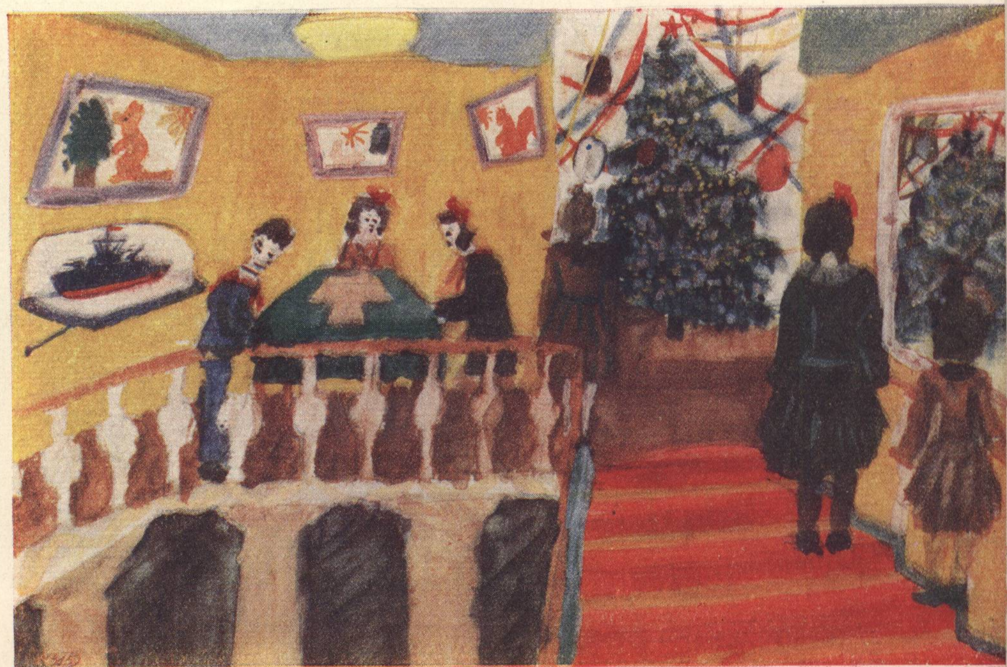

МОРОЗКО — Вера Жукова, 6 лет

НА ДЖАЙЛЯУ — Игорь Бабкин, 7 лет

ОКТЯБРЯТА ЛЮБЯТ РИСОВАТЬ

ЕЛКА В ШКОЛЕ

Лида Резцова, 9 лет

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРА Б. Корнеев

ВПЕРВЫЕ — Г. Кареев

ЗА ТОЧНУЮ ДЕТАЛЬ — С. Низовая

БОГАТЫРЬ НАЗНАЙ

Рисунок А. Брея

Дагестанская народная сказка

Слушайте, слушайте! То ли было, то ли не было — жили в поле заяц да лиса, жили в лесу медведь да кабан, жил в Дагестане богатырь — ростом мал, умом небогат. Когда надо было вперед идти, бывал он позади. Когда надо было позади находиться, лез он вперед. Звали его Назнай-богатырь. Жена полено в руки брала — он за дверь прятался: такой был храбрый!

Вышел он как-то ночью с женой сена овцам подкинуть. (Без жены он, как стемнеет, порог не переступал: говорил, будто боится ее одну оставлять. Она же говаривала, будто он один выходить боится.)

— Ну и светлая ночь! В такую ночь славно сражаться с врагом! — сказал Назнай, выглядывая из хлева.

— Берегись, Назнай! Волк бежит! — закричала жена.

Подскочил Назнай со страху, стукнулся о притолоку и набил себе на темени большущую шишку.

Рассердилась жена и сказала:

— Опротивела мне твоя трусость! Ты мне больше не муж! А ну, уходи из моего дома, не то утром и вечером буду колотить тебя поленом!

Еле уговорил ее Назнай, чтобы хоть до рассвета позволила ему остаться.

На заре перекинул Назнай через плечо щербатую сабельку и отправился в путь.

Шел он, шел и увидел на придорожном камне арбузные корки. Отдыхали здесь, должно быть, прохожие и арбузы ели.

Туча мух кружилась над тем камнем. Улучил Назнай минуту, ударил по камню, а потом сосчитал: ровно пятьсот мух убил одним махом!

Зашагал Назнай дальше и пришел в город. Расспросил он у людей, где находится кузница, заказал кузнецу саблю с надписью: «Одним махом пятьсот убивает богатырь Назнай».

А потом пустился Назнай снова странствовать. Много ли он шел, мало ли, но прошел столько, сколько лягушка перепрыгнет, и попал в страну, ему не известную, где и сам он был никому не известен. Правил той страной могучий шах.

Дело было к вечеру. Задумался Назнай: где бы поесть и переночевать? И тут как раз услышал поблизости веселую музыку и песни.

— Вот место, подходящее для меня! — обрадовался Назнай.— Нет ничего на свете хуже пустого брюха. А там, где поют и пляшут, должна быть и еда!

Пришел он в богатый двор, полный народу.

— Гостя не примете ли? — спросил Назнай.

Бросились ему навстречу слуги, взяли у него сабельку, ввели в роскошные хоромы, на ковер усадили, до отвала накормили и напоили.

Попал, оказывается, Назнай во дворец главного визиря. В ту ночь праздновал визирь женитьбу своего сына.

Наелся, напился Назнай (на целый месяц запасся тут молодец!), а визирь спрашивает его:

— Откуда ты, гость? Каков твой народ?

— Прибыл я из Дагестана. А говорить много не буду,— сказал Назнай.— Взгляни на мою саблю. Она тебе расскажет, каков я есть!

Вынули из ножен Назнаеву сабельку, посмотрел визирь на клинок, посмотрел на гостя и с саблей в руках побежал прямо к шаху.

Прочитал шах надпись: «Одним махом пятьсот убивает богатырь Назнай» — и удивился несказанно. Созвал он речистых глупцов, созвал безголовых мудрецов. Собрался большой совет.

И сказал совет шаху так:

— Что бы тебе ни пришлось Назнаю подарить, как бы ни пришлось тебе его возвеличить, не отпускай от себя, о шах, этого богатыря!

Повелел шах визирю привести Назная.

— Привет тебе, из Дагестана прибывший богатырь Назнай! — молвил шах.— Слушай, что я скажу! Я — первый, ты — второй. Я — отец,

ты — сын. Женись на моей дочери, оставайся при мне и будь моим военачальником!

— Хоть и трудно мне это, останусь, сделаю тебе угодное! — согласился Назнай.

Женили Назная на шахской дочери. Зажил Назнай на славу.

Но вот прошла неделя, и призвал его шах:

— Любезный зятюшка! Настал трудный день. Два раза в год появляется на нашей земле лютый змей. Завтра он должен прийти. Вступи с лютым змеем в единоборство! Одним махом ты убиваешь пятьсот человек. Кому же, как не тебе, стать против него!

Едва вымолвил шах слово «змей», как начала бить Назная дрожь. А едва кончил шах свою речь, выбежал Назнай из дворца, спрятался в своих покоях и дрожал до полуночи. Дождался он, пока уснула дочь шаха, и пустился наутек.

Добежал Назнай до леса. Спать на земле ему было страшно. Забрался он на большое дерево, уселся поудобней на сук и уснул.

Проснулся Назнай рано утром, глянул вниз, а там вокруг ствола того самого дерева, на котором он спал, обвился лютый змей и дремлет.

Обеспамятел Назнай от страха и свалился прямо на змея. А змей подумал, что в него молния ударила. Сердце у змея лопнуло, и он околел.

Пришел Назнай в себя и пустился бежать. Оглянулся, а змей не двигается. Понял тогда Назнай, что змей мертвый. Вернулся, отрубил змею голову и поволок ее шаху.

— Разве это змей? — сказал Назнай и бросил голову змея к ногам шаха.— У нас в Дагестане коты бывают такие. Уж лучше послал бы ты на него детишек с палками!

Не знал шах, что ответить. Так и остался сидеть с открытым ртом.

Спустя некоторое время снова призвал шах к себе Назная.

— Любезный зятюшка Назнай,— сказал он,— трое нартов тревожат мою страну набегами. Завтра ты должен выйти против них...

Прибежал Назнай домой и места себе не находил до полуночи. А в полночь, как уснула дочь шаха, пустился наутек.

Добежал он опять до леса, забрался на то самое дерево и уснул.

Как стало светать, поглядел Назнай вниз. Видит: стреножили своих коней и улеглись под деревом три нарта. Душа Назная ушла в пальцы ног, едва не свалился он без памяти...

— Говорят, у шаха теперь зять есть, богатырь Назнай,— говорит вдруг старший нарт.— Одним махом убивает он пятьсот человек... Опасаться его надо. Напрасно мы стреножили своих коней!

— До сих пор мы никого на свете не боялись! — возразил средний нарт.

— Неужто Назная испугаемся? — упрекнул младший.

Завязалась у нартов ссора, и они в гневе убили друг друга.

Спустился тогда Назнай с дерева, взял оружие нартов, поймал их коней, поехал к шаху.

— Разве такие бывают нарты? — сказал Назнай и бросил к ногам шаха оружие врагов.— У нас в Дагестане бедные сироты сильнее! Смешно было посылать против них мужчину... Их даже слабая женщина одолела бы!

Удивился шах, удивились и все его придворные, не знали, что возразить храбрецу.

Но вот спустя некоторое время призвал шах Назная в третий раз.

— Любезный зятюшка Назнай! — сказал он.— Соседний шах объявил нам войну. Завтра ты во главе моего войска должен выступить против него. Если не выступишь, его войско, бесчисленное, как трава на земле и как звезды на небе, окружит нашу столицу.

Задрожал Назнай с головы до пят. Думал опять убежать. Но в эту ночь сто часовых поставил шах вокруг покоев своего зятя, чтобы не вздумал он один идти на врага.

Как ни старался Назнай улизнуть из дома, не пустили его часовые.

Назавтра выстроил шах свое несметное войско, поставил впереди Назная и сказал:

— Вперед! Двигайтесь, герои! И знайте: кто не исполнит приказа моего зятя, кто не будет следовать ему во всем, тот враг мой, тот изменник!

Двинулось войск в поход. Шло оно, делая шаг вперед, два шага назад, и приблизилось наконец к стану врага.

Как увидел Назнай вражеских воинов, потемнело у него в глазах. Снял он оружие, снял сапоги и одежду — приготовился к бегству.

А на него глядя и все войско разделось догола. Шах ведь приказал всем поступать так, как поступает его любезный зятюшка Назнай.

А в это время пробегала мимо голодная бродячая собака. Схватила она сапог Назная (сапоги-то были смазаны бараньим салом) и побежала к вражескому стану.

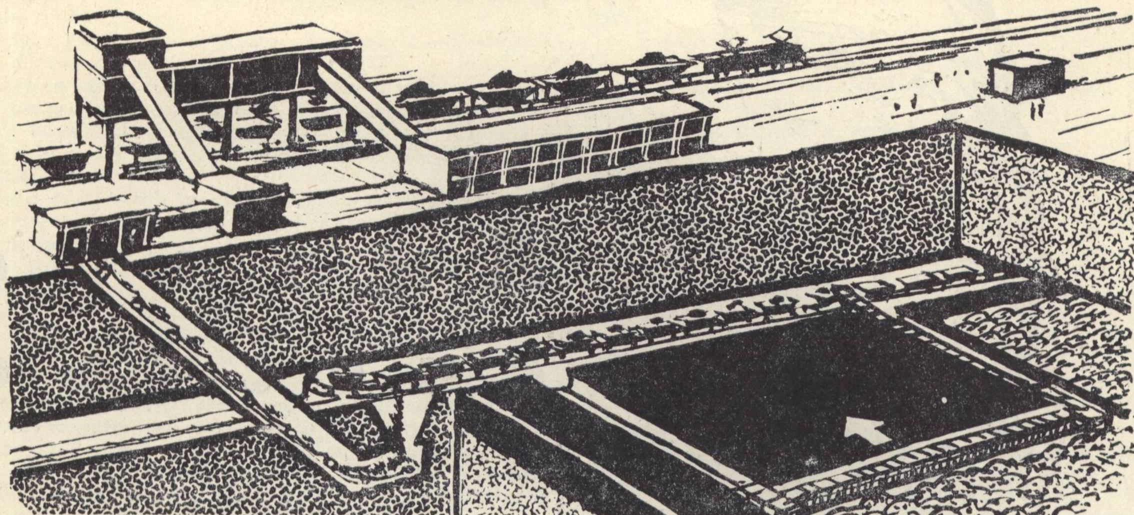
— Ах, проклятый пес! И ты еще будешь издеваться надо мной? — крикнул Назнай и как был, голый, бросился за собакой, чтобы отнять свой сапог. А вслед за ним бросилось все его войско.

— Это не люди! Это черти! — закричали вражеские бойцы и рассыпались кто куда, бросили и казну и оружие.

Взял Назнай богатую добычу, вернулся домой с победой.

В течение двадцатилетия осуществится в массовом масштабе комплексная автоматизация производства со все большим переходом к цехам и предприятиям — автоматам.

Из проекта Программы КПСС.

Шахта без шахтеров

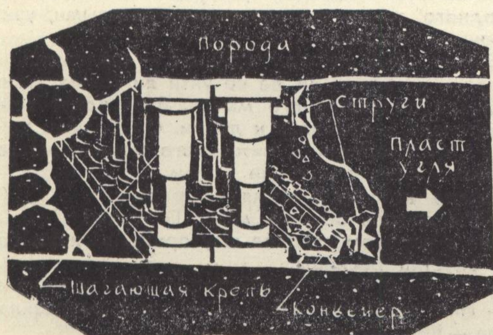
В. РИЧ и

Мих. ЧЕРНЕНКО

Будущее... Рейсы космических кораблей на Луну, Венеру и Марс. Удивительные машины, которые умеют и скользить над шоссе, не касаясь его, и парить в облаках, и спускаться в глубину океана. Мы живем в век небывалых технических дерзаний. Многое из того, что открыли и построили наши ученые и инженеры, еще совсем недавно казалось фантастикой.

Но наряду с этим ведь нужно сеять хлеб и убирать его, нужно прокладывать дороги и строить дома, шить одежду, добывать из-под земли руду и уголь. Какое оно, это будущее самых простых, самых обычных человеческих дел?

Посмотрите на рисунок. На нем изображена шахта, в которой под землей рубят уголь.

В этой шахте нет рабочих. Людей, которые там работают, трудно назвать шахтерами. Ведь мы обычно представляем их себе в черной от угольной пыли брезентовой спецовке, с отбойным молотком в руках.

В такую шахту спускаются каждый день только несколько человек. Это операторы и механики. Они не пробираются, согнувшись или ползком, между деревянными стойками крепи в лаву, к угольному пласту. Уголь здесь рубит, вернее, строгает, машина, управляемая на расстоянии. Не надо и заколачивать стойки крепления между пластами камня, чтобы они не обрушились. На этой шахте стальная крепь больше похожа на машину. Она «шагает» по лаве вслед за машиной — стругом, который сам режет уголь и валит его на конвейер.

Конечно, шагает она не совсем «сама» — человек управляет ею, но даже не заходя в забой. Он сидит в безопасном месте и нажимает кнопки на электрическом пульте.

Шахта без шахтеров! Когда же это будет?

Будущее, которое показано на этих рисунках, уже нанесено на листы чертежей и расчетов инженерами-проектировщиками из ленинградского института «Гипрошахт». Это проект, по которому построят шахту в Воркуте. С ним познакомил нас главный инженер проекта А. А. Гескин.

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки П. Павлинова.

Личное счастье

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Продолжение

ПРИНЦ ГАМЛЕТ

Гости сразу разделились на званых и избранных. Тамара почувствовала, что ее новая подруга никому не понравилась. Гришка Брянцев сделал за спиной у Олечки недоумевающее лицо, словно стараясь понять, что это такое. Глаза Симы Агатовой насмешливо сверкнули. А этот дурак Андрюшка уставился на Олечку и глядел, не спуская глаз, как она двигалась, как она, поклонившись, сразу села и протянула ноги, будто очень устала... Андрей глядел на нее до тех пор, пока Сима не дернула его за рукав:

— Ты что? Съесть ее хочешь?

Андрей вспомнил, что неприлично так вот — в упор — разглядывать человека. Да, кажется, и разглядывать было больше нечего.

— Кривляка,— сделал он вывод.

И Олечка с этой минуты потеряла для него всякий интерес.

Тамара, оскорбленная за подругу, села с ней рядом. У них сразу начался разговор вполголоса. Тамара рассказывала о чем-то с нарочитым оживлением, то хмурилась, то задыхалась от смеха. А Олечка еле улыбалась, еле отвечала, еле приподнимала тяжелые ресницы: она во что бы то ни стало должна была сохранить свой стиль «водяной лилии».

Тамара разговаривала с Олечкой, а сама искоса поглядывала на своих одноклассников, на своих друзей, с которыми так и не подружилась. Она радовалась недоброй радостью, чувствуя, что обижает их, что они вот сидят и молчат, никому здесь не нужные, и не знают, что им делать. Тамара мстила, как могла, мстила за то, что она была плохой пионеркой и плохой ученицей, мстила за то, что, боясь отказа, не подавала заявления в комсомол, мстила за то, что обманывала и лгала им, зная, что они презирают ее за это... Мстила за то, что она так и осталась среди них чужой, несмотря на внешние приятельские отношения, за то, что они никогда не доверяли ей. И вот теперь нарядная, красивая Тамара может наконец показать, что она не их поля ягода, что у нее в друзьях вот такие нарядные, вот такие «стильные», вот такие приезжающие на вороной, сверкающей «Волге»...

А гости и действительно не знали, что им делать. Зина и Фатьма забились в уголок дивана и сидели тихо, как птицы, попавшие в клетку. Вася хмурился и все подбирал под стул долговязые ноги, он страдал оттого, что ботинки у него с побелевшими от футбола носами, что брюки у него не отутюжены, что надо лбом у него торчит неукротимый вихор, словно хохол у попугая.

Сима покусывала губу, в черных глазах ее горели гневные огоньки. Она понимала, что происходит, но еще не знала, как вырваться из этого положения. Понимал это и Гришка Брянцев. Он поглядывал то на одного, то на другого своими светлыми, узкими, озорными глазами.

«Зачем мы сюда пришли? — спрашивал его взгляд,— не встать ли да не уйти ли торжественно?»

Словно подхватив его мысль, Вася вдруг встал и решительно направился к двери. Он больше не мог и не хотел терпеть мучительного положения гостя, которого лишь допустили в дом.

Тамара вскочила, шумя оборками:

— Ты хочешь обидеть меня, Горшков?

Она с упреком глядела ему прямо в глаза. Горшков опустил ресницы.

— Да нет... Чего там обидеть!.. Дела у меня есть.

— Никаких дел у тебя нет! — резко возразила Тамара.— Как не стыдно!

— Пошли, ребята, на волейбольную площадку,— объявил Гришка Брянцев,— чего тут сидеть? Зря только галстук надевал!

Сима с готовностью встала.

Зина и Фатьма поднялись вслед за ней. Если Сима уходит, то... У Тамары гневно загорелись глаза, щеки побледнели.

«Ну и уходите! — хотелось ей крикнуть.— Вылетайте! Пожалуйста!»

Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы сдержаться и не крикнуть этого. Она только сверкала почерневшими глазами, не зная, что сделать...

В это время прозвучал звонок. И в комнату вошел новый гость.

— Ян! — Тамара почти побежала ему навстречу.— Наконец-то! Знакомься — мои товарищи по школе. И подруги.

В этом слове «подруги» невольно прозвучала ироническая нотка, и девочки, почувствовав ее, переглянулись.

Но что такое вошло в комнату вместе с Яном Рагозиным? То ли его простодушная белозубая улыбка, то ли добрые и какие-то радостные глаза, то ли веселый голос его, а вернее, все это вместе сразу рассеяло тяжелую, нервную атмосферу. Высокий, с густыми блестящими волосами, зачесанными назад, он был весь подтянутый, щеголеватый. Чувствовалось, что его радует собственная внешность, радует то, что красив, что хорошо одет.

В первую минуту мальчики настороженно подобрались, а девочки застеснялись. Только Олечка не изменила раз заданного выражения лица: она слегка кивнула Яну своей растрепкой-прической и чуть-чуть покривила губы, изображая улыбку. Но стоило Яну заговорить, как все почувствовали себя свободно, всем стало просто, весело, готовая вспыхнуть ссора погасла.

— Да тут дивная компания! — радостно, словно он никогда в жизни не надеялся на такую очаровательную компанию, воскликнул Ян, пожимая руки ребятам.— Как я рад, ребята, честное слово!

С девочками он был почтителен. Зеленоватые красивые глаза его ласково светились из-под длинных ресниц. Зина оробела, когда он подошел к ней, вскочила, как маленькая девочка-второклашка вскакивает перед учителем. Смуглая Фатьма опустила глаза и вдруг залилась густым румянцем: ей показалось, что этот красивый восемнадцатилетний юноша как-то по-особенному поглядел на нее и пожал ей руку. Только одна Сима встретила его ироническим взглядом. Она быстро справилась с первым смущением и совсем холодными глазами за несколько минут успела разглядеть Яна. И — как странно! — она увидела его совсем другим, чем остальные ребята. Ее смешили маленькие, чуть заметные бакенбарды, которые тянулись у него от виска до половины уха. Она еле удержалась, чтобы не фыркнуть при виде цветка в петлице его голубого пиджака. Насмешка светилась в ее глазах — Сима не сумела, а может, и не захотела ее скрыть.

Ян тотчас почувствовал это.

— Не приемлете? — негромко, с усмешкой спросил он.

— Посмотрим! — в тон ему ответила Сима.

У Яна пропала улыбка, брови приподнялись и горестно изогнулись. Мгновенный облик задумавшегося над жизнью, чем-то разочарованного и тоскующего человека мелькнул перед Симой и тут же исчез. Ян уже улыбался.

— Товарищи, а я притащил торт! — объявил он.— Может, сейчас прямо и съедим, а?

— Давайте! — Фатьма подпрыгнула на стуле и хлопнула в ладоши.

— Давайте! Ура! — тотчас подхватил Гришка Брянцев.— Это нам вподлела!

Но Тамара остановила их:

— Ничего подобного! Торт к чаю. А пока давайте играть.

— В шарады,— сказал Андрей,— я уже придумал.

— Отлично! Отлично! — радостно поддержал Ян.— Мы с Андреем начинаем. Кто с нами? Фатьма, хотите?

Фатьма вспыхнула и вскочила.

— Да!

— Я тоже! — немедленно заявила Тамара.— Начинаем!

Ян подошел к Олечке:

— А вы?

— О, нет...

Тамара ревнивыми глазами следила за ними. Да, конечно, он глядит на нее! Вон как заломились у него брови, каким долгим, тоскующим взглядом смотрит он на Олечку, взглядом Гамлета, принца Датского... Ну, конечно, Олечка нежная, воздушная, держится, как принцесса какая. Конечно, Олечка ему нравится. Разве может ему нравиться она, Тамара, крепкая, грубая, как молодая лошадка, она даже топает, когда ходит!

Но Ян отошел, а Олечка осталась на месте. Нет, Тамаре показалось. Он не огорчился. Такой же веселый, как и был. Только вот что это он все глядит на Фатьму? Сколько раз она из его уст слышит сегодня это имя: Фатьма, Фатьма, Фатьма?!

И Тамара в глубине своей ревнивой души уже почти жалела, что дала угаснуть ссоре, что не выгнала вон всех этих девчонок, всех своих «дорогих» подруг.

Шарады, шарады! Живо была устроена сцена — отодвинули стол и стулья. Из шкафа полетели всякие шарфы, кофты, простыни... Из отцова кабинета явился старый портфель.

Ян был талантлив. Он играл, он дирижировал, он тут же, по ходу действия сочинял песенки. Публика хохотала, и сами актеры хохотали, убегая за «кулисы» — в кухню. И даже Сима, правда, то и дело цапаясь с Яном, увлеклась игрой.

Зина не участвовала в шарадах. Она была бессменной публикой. Она стеснялась играть, а кроме того, что-то неясное тревожило ее. Она отгоняла эту тревогу, не хотела задумываться и доискиваться до причины такого неподходящего настроения.

Казалось, что все накрепко подружились. Всем было просто и весело. И даже Вася забыл про разбитые носы своих башмаков, неотглаженные брюки и вихор на макушке.

В столовую все вернулись смеющиеся, разгоряченные, со следами грима на раскрасневшихся лицах. И здесь за чаем и тортом неизвестно как снова возникла и разгорелась ссора. Она возникла незаметно, постепенно, словно огонь, пробилась из-под остывшего было пепла.

Ян принялся рассказывать анекдоты. Иногда получалось очень смешно, так смешно, что гости чуть не падали со стульев от смеха. Но иногда в этих анекдотах проскальзывало что-то такое, что немножко коробило, и смех становился нарочитым, смеялись, потому что полагается смеяться, если рассказывают анекдот. Только Тамару ничто не коробило. Она не спускала глаз с Яна Рагозина, и на лице ее было ясно написано, что она еще никогда, никогда в жизни не видела таких замечательных людей, как Ян Рагозин!

А у Зины веселье неудержимо пропадало. Смеялась она ради приличия, даже не вслушиваясь в раз-

говор. Все смеются — значит, надо засмеяться и ей. Но что же случилось, почему так все померкло кругом, стало таким будничным и неинтересным?

Да, конечно, это так: не пришел Артемий. А ведь его-то она и ждала все это время, к его-то шагам, к его-то голосу и прислушивалась. Артемий не носил таких красивых голубых костюмов и цветов в петлице, он не умел играть в шарады, сочинять песенки и рассказывать анекдоты... И рук девочкам он никогда не пожимает — куда там! Смотрит так сурово всегда, что и не подступишься, а спорщик — лучше не связываться! И все-таки с ним всегда так хорошо, так интересно! Его присутствие — как свежий ветер, как распускающаяся листва... Ну, в общем, Зина не знала, с чем сравнить то светлое, чистое настроение, которое наполняло ее в присутствии Артемия.

Под шум голосов и всплески смеха она думала о своем. Как-то зимой они с Симой и с Фатьмой пришли навестить заболевшую учительницу, свою дорогую Елену Петровну. И Андрюшка с Васей пришли. Сидят в ее желтой комнатке на коричневом диване. И Артемий, брат Елены Петровны, здесь же. И, конечно, спор.

«...— «Туманность Андромеды»? Да, тем, кто любит лущить семечки всякой бездарной уголовщины, кто не интересуется будущим науки, у кого спит фантазия, да, тем эту книгу читать не стоит!»

Общий смех, взлетевший над столом, заставил Зину поднять ресницы. Зина удивленно оглянулась, оказывается, смеялись над ней.

— Ты заснула? — кричал ей Гришка Брянцев.— Побаюкать тебя?

— Она замечталась, эта белокурая Белоснежка с черными ресничками,—сказал Ян с улыбкой.—О чем?

Зина покраснела.

— Да нет, я так. Ни о чем!

— Смотрите на нее: как алый цветок! — продолжал Ян.

Но Тамара тотчас прервала его:

— Ребята, кто был на выставке? Я все еще не соберусь никак! Говорят, так интересно: и спутники там и ракеты...

Упоминание о выставке больно ударило Зину по сердцу.

«Антон! Бедный парнишка... Зачем я обманула тебя сегодня?.. И где ты бегаешь сейчас один?»

— Ты о чем? — заметив, как омрачилась Зина, тихонько спросил Андрей.

— Я про Антона вспомнила. Мне надо домой.

Тамара услышала. Она все видела и слышала сегодня.

— Вот еще! — возразила она.— Все только Антон, да маленькая Изюмка, да обед, да посуда... У тебя совсем нет личной жизни, Стрешнева!

Зина смущенно покосилась в сторону Яна.

— Почему же? А разве, если я забочусь о младших... Ведь у нас нет мамы... И если я все для них делаю, разве это и не моя личная жизнь? Их и моя.

— Если все для других, то это уже не личная жизнь,— вдруг флегматично произнесла Олечка.

Она так долго молчала, словно ленясь произнести слово, так безучастно, отсутствующе держалась, что это ее вступление в разговор было всеми замечено. Улыбка чуть-чуть тронула ее губы. Олечка была довольна: уж если она решилась заговорить, так пусть слушают как следует, а то ведь она опять замолчать может.

— Все для других,— медленно продолжала она,— как это скучно!

— Вот это — странное рассуждение,— внезапно осмелев, сказал Вася, машинально взъерошив свой и без того непокладистый вихор.— «Скучно»! А что же тогда весело, все для себя, что ли?

— Горшков! — оборвала его Тамара.— Если ты хорошо знаешь геометрию, то это еще не значит, что ты все на свете понимаешь!

— Ничего, ничего,— ласково вмешался Ян,— Горшков понимает. Да и все люди понимают. Ведь если я, к примеру, ем эту конфетку,— он содрал бумажку с «Мишки на Севере»,— то все-таки получаю больше удовольствия, чем если бы эту конфетку ел кто-нибудь другой.

— Смотря кто этот другой! — совсем забыв о том, что он в гостях, закричал Вася.— Если это буржуй, фашист какой-нибудь ест, то конечно. А если мой друг, мой товарищ ест, так почему же? Пускай ест на здоровье. Мне это так же приятно!

Ян рассмеялся, закинув голову.

— Колоссально! — простонал он.— Циклопично!

Олечка снисходительно пожала плечами.

— Некоторые люди так привыкают притворяться, что даже... сами с собой... не в состоянии быть искренними.

— Ну, почему же притворяться? — добрым голосом возразил Ян.— Мальчик просто еще очень... ну, наивен, что ли... Политграмоту знает.

— Вы хотите сказать, что я дурак? — вспыхнул Вася.

Небольшие бесцветные глаза его заискрились, веснушки утонули в горячем румянце, который охватил не только лицо, но и уши и шею.

Андрей приподнялся.

— А почему это вы считаете, что мы притворяемся? — спокойно обратился он к Олечке.— Потому что вы думаете не так, как мы?

— Вася все сказал правильно,— краснея и теребя кончик скатерти, вступила Зина в этот начинавший закипать враждой разговор. Зина ни за что не стала бы ни с кем спорить сейчас, но она почувствовала, что обязана поддержать друзей в таком принципиальном вопросе.— Бывает, что гораздо больше радости отдать конфетку другому... ну вот хотя бы Антону или Изюмке, чем съесть самой. Я это не выдумываю и не притворяюсь. Я это знаю.

— Они тоже не притворяются, Зина,— громко, звенящим от волнения голосом и стараясь, чтобы слышали все, сказала Сима.— Ты вот это знаешь. И я знаю. И Фатьма, и Вася, и Андрей. А эти люди,— Сима сверкнула горячими, злыми глазами в сторону Олечки,— этого не знают. Они просто не подозревают, что кого-нибудь в жизни можно любить больше, чем себя, и что-нибудь в жизни ставить выше, чем свое я!

Наступило молчание. Тамара скомкала свою салфетку. Она еще раз пожалела, что позвала Симу.

Очень кстати вошла Анна Борисовна и поставила на стол горячий пирог с малиновым вареньем. Темные заманчивые ягоды лежали будто на блюде, окруженные пахучей подрумянившейся корочкой.

— Ешьте пирог,— сказала Тамара.

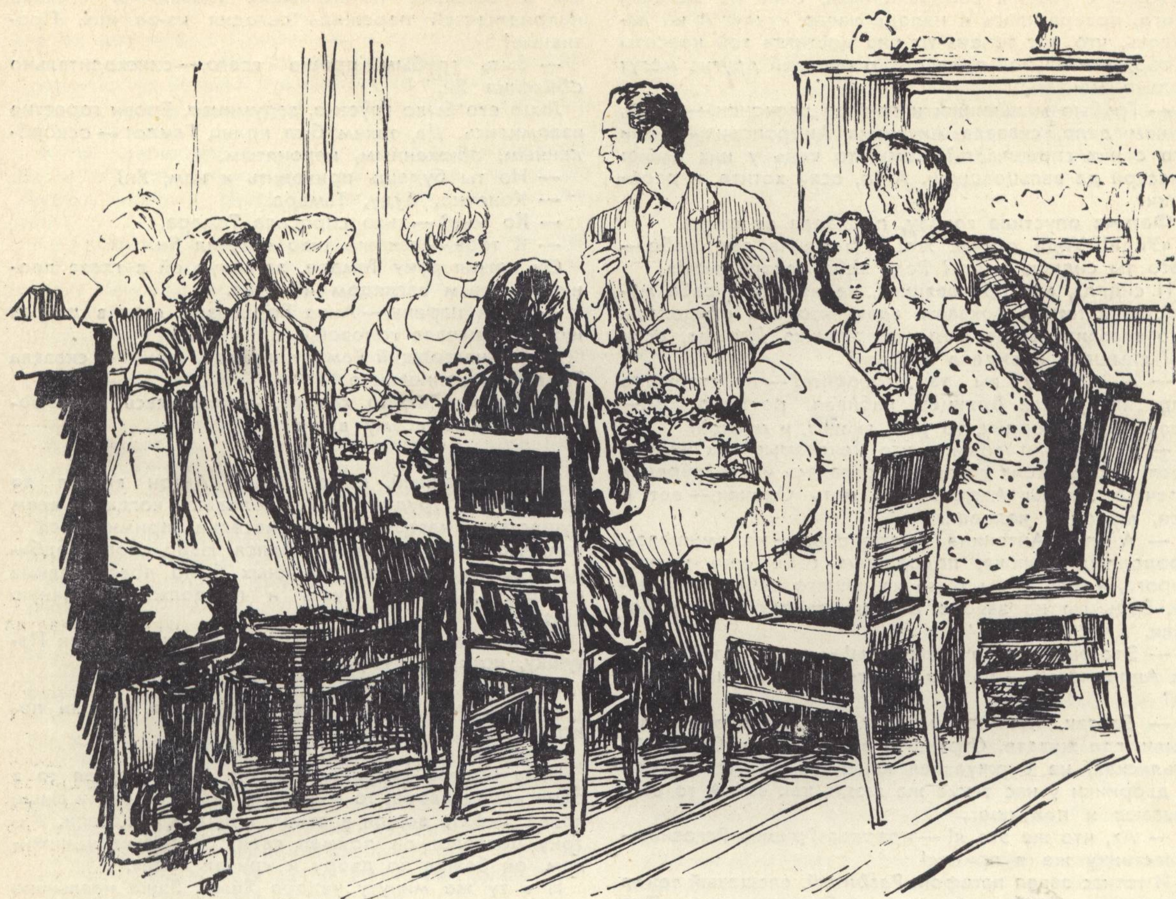
Но ни одна рука не протянулась к пирогу.

— Какая отповедь! — все так же ласково, с той же улыбкой сказал Ян.— Но если бы вы, Сима, захотели разговаривать очень-очень честно, начистоту...

— А разве я разговариваю не честно?

Сима побледнела от негодования.

— Я не хочу сказать, что вы лжете, нет-нет,— Ян сделал рукой примиряющий жест,— но ведь мы все люди. Не правда ли? И ничто человеческое нам не чуждо. И если вы заглянете в себя поглубже, то все-таки увидите, что и вы человек. Такой же, как все. А человеку — каждому! — свойственно любить прежде всего самого себя. И с этим ничего не подела-

— Ведь если я, к примеру, ем конфетку,— сказал Ян,— то все-таки получаю больше удовольствия, чем если бы эту конфетку ел кто-нибудь другой.

ешь. Только нужно, чтобы хватило честности признать это.

Сима встала. Смуглое лицо ее побледнело.

— Я комсомолка,— сказала она,— и выслушивать пошлости не хочу.

Сима решительно вышла из-за стола.

— Правильно! — крикнул Вася и тряхнул вихром.— Я тоже не хочу.

Андрей последовал за ними, пробормотав на ходу: «До свидания». Неловко зацепившись за стул, он опрокинул его. Ян весело и дружески засмеялся. Но Андрей, красный, как свекла, поднял стул, поставил на место и, ни на кого не взглянув, пошел из комнаты.

— Этажерку не опрокиньте,— нежно посоветовала ему вслед Олечка.

Зина быстро и растерянно поглядела на всех: на красивого Яна, у которого горестно сломались высокие черные брови, на Тамару с сердитыми слезами в глазах, на притихшую Фатьму, на Гришку Брянцева, смотревшего с любопытством на все это, как на внезапное представление...

— Пойдем,— сказала Зина Фатьме,— пойдем!

— Но, Зина!..— умоляюще схватив за руку, остановила ее Фатьма.—Ну зачем все это! Зачем обижать... Неудобно!

— А у некоторых это в обычае,— любезно объяснил Ян,— поесть, попить и...

— ...и оскорбить хозяина,— закончила Олечка.

Слыша, что ребята в прихожей уже оделись, Зина вырвала у Фатьмы руку и выбежала из комнаты, забыв попрощаться.

Гришка Брянцев тоже встал было. Но посмотрел на пирог... Эх, что за пирог лежит на столе, румяный, начиненный вареньем, нарезанный дольками,— бери да ешь! И снова уселся.

Фатьма смущенно катала хлебный шарик по скатерти и мучительно боролась с собой: остаться? Уйти?

Услышав, что в прихожей хлопают двери, Антонина Андроновна вышла из своей комнаты.

— Что, еще пришел кто-нибудь?

— Нет,— сдержанно ответила Тамара,— некоторые ушли.

— Некоторым не понравилось наше общество,— все с той же доброй улыбкой сказал Рагозин.

Олечка сидела с неподвижным лицом, с заданным выражением глаз и чуть приподнятыми бровями. Так держала себя одна заграничная актриса. Кто-то сказал, что Олечка похожа на нее. Возможно, что это была неправда, но Олечка поверила и так старалась сохранить сходство, что оно стало правдой. Бедная

девочка с убогим воображением, сама не замечая этого, превратилась в неподвижную куклу. А ей казалось, что вот теперь-то она достигла той красоты и обольстительной прелести, о которой другие могут только мечтать.

— Грубые мальчишки и грубые девчонки,— узнав, в чем дело, сказала Антонина Андроновна,— да и что с них спрашивать? Семьи-то ведь у них какие: слесари да вальцовщики. А то, если хотите, и дворники!

Фатьма опустила голову, пропадая от стыда.

«Уйди! Уйди сейчас же! — твердила она себе.— Чего ты сидишь здесь? Ведь тебя оскорбляют!»

И сидела, как прикованная, не находя в себе мужества встать и показать всем, что она обиделась. Что сказала бы ее мать, дворничиха Дарима, если бы слышала и видела все это!

— А почему вы так говорите? — простодушно спросил Гришка Брянцев, набивая рот пирогом.— Разве если дворник, то уже, значит, и плохой?

— Это значит только, что некоторые не умеют воспитывать своих детей,— отозвалась из-за широких плеч Антонины Андроновны мать Олечки,— вот и все, молодой человек!

— А что, Антонина Андроновна,— не смущаясь, продолжал Гришка, пододвинув себе еще дольку пирога,— ведь и вы тоже из нашего рабочего класса. Ведь вы на заводе раньше диспетчером работали.

— Это еще что за разговоры! — вспылила Антонина Андроновна.— Ты что же это, меня поучать взялся?

— Да так, удивительно мне... Уж вы вроде и забыли, где живете. Страна-то ведь наша рабоче-крестьянская, не буржуазная какая-нибудь. И слесари и дворники у нас такие же люди, как вы! А то еще бывают и получше...

— Ах, что же это я! — прервал Гришку Рагозин.— Пластинку же я принес!

И тотчас завел патефон. Разбитый, слащавый тенор затянул какую-то заунывную любовную песню. Пел он по-русски, но русские слова произносил странно, словно забыв, как они звучат.

Обе матери снова ушли в спальню, недовольные и негодующие. Ян тихонько подпевал тенору. Искоса поглядев на Фатьму, он сказал не то спрашивая, не то утверждая:

— Нравится?

Фатьме не нравилось. Но она не решилась признаться в этом.

— Да, нравится. Только он что, не русский?

— Он русский. Лещенко. Просто он уже давно живет за границей...

— Эмигрант, значит,— сказал Гришка.

— А музыка нравится? — Ян будто не слышал Гришку, он говорил только с Фатьмой.

— Не знаю... Не совсем как-то...

Здесь Фатьма не сумела слукавить. Тамара нетерпеливо вмешалась в разговор:

— Но ведь это же заграничная музыка! А ей не нравится!

Гришка доел пирог и встал.

— Спасибо за угощение! — громко сказал он, хотя тенор в это время брал свою самую жалобную ноту.— И пора домой. А что до этого певца, то, правду сказать, наш Бобик так же воет, когда ему долго есть не дают. Идем, Фатьма!

— Ой, Гришка! — в отчаянии прошептала Фатьма и поспешила за ним.

Ян уходил последним. Проводив Лидию Константиновну и Олечку, он задержался в прихожей.

— Ян, ты сердишься? — спросила Тамара со слезами в больших потемневших глазах.— Я столько неприятностей пережила сегодня из-за них. Противные!

— Быть грубым проще всего,— снисходительно объяснил Ян.

Лицо его было грустно, задумчиво. Брови горестно изломились. Да, таким был принц Гамлет — оскорбленным, обиженным, непонятым.

— Но ты будешь приходить к нам, Ян?

— Конечно, буду, Тамара.

— Ко мне? — тихо спросила Тамара.

— К тебе,— так же тихо ответил Ян.

Он пожал руку Тамаре, заглянул ей в глаза проникновенным взглядом и исчез.

— Ну и парень,— Анна Борисовна, стоя в дверях кухни, покачала головой,— ну и жох!

— Он настоящий Гамлет, правда, мама? — сказала Тамара взволнованно.

— Что хамлѐт, то хамле́т,— согласилась Анна Борисовна,— по всему вижу.

Разочарованный, подавленный, Антон вышел во двор. Очень трудно бывает человеку, когда он всем существом настроился на веселье, примириться с тем, что праздник не состоялся. Надо снова подбирать концы всех отброшенных было повседневных интересов, чтобы начать и продолжать обычную жизнь.

— Пойдем в пионерский? — предложил Антон Петушку, который сумрачно слонялся по двору.

Петушок колебался.

— Пойдем... Только давай сначала в чижики поиграем, а?

— Давай!

Игра быстро развлекла ребят. Чижик летел то в один конец двора, то в другой, то давал свечу выше клена. Ребята вошли в азарт, кричали, хохотали. Антону повезло: он поймал свечу. Размахивая чижиком, он бежал по двору и кричал «ура».

И в ту же минуту увидел Яшку. Яшка неслышно подошел к ним и молча стоял в стороне, устремив на Антона узкие насмешливые глаза.

Олечка сидела с неподвижным лицом, с чуть приподнятыми бровями.

У Антона заныло сердце от предчувствия беды. То страшное и темное, от чего он спасался, снова настигло его. Веселье сразу исчезло, стало тоскливо и душно до слез.

Антон попробовал сопротивляться.

«А что он мне? — независимо подумал Антон.— На что он мне нужен? Пришел, ну и пусть стоит».

И он весело играл, делая вид, что не замечает Клеткина. Но веселье это было уже притворным.

— Эй, Антон! — крикнул тогда Клеткин.— Вареньица не хочешь?

Антон ударил мимо чижика: у него дрогнула рука. Но и Петушок промахнулся, не попал в клетку. Он схватил чижик и, снова прицеливаясь, крикнул Антону:

— Гляди в оба, защищайся! Сейчас ты погибнешь!

Но Антон уже не мог защищаться. В шутливых словах Петушка прозвучало для него страшное предупреждение. Защищайся! А как защищаться? Он опустил лапту, и чижик тотчас ловко вскочил в клетку. Но Антону было уже не до чижика. Быстро взглянув на Яшку, Антон бросился домой.

Яшка в два прыжка догнал его.

— Ты куда? Жаловаться?

Жаловаться? А кому Антон будет жаловаться? Отец на работе, а Зина ушла в гости к Тамаре. И Антон стоял перед Яшкой, как кролик перед большой собакой.

— Нет, что ты,— начал он торопливо,— просто мне Зина домой велела. Вот я и побежал... И все...

Клеткин положил ему на плечо свою крепкую, хваткую руку.

— Если Зина велела, иди. Только мне нужны деньги.

— Идти на кино просить? — покорно спросил Антон.

— Не на кино. Это я и сам добуду. У меня замыслы. Когда накоплю сколько нужно, скажу.

— А где у меня деньги? — растерялся Антон.

— Твои деньги у Зины в сумочке, понятно? Догадка есть или нету?

Антон опустил глаза, у него задрожали губы.

...«Защищайся, погибнешь!» — крикнул ему его друг Петушок. Но как защищаться, что делать?

Клеткин тряхнул его за воротник.

— Я сказал. Ты слышал. Все, сеанс окончен. Сегодня вечером принесешь.

— Мне нельзя вечером из дому... Меня не пускают.

— Ладно, учтем,— деловито согласился Яшка,— значит, завтра, в это время.

Он повернулся и пошел, сунув руки в карманы и насвистывая песенку из фильма «Бродяга». Слух у него был верный, и свистел он очень хорошо.

Петушок с чижиком и лаптой все еще стоял у клетки.

— Ну, что ж ты? — крикнул он, когда Яшка ушел.— Давай води!

— Я больше не играю,— померкшим голосом ответил Антон.

— Ага! Как тебе водить, так ты не играешь!

Но Антона эти укоры уже не трогали, он их не слышал. С тяжелым сердцем, машинально считая ступеньки, Антон поднялся к себе на второй этаж.

— Антон, хочешь оладушка? — крикнула ему из кухни соседка Анна Кузьминична.

Антон ответил еле слышно:

— Нет, не хочу.

В комнате было тихо, чисто, светло. Чуть пошевеливались за окном молодые кленовые листья. На подоконнике ярко краснела распустившаяся герань — маленькая шапочка красных цветов среди бархатных листьев.

«Расцвела! И когда это она успела?» — подумал Антон.

Где-то в соседнем доме пела женщина. Антон прислушался: живая или по радио? Нет, по радио. Женщина умолкла, и тут же, почти без перерыва, мягкий мужской голос начал задушевную песню:

Забота у нас большая,
Забота у нас такая...

Антон очень любил эту песню. Заслышав ее, он немедленно включил радио. И вот уже прямо для него поют два хороших мужских голоса, рассказывают свое самое дорогое, самое задушевное.

Сквозь снег, и ветер,
И звезд ночной полет:
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет!..

Антон рассматривал герань, слушал песню... А где-то, вторым планом, настойчиво, неотвязно повторялась одна и та же мысль. Надо достать денег. Надо взять их из Зининой сумочки и отнести. Надо, надо, надо... Надо сделать это сейчас, пока никого нет. Взять и спрятать. А завтра отнести.

Антон вдруг заторопился. Чего же он тут стоит да раздумывает, пропускает нужное время, а если Зина придет сейчас и уже больше не выйдет из дому? Как же тогда?..

Забота моя такая,
Забота моя простая,
Чтоб Родина наша большая
Счастливая была...

«А у меня какая забота?..— подумал Антон.— А у меня — деньги достать! Не буду, не буду я брать у Зины денег!»

Но тут же в его воображении возникло лицо отца, узнавшего от Яшки про вишневое варенье! Ой, что будет тогда? Отец обязательно выгонит его из дому! А как Зина будет плакать! И Анна Кузьминична и соседка тетя Груша — все узнают. И во дворе и в школе!

Нет. Уж лучше отдать ему эти деньги. Пускай только он отстанет.

Антон поспешно вошел в спаленку, открыл незапертый комод, достал черную кожаную сумочку с испорченным замком и слегка потертую по краям. Мамина сумочка, это же мамина сумочка! Это мама ходила с этой сумочкой за покупками, мама держала ее в руках... А он, что же он-то делает? Ворует деньги из маминой сумочки!

Антон быстро сунул сумку обратно и захлопнул комод. Губы у него скривились, в три ручья хлынули слезы, он даже заревел слегка, но тут же и умолк, испугавшись, что услышит Анна Кузьминична. Всхлипывая и утираясь кулаком, Антон уселся на диван. Он не знал, что ему делать.

Зина спешила домой. На душе было скверно. Ну, зачем ей было идти к Белокуровым? Зачем ей надо было оставить ребятишек? У Зины сжалось сердце, когда она вспомнила, как забегали слезинки в широких Антоновых глазах. Как оч вздохнул и понурил свою белесую голову с вихорком на макушке! И как гордо, в безмолвной обиде ушел Петушок!

Но что делать? На выставку ведь и завтра можно пойти. А где она может увидеть Артемия? Где она еще встретит его?

Но если спросить: «А зачем тебе так необходимо было увидеть Артемия? Он что, твой друг, твой товарищ?»

Нет, он не был ее другом, он даже не замечал ее! И товарищем не был, он же намного старше. Просто он был братом ее любимой учительницы Елены Петровны. А Елена Петровна была самым лучшим человеком на земле, значит, и брат ее был самый лучший...

Так пыталась Зина лукавить сама с собой. А потом просто отмахнулась от этих мыслей — ну, от-

Антон открыл незапертый комод, достал черную кожаную сумочку...

куда она знает? Она счастлива в его присутствии, вот и все. Даже если он и совсем не замечает ее! Она хотела счастья — вот и бросила ребятишек, вот и побежала.

Ну, ничего, ничего. Жизнь еще не кончена. Сейчас они сядут чай пить с Антоном, потом придет с работы отец. А Антону она сейчас испечет оладушек, он их очень любит. С изюмом оладушек. И побольше изюму...

Был шестой час, когда Зина взбежала к себе домой на второй этаж.

С первого же взгляда она заметила, что Антон расстроен, что глаза у него покраснели от слез и что утирался он немытыми руками. Она подозвала его к себе, заглянула в лицо, потеребила его светлый вихорок.

— Ну, Антошка,— ласково сказала она,— ну, как тебе не стыдно! Как будто горе какое случилось — на выставку не пошли. Неужели плакать из-за этого? Вот соберемся завтра да и пойдем, и горю конец. Глупый ты еще какой, а?

— Когда пойдем, утром? — спросил Антон голосом, еще прерывающимся после недавнего плача.

— Утром. Как с делами по дому управимся, так и пойдем.

— А придем когда?

— Ну, уж это наше дело. Захотим — и весь день прогуляем. И пообедаем там. И мороженого поедим на ледяной скале.

— На какой скале?

— Ну, там такая белая скала стоит, на ней сосульки сверкают и белые медведи живут.

— Живые?

Зина засмеялась.

— Пожалуй, нам с тобой не поздоровилось бы, если бы живые! Скульптура такая. А под сосульками столики стоят.

— А сосульки не тают?

— Нет, Антон, ты совсем малютка! — снова засмеялась Зина.— Неужели ты думаешь, что они настоящие? Эх ты, чудачище ты мой!

Она обняла Антона за плечи, потискала его. Зина чувствовала себя виноватой перед ним, ей так хотелось сделать все, чтобы Антон развеселился.

— Сейчас приготовим все к ужину и давай пойдем встречать отца. А? — ласково обратилась она к Антону.— Хочешь?

— Хочу,— вяло ответил Антон.

Зина внимательно посмотрела на него. А ведь с ним что-то творится. Неужели все выставка виновата? Или у него рост такой тяжелый...

— Только мне нельзя завтра весь день на выставке,— сказал Антон, разглядывая царапину на коленке.— Мне в три часа надо...

Зина удивилась:

— Что тебе надо в три часа?

— Ну, надо мне в одно место. По делу.

— Ой, батюшки! — Зина от души рассмеялась.— Наш Антон уже взрослый человек, оказывается! Ему надо по делу!

Она смеялась и совсем не подозревала, в каком тяжелом плену томится ее братишка Антон.

ОМРАЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК

На другой день утром Зина и Антон вошли в сказочно высокие ворота выставки.

Антон впервые вступал сегодня в этот волшебный город. Машинально придерживаясь за руку Зины, чтобы не потеряться, он таращил вокруг изумленные глаза.

— Гляди: золотые фигуры! Они танцуют! Ух ты! И вода бьет! Зина, ты гляди!

— Да, я гляжу, Антон. Только не показывай пальцем, я же все вижу и так.

— А они из чистого золота? Прямо из кусков? А где же такие глыбы золота нашли?

— Они только сверху позолоченные, Антон. Разве такие глыбы золота могут быть?

— Ух ты! А вода как играет! А как это сделано, что вода кверху бьет?

Зина еле успевала отвечать. Все волновало Антона, все ему нужно было знать, до всего допытаться. А Зине хотелось молчать. Свежесть солнечного утра, озаренная сверканием фонтанов, зелень травы, нежная пестрота цветов, только что умывшихся под дождем поливочных машин, сияние неба сквозь причудливые арки восточных павильонов, фантастические дворцы, возникающие, как видения, из-за густых древесных крон,— все рождало неясные и тревожные мечтания. Зина с наслаждением ощущала свою просыпающуюся юность — так славно, с удовольствием, ступали ее ноги по земле, таким легким и ловким ощущалось все тело, так приятно омывал ветерок ее приподнятое лицо и крепкие, тонкие, еще не успевшие загореть руки. Как хорошо, как волнующе хорошо жить на свете сегодня!

Но Антон не уставал спрашивать. Ему уже было неважно, что Зина почти не отвечает, он сам спрашивал и сам же отвечал на вопросы, сам недоумевал и сам же, как пришлось, разрешал свои недоумения.

Впечатления, ошеломляющие и веселые, плотно ложились одно за другим. Иногда они переливались через край Антонова внимания, не хватало глаз, не хватало чувств все понять, все запомнить. Водометы среди драгоценных камней «Хозяйки Медной горы»; богато расцвеченные груды земных плодов; фантастические, все умеющие машины; мощные, словно отлитые из металла породистые лошади; нежно-желтые, будто сливочные, телята... Мерцающее лунным серебром здание химии неудержимо влекло к себе. Подзывал и павильон Юннатов, притаившийся среди цветущего белым цветом сада...

Антону казалось, что он сможет до самой ночи ходить по выставке. Но когда поднялось солнце и начало припекать его белобрысую макушку, Антон почувствовал, что жара и усталость полегоньку начинают одолевать его.

— Ну что, набегался? — спросила Зина.— Может, пойдем поедим мороженого?

— Ой! — обрадовался Антон, который в азарте своих потрясающих открытий совсем забыл о белом медведе, сидящем на ледяной скале.

Да, Зина сказала правду. Белая скала стояла среди зеленых деревьев, и длинные радужные сосульки сверкали на ней, и белый медведь поглядывал на Антона сверху, когда они с Зиной поднимались по узкой лесенке.

И вот оно, это удовольствие, наконец наступило: по четыре шарика лежало в их вазочках — сливочное, шоколадное, ореховое, крем-брюле. Антон осторожно трогал ложечкой то один шарик, то другой, стараясь уловить разницу во вкусе. Он был счастлив!

В эту счастливую минуту кто-то сидящий за соседним столиком спросил:

— Который час, Женя?

— Третий,— ответил женский голос,— успеем еще.

У Антона застыла ложечка в руках. Третий! Третий час! В три часа Яшка будет ждать его на задворках. И если Антон не сделает то, что он велел, вся Антонова жизнь разобьется вдребезги.

Мороженое вдруг потеряло вкус. Гора, на которой сидел белый медведь, превратилась в груду белой извести, а волшебные сосульки оказались просто разноцветными стекляшками.

— Зина, пойдем скорее домой! — попросил Антон.— Пойдем прямо сейчас, а?

Зина удивленно раскрыла глаза.

— Что это ты? Ведь мы еще на пруд хотели! И на круговом троллейбусе покататься!

— Нет, пойдем лучше домой!

— Да ты же еще и мороженое не съел!

Антон торопливо проглотил полурастаявший шарик и слез со стула.

— Съел. Пойдем.

Зина только пожала плечами.

Антону казалось, что прошло очень много времени, пока Зина расплатилась, пока они спустились вниз по узкой каменной лестнице, пока дошли до высоких ворот. Дворцы и сквозные арки остались позади, они отходили за купы деревьев, как сон, приснившийся среди дня. Большой фонтан шумел, будто осенний дождь, золотые статуи тяжело громоздились у водоема, и уже ни лиц, ни улыбок, ни манящих рук не было у них, лишь сплошные блики раскаленного золота, от которых слепли глаза.

— Да чего ты так торопишься? — сказала Зина, придерживая его бегущий шаг.— До вечера далеко.

Зина была чуть-чуть обижена. Так звал ее Антон на выставку, ревел даже! А теперь, когда его желание исполнилось, он бежит домой и не оглянется на все эти чудеса, которыми только что восторгался. Просто не поймешь его никак!

Антон всю дорогу был молчалив и задумчив. Он еле понимал, о чем разговаривает с ним Зина, еле отвечал ей. В голове было только одно. Как ухитриться достать из комода черную сумочку — Антон даже в мыслях избегал называть ее маминой,— как достать из этой сумочки денег и как выйти с этими деньгами из дому, чтобы Зина ничего не заметила?

Придя домой, Зина тотчас сняла свое праздничное платье, надела халатик и поспешила на кухню.

— Сейчас будем чай пить, Антон. Мой руки.

— Ладно.

Но через пять минут, войдя в комнату, Зина увидела, что Антон исчез. Ей бросилось в глаза, что один из ящиков комода не плотно закрыт и уголок желтой скатерти торчит оттуда. Зина машинально поправила этот уголок и закрыла комод. Что же это с Антоном? Неужели опять Клеткин?..

А бедный Антон уже снова был во власти своей тоски. Весь дрожа оттого, что Зина чуть-чуть не застала его около комода, куда она кладет сумку с деньгами, он шел к Яшке.

— Зина, пойдем скорее домой,— попросил Антон.

Наступающее лето, игры на пионерском дворе, дружба с Зиной, сегодняшний праздник — все было омрачено. Он опять идет к Яшке. И никак нельзя ему не идти туда. И никак нельзя освободиться от этого.

Но, может, все-таки что-нибудь случится? Вот, например, Яшка возьмет да и уедет куда-нибудь и никогда, никогда больше не вернется на их улицу. Или Яшкин отец вдруг скажет: «А не поехать ли нам жить в какой-нибудь другой город, а то что мы все в Москве да в Москве?»

А то еще может случиться, что милиция поймает Клеткина, когда он снова полезет за вареньем. Разве не может? Вот бы тогда хорошо стало жить Антону! Легко, просто, как всем ребятам, как Петушку, как Вите Апрелеву. И он бы, как все ребята, ничего не боялся, ничего не скрывал бы. Готовился бы в пионеры, как все. А сейчас? Разве может он, такой, вступать в пионеры!

Все возможности освобождения прикидывал Антон, кроме одной, самой верной: взять да и рассказать отцу и Зине о том, что случилось.

Но Антон даже и подумать об этом не мог, на такое признание у него ни за что не хватило бы духу.

А Зина по-прежнему ничего не замечала...

ТОСКА

У Тамары дни проходили словно в каком-то мучительном сне. Она не могла разобраться в своих чувствах, которые не давали ей покоя. Года три назад она ходила со школьной экскурсией на завод. Мимоходом виденное пламя в мартеновской печи, которое шумело и бушевало за черной заслонкой,— это самое пламя, казалось ей, шумит и бушует в ее душе, испепеляет ее.

Вот уже вторая неделя пошла, как она в последний раз видела Рагозина. Двенадцатый день! Одиннадцать с половиной дней!

Сколько раз она брала телефонную трубку и снова бросала ее! Иногда бросала сразу после первого же гудка. Иногда, услышав женский голос, сдержанный, холодноватый голос матери Рагозина, она робко опускала трубку на рычаг. Ян не подходил к телефону.

Часто она бродила около переулка, где жил Рагозин, в надежде случайно встретить его. Но ничего не получалось. Встречи не было. Покоя не было. Пустые дни проходили один за другим.

Сегодня Тамаре приснился необыкновенный сон. Она плыла в лодке по тихой реке, и в воду с неба падали звезды. Они были маленькие и тяжелые, будто отлитые из серебра, они плюмкали, падая в воду, и сразу тонули с нежным звоном. Тамара тянулась к ним, очень хотелось поймать хоть одну звездочку, но они проскальзывали между пальцев или падали слишком далеко. И вдруг одна из них — дзинь! — упала прямо в лодку, и дно лодки осветилось. «Моя!» — крикнула Тамара и проснулась.

И сразу кончилось волшебство. В окна глядело будничное утро, из-за шторы пробивались назойливые солнечные лучи.

Тамара нехотя поднялась и подошла к окну.

«Каким ты будешь, сегодняшний день? Что ты принесешь мне? И принесешь ли хоть что-нибудь?»

И тут же подумала:

«Да, что-то должно случиться! Обязательно! Ведь я же поймала свою звездочку!..»

Полоска неба безмятежно сияла над крышами лазурью поздней весны. Во дворе уже играли ребятишки, спорили из-за чего-то, смеялись. Где-то пело радио... Все, как вчера, как позавчера...

Нет, сегодня не будет, как вчера, как позавчера! Что-то должно случиться: ведь звездочка упала прямо к ней в лодку! Вдруг вот сейчас зазвонит телефон, она возьмет трубку, и его голос окликнет ее! Или выйдет она сейчас на улицу, а навстречу по узенькому тротуару, мимо старых лип, идет он!

Тамара медленно подошла к зеркалу — побледневшая, с горящими глазами, с большим полуоткрытым ртом и яркими каштановыми кудрями вокруг белого матового лица. Тамара глядела на себя, разглядывала, старалась понять, красива она или дурна. Глаза ее с широкими блестящими зрачками жестко, холодно и пристрастно спрашивали у зеркала: хороша ли? По-честному? Без скидок?..

— Тамара, что с тобой? — Антонина Андроновна неслышно подошла и остановилась в дверях.— Что такое ты увидела в зеркале? Уж не Марию ли Стюарт и Риенци?

Тамара сразу отошла от зеркала и принялась одеваться.

— Я вижу, ты опять читала Конан-Дойля,— неласково ответила она.— И что это, мама, у тебя за привычка появилась входить украдкой?

— И не думала входить украдкой! — Антонина Андроновна пожала широкими, полными плечами.— Чего это вдруг мне вроде кошки украдкой ходить? Просто туфли у меня такие...

Тамара покосилась на ее большие, мягкие зеленые туфли с бантиками, торчавшими вроде кошачьих ушей.

— Ты, мама, опускаешься. Старушечьи туфли какие-то надела, с ног, того гляди, свалятся.

— Зато ногам хорошо — тепло, просторно.

— Вот я и говорю, что опускаешься. И толстеешь с каждым днем. Ты подойди к зеркалу, ну на кого ты похожа, мама? Какой-то полинялый халат, под мышками дырки. Фу!

Антонина Андроновна приподняла свои круглые, ровные брови и как-то устало покачала головой.

— Не все ли равно? Придут гости — тогда и наряжусь. А дома — к чему мне это? Кто меня видит? Одевайся, завтракать давай.

И она, переваливаясь, неслышной походкой пошла из комнаты.

Тамара проводила ее угрюмым взглядом.

«Отец бросил ее,— подумала Тамара,— не говорит, а я-то вижу! Бросил, конечно, бросил! Оттого и в отпуск не приехал. А она все обманывает зачем-то, скрывает».

Накинув халат, Тамара быстро вошла вслед за матерью в столовую. Ей надо было убедиться немедленно, сейчас же, в том, что догадка справедлива.

— Отец тебя бросил?

У Антонины Андроновны на лице мгновенно выступили яркие розовые пятна. Она гордо вздернула голову.

— Ты что это? Это кто тебе сказал? Что за новости?

Тамара опустила глаза. Она села к столу и принялась разводить по клеенке маленькую лужицу пролитого молока. Мать давно уже не стелет скатертей на стол — к чему? Лишняя стирка!

«Значит, да,— думала Тамара,— если бы нет, так она только усмехнулась бы... А то — будто ножом по больному месту! Значит, да. Значит, мы с ней такие... которых не любят. Которых бросают... Но разве и я и я такая же?»

Нет. С этим Тамара не могла и не хотела согласиться. Наскоро позавтракав, она достала свое луч-

шее платье, голубое с белым цветком на груди, узкое в талии и широкое в подоле. Она стояла перед зеркалом, как голубой цветок, в блестящем венке своих крутых ярких кудрей, с блестящими, потемневшими глазами. Нет, неправда, она не такая, и ее не так просто забыть!

— Куда это наша красавица с утра разрядилась? — сказала вдруг Анна Борисовна, войдя в комнату со щеткой и тряпкой.— Нешто праздник какой?

— Какое тебе дело? — зашипела на нее Тамара.

— Да, какое мое дело, конечно! — согласилась Анна Борисовна.— Проживайте, донашивайте, а новое когда еще справите, неизвестно! Вон уже и мне за два месяца задолжали... Отец-то у вас не миллионы получает...

Она распахнула окно, принимаясь за уборку. Тамара, мелко постукивая каблуками босоножек, вышла в прихожую. Мать окликнула ее, но Тамара, будто не слыша, захлопнула дверь. Она спешила уйти из дому. Все равно куда, лишь бы поскорее.

В последнее время в их квартире поселилась какая-то душная тоска. Тамара задыхалась от этой тоски. На улице было легче. Нежная тень деревьев лежала на тротуаре. Из-под забора выглядывала свежая травка-мокрица. Откуда-то из открытого окна доносилась негромкая песня — красивая, печальная песня о любви и разлуке, о разлуке и верности.

«Далеко, далеко...» — запевал мужской голос, и перед глазами вставали какие-то далекие равнины, повитые голубым туманом, леса и горы... А там, за лесами и горами, на далекой границе — «он», тоскующий о той, которую любит. Тамара прислушивалась к словам любви, и ей казалось, что эти слова обращены именно к ней. Она шла, еле касаясь асфальта, словно крылья несли ее. Это утро, такое взволнованное, совсем не похоже на те утра, которые были вчера и позавчера. Сегодня обязательно должно что-то произойти. Ведь звездочка упала к ней в лодку!

«Если сейчас на углу будет зеленый свет,— загадала Тамара,— значит, я его встречу!..»

С замирающим сердцем подошла она к углу, из-за которого был виден светофор. Свет был зеленый. Но он тотчас сменился желтым.

«А все-таки, когда я взглянула, он был зеленый!.. Да, зеленый, зеленый! Я увижу его сегодня! Я должна его увидеть сегодня».

И опять тоска погнала ее в тот тихий переулок с широкими тротуарами, где жил Рагозин.

Вот он, серый дом с большими окнами, с широким подъездом. Там, где-то на третьем этаже, окна рагозинской квартиры... И подумать только: он здесь, в этом доме, может подойти к окну и увидеть ее!

Но Рагозин не подходил к окну. Тамара в волнении прошлась по переулку. Может, его вовсе нет дома? Может, он уехал? А может, он болен? Иначе почему же он так исчез из ее жизни?

И вдруг ее осенило. Ну, конечно, конечно, он болен. Он болен, а она ни разу не навестила его. Что же он скажет, когда они встретятся?

Она должна сейчас же навестить его, больных друзей надо навещать. Не давая себе задуматься над своим поступком, Тамара поднялась по широкой, прохладной лестнице. Она ведь загадала: если будет зеленый свет — свет был зеленый! И потом поймала же она сегодня во сне звездочку!

С бьющимся сердцем Тамара нажала белую пуговку звонка. И тут же робость охватила ее,— может, убежать, пока не открыли?

Но за дверью уже послышались шаги. Тамара слегка отступила, словно ожидая, что сейчас из-за распахнувшейся двери на нее дохнет пламенем.

В дверях стояла высокая, худая женщина в темном. Строгие брови, суровый взгляд печальных светлых глаз, окруженных морщинками, бледное продолговатое лицо... Тамара угадала, что это его мать. Она растерялась, может быть, первый раз в жизни.

— Здравствуйте,— запинаясь, сказала она, чувствуя, как загораются у нее уши.— Скажите... Ян... Он не болен?

Женщина внимательно поглядела ей в глаза.

— Да,— сказала она жестко,— Ваня очень болен.

— А можно мне...

— Нельзя. Кроме того, девушка, скажите своей маме, чтобы она получше смотрела, где бывает ее дочка и с кем она дружит.

Женщина сжала тонкие губы, отчего две резких морщины обозначились на ее щеках, и захлопнула дверь. Тамара несколько мгновений стояла, приоткрыв рот, и глядела на черную обивку двери. Опомнившись, она, вся красная от стыда, сбежала с лестницы. Тихий, теплый день мирно сиял на улице. Своим чередом шла жизнь. Дымилась заводская труба, погукивал паровозик за заводским забором. Шелестели старые деревья. Играли ребятишки во дворах. Проносились машины. Летали голуби.

А Тамара шла шаг за шагом по улицам и переулкам, она ничего не видела и не слышала, только все думала и передумывала: что же хотела сказать эта женщина, его мать, своей последней фразой?

— Ваня,— повторила Тамара,— она зовет его Ваней.— И вот же, так и есть, Тамара угадала: Ян тяжело болен! Так это и есть та звездочка, которая упала к ней в лодку?

БЕСПОЛЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Вальцовщик Стрешнев знал слесаря Клеткина. Они в одной смене работали на заводе, иногда вместе возвращались домой. Но Стрешнев, всегда трезвый и сдержанный, не искал дружбы с Иваном Клеткиным, а скорее сторонился его.

Клеткин был кроткий и тихий человек, но до первой рюмки. Выпив, он сразу преображался. Он вдруг начинал повышать голос, с каждой фразой все выше и выше. Он стучал кулаком в грудь и кричал, что никого не боится, что, наоборот, скоро все другие его забоятся. Он начинал приставать к знакомым и незнакомым и грозно спрашивал: боятся они его или нет? Нет? Ну, тогда он сейчас покажет, кто он такой и все узнают, можно ли его не бояться!

Маленький, слабый слесарь Клеткин лез в драку с кем попало. Никто с ним не связывался, просто отталкивали его или, сжалившись, уводили домой. Стрешнев брезгливо проходил мимо. У него все это не вызывало сочувствия, наоборот, было противно.

— Слабость,— иногда говорил кто-нибудь из товарищей, снисходительно махнув рукой.

— Распущенность! — возражал Стрешнев.— Свинство, и больше ничего.

И разве думал он, что когда-нибудь пойдет к Ивану Клеткину разговаривать о своем сыне и что Иван Клеткин в какой-то мере будет решать его судьбу?

С потемневшим лицом, с заострившимися скулами Стрешнев постучался в квартиру, где жили Клеткины. Еще из-за двери услышал он пьяный голос:

— А! Вы меня ни во что не считаете! Ни во что? Молчать! По струнке ходить! По одной половице!

Стрешнев вошел в комнату. Иван Клеткин сидел, развалясь на стуле. Одна нога его была в сапоге, другая путалась в портянке.

— Здравствуйте,— запинаясь, сказала Тамара.

Жена молча убирала со стола. Она сегодня, ради воскресенья, постелила чистую скатерть, поставила букетик душистого горошка, приготовила хороший обед. И сама приоделась, белое в синюю полоску платье молодило ее. Утром, когда муж вышел купить папирос, она весело ходила по прибранной комнате, заглядывала в зеркало и улыбалась от удовольствия. Она, оказывается, еще и не старая совсем, глаза у нее еще яркие, серые, с блеском. Просто жизнь у них какая-то нескладная: муж то пьяный, то больной, парень от рук отбился, ни праздника, ни буден, все не так, как надо.

Но теперь все будет иначе. Вчера ее портрет — портрет крановщицы Ксении Любимовны Клеткиной — был напечатан в многотиражке на заводе. Ее поздравляли, она видела вокруг себя столько добрых лиц, столько улыбок, что и сама вдруг вся просветлела и заулыбалась.

Вот тут и созрело решение взять в свои руки домашнюю жизнь, потребовать от мужа, чтобы перестал пить, поговорить, может, поссориться, пригрозить...

Ссориться с Иваном не пришлось, он сразу со всеми ее доводами согласился.

— Да что ты, неужто мне дороже водки ничего нет? — сказал он, сделав изумленные глаза.— Ведь это я так, сдуру. А захочу бросить, так сразу и брошу. На что мне она? У меня, знаешь, какой характер? Как скажу, так и будет...

— И что с Яшкой делать, тоже в сам-деле подумать надо. Не то учится, не то нет. Учительница приходила, жаловалась... Пионеры житья не дают: приходят из школы, требуют, стыдят. А я — что говори, что нет,— не слушает. Отцовская рука нужна, Иван!

— А как же? Подожди, я за него возьмусь! Он мою руку живо почувствует!

Только вчера были все эти разговоры и приняты все решения. Утро началось тихое и веселое, словно что-то новое, хорошее вошло в давно запущенную, безрадостную квартиру. Ксения Любимовна приказала Яшке чисто умыться, дала ему голубую рубашку. С песенкой, которую любила напевать когда-то в молодости, принялась готовить завтрак. Даже кофе сварила сегодня, хороший, крепкий кофе, праздничный запах которого пошел по всей квартире...

Потом Иван ушел за папиросами. И вернулся вот только к обеду и в таком виде... Мечты сразу разлетелись, все погасло. Нет, не вырваться им из этой тоски, никому не вырваться: ни Ивану, ни ей, ни Яшке... Нет, все останется, как было, и жизнь пойдет все так же кувырком и кое-как. И как могла она поверить этому человеку?

Когда Стрешнев вошел в комнату, Ксения Любимовна сверкнула в его сторону недовольным взглядом и покраснела. И что ходят, когда их не зовут? Очень ей нужно, чтобы посторонние люди любовались ее мужем, ее бедой!

— Здравствуйте! — сняв кепку, сказал Стрешнев.

— Милости просим, Андрей Никанорыч! — ответила хозяйка, не оборачиваясь и с досадой гремя тарелками.

— А! Стрешнев! — заорал Иван Клеткин.— А у нас, брат, праздник! А как же? Воскресенье — не каждый день, а только раз в неделю. А она — гляди-ка, сердится,— он кивнул на жену,— героиня-то наша! А что такое героиня? Героиня труда! Подумаешь! В газетке в нашей напечатали. Да я, если захочу, так меня завтра в «Правде» напечатают. А то газетка, многотиражка! Тьфу — и все. Садись, Стрешнев. Ты меня не бойся.

Стрешнев сел. Он с угрюмой печалью глядел то на Клеткина, то на его жену, уголок его рта нервно подергивался. Он не знал, как начать разговор и стоит ли начинать.

— С чем пожаловал, Андрей Никанорыч? — сухо, еле разжимая губы, спросила Ксения Любимовна.

— Да вот о ребятах наших хотел поговорить...

Ксения Любимовна насторожилась:

— А что такое? Случилось что-нибудь?

— Очень даже случилось. По босяцкой линии они у нас с вами пошли. Давайте думать, что делать с ними... Сегодня утром на улице их поймал, деньги у прохожих выпрашивают.

Хозяйка вспыхнула:

— Ну, уж если ваш по босяцкой линии пошел, так вы других не путайте! Еще чего! Тут учительница пришла, сидела, в уши дула: «Учиться не стал... Что вы думаете с ним делать?..» Да то да се... Теперь вы еще какую-то босяцкую линию ему приплетаете! Ну, учился плохо, ну, бросил школу... А что я могу сделать? Не хочет — вот и не учится. Не всем же

учеными быть. А вот уж вы... Да соображаете вы, что говорите-то, в самом-то деле?!

— Если я говорю, значит, я знаю,— не повышая голоса, возразил Стрешнев, и уголок рта у него задрожал еще больше.— И не жаловаться я на него пришел, а предупредить, чтобы вы взяли его в руки.

— Своего берите в руки, если ваш по босяцкой линии пошел! — со слезами обиды ответила хозяйка.— А то что ж это такое, в самом-то деле! Уж хуже моего и нет! Учить приходят! Своих учите!

Стрешнев молча посмотрел на нее и встал.

— Своего я научу. Но ведь мой-то еще маленький. А вашему работать пора, а не бегать по дворам да не подбивать маленьких на всякие плутни.

— Здравствуйте! — Ксения Любимовна уже кричала, она была похожа на разъяренную наседку, которая защищает своего цыпленка, все равно какой бы он ни был. Раз он ее сын — значит, лучше его нет и виноватым он никогда быть не может.— Здравствуйте! Это, может, ваш моего плутням учит. А мой этого не позволит.

— И не позволю! — вмешался Иван Клеткин.— Никому не позволю меня учить!

— Я вижу, с вами не договориться,— устало сказал Стрешнев, встал и направился к двери.

— Постой, постой,— остановил его Клеткин,— ты что, не веришь? А знаешь, как меня в переулке бандиты встретили? Подходят: «Давай часы!» А я — одного налево, другого направо. Словно бабки, так и летят! А которые на ногах остались, разбежались кто куда! А потом из-за угла поглядывают... А я: «Подходи. Кто там еще?» Ну, они на попятный, видят, дело плохо. «Да что ты,— говорят,— Клеткин? Мы у тебя прикурить хотели. Вот и все». А сами за угол да бежать. Так и сгинули. Во как! Запомнят Клеткина! А ты будешь меня учить? Не позволю!..

Стрешнев вышел. По коридору от двери метнулся Яшка. Стрешнев поймал его за руку. Яшка молча и яростно начал вырываться, но Стрешнев без всяких усилий вывел его на лестницу.

— Поговорим давай,— сказал Стрешнев.— Или ты только с Антоном храбрый?

Яшка тотчас принял надменный вид. Если с ним хотят говорить — пожалуйста. Не испугался. Он независимо присел на подоконник и с мрачным вызовом глядел на Стрешнева. Нет, Яшка уже не боялся его, он же слышал, что говорилось дома. Если бы мать поверила Стрешневу, еще стоило бы встревожиться. Но если мать за него, за Яшку, то что может ему сделать посторонний человек, Стрешнев?

Стрешнев, прищурив темные, окруженные морщинками глаза, разглядывал Яшку. Желтые нечесаные вихры. Нос кверху. Дерзкий взгляд. Немытые, с черными ногтями руки... Беспризорник — и все. А ведь и отец и мать есть...

— Что же ты, Яшка, думаешь делать все-таки? — начал Стрешнев.— Школу бросил, потерял год. Сейчас в шестой перешел бы, а ты... Вот как.

— А что мне школа? — Яшка хотел сплюнуть, но почему-то сдержался.— Люди и без школы живут.

— Те, кто без школы, очень плохо живут. Ну, куда ты пойдешь? В грузчики? В землекопы? Так уж и эти работы машины делают.

— Куда-нибудь пойду. Была бы шея, хомут найдется.

— Нашел пословицу, нечего сказать! Что ж ты, весь век собираешься в хомуте ходить?

Яшка дерзко взглянул на него и оскалил крупные зубы.

— А вы не в хомуте ходите?

Стрешнев еле сдержался, так ему хотелось сдернуть с подоконника Яшку да отлупить хорошенько! Но он никогда не бил своих детей. Чужого он тоже не мог ударить. Он справился со своим мгновенным гневом, но чувство было такое, будто мальчишка дал ему пощечину.

— Нет, я не в хомуте хожу,— ответил он, стараясь говорить спокойно.— Я свою работу люблю. А хомут разве любят?

— А я вот никакую работу не люблю. И работать я не буду, никогда.

— А кто ж тебя кормить станет? Всю жизнь собираешься на чужой шее сидеть? Люди вон какие подвиги совершают: целину распахивают, новые города строят, дороги в дикой тайге прокладывают... Ракеты на Луну запускают! Вон Гагарин в космос летал! А тебе ни до чего и дела нет?

— А какое мне дело? Распахивают, ну и пускай распахивают, если им хочется! А мне вот не хочется!..

Стрешнев внимательно поглядел на него.

— Да ты, брат, оказывается, не наш, не советский человек растешь!

Яшка соскочил с подоконника.

— А чей же я? Не советский! Еще чего!

Но Стрешнев уже повернулся и пошел вниз по лестнице.

Яшка, сунув руки в карманы, глядел ему вслед. Ему необходимо было, чтобы Стрешнев остановился и ответил Яшке.

— Почему это я не советский? Что я — в Америке, что ли, родился? Я, небось, в Москве родился!

Но Стрешнев, не отвечая, спустился с лестницы, и дверь за ним захлопнулась. Яшка мигом слетел вниз, выскочил на улицу.

— Я, небось, в Москве родился! — крикнул он еще раз вслед Стрешневу.

Но Стрешнев ушел, так и не обернувшись и не ответив ему ни слова.

— Нашел дураков! — бормотал Яшка.— Целину распахивать. На пустом месте жить, в палатках всяких. В болотах там... Очень надо. Слышали, знаем! Пускай дураки едут. Я тоже поеду, только вот сейчас сбегаю, калоши надену! Поговорили! Все. Сеанс окончен... А почему это я не советский человек, когда я в Москве родился? В Америке, что ли?..

(Продолжение в следующем номере.)

Компас и карта хирурга

(Из книги „Тихо! Идет операция!")

Борис ВОЛОДИН

Рисунки В. Цельмера.

Книга с нижней полки

Алеша спросил меня:

— Дядя Боря, а почему эта ваша толстая книга с нижней полки называется «Атлас»? В атласе должны быть Европа, Азия, Африка, а тут... человек разрезанный, а потом совсем непонятное...

У Алеши свой атлас, географический. Недавно один знакомый журналист, вернувшись с Кубы, был у нас в гостях, и они вместе с Алешей путешествовали по атласу. За моим столом они пролетели на «ТУ-104» до Праги, потом на самолете английской компании «ВЕА» до Брюсселя, оттуда в Лисабон, оттуда на острова Зеленого мыса и через Атлантический океан к острову, похожему на зеленую ящерицу, в гости к Фиделю Кастро.

Да, атлас необходим каждому путешественнику!

Но я хирург. И из своего города я уезжаю редко. Однако порой, вечерами, подолгу листаю свой атлас, где нарисованы не понятные Алеше схемы, и сержусь, если отвлекают... Это значит, что завтра предстоит операция, которую мне не приходилось делать прежде.

Когда человек собирается в путешествие, он заранее намечает маршрут на самой подробной карте, чтобы не заблудиться в гималайских ущельях или в лесу под Звенигородом. И хирург тоже должен подробно знать маршрут инструментов, которыми он будет рассекать кожу, раздвигать мышцы, удалять гнойники, опухоли и зашивать рану.

Если хирург «заплутается» на операции, вместо исцеления он причинит больному вред. Потому-то и стоят у хирургов на видном месте, чтоб всегда были под руками, тома хирургических карт — атласы анатомии человека.

Открыватели

Когда-то на земле было много неисследованных мест. Было время, когда врачи не знали строения человеческого тела.

Имена многих отважных открывателей новых земель, морей и проливов, первыми проложивших пути в дальние края и рассказавших людям новое об их планете, вошли в географические названия: «мыс Шмидта», «мыс Дежнева», «Берингов пролив», «пролив Вилькицкого», «море Беллинсгаузена», «острова Кука». Недавно на карте Антарктиды появились имена советских исследователей таинственного шестого континента.

В анатомических атласах и учебниках встречается немало имен замечательных людей, которые, изучая строение человека, сделали важные открытия: «Евстахиева труба», «капсула Боумена-Шумлянского», «треугольник Пирогова». Сравнительно недавно — двадцать пять — двадцать семь лет назад — в анатомических книгах появилась новая схема: «Строение легкого по Б. Э. Линбергу».

Борис Эдмундович Линберг — один из старейших советских хирургов. Он живет и ра-

ботает в Москве, лечит больных, учит студентов.

Чтобы совершить открытие, ему не пришлось отправляться в дальнее путешествие, бороться с пургой и штормами, замерзать во льдах, переносить тропический зной, охотиться на диких зверей. Ему просто пришлось много и упорно трудиться. И не в одиночку, а с коллективом, со своими учениками. Трудиться в операционной, в лаборатории, за письменным столом и снова в операционной.

Может быть, кому-то покажется, что новые земли открывать интереснее. Может быть!

Но благодаря работам профессора Линберга и других ученых врачи теперь умеют делать очень сложные операции на легких и спасают от смерти тысячи людей.

Без чего нельзя жить?

Человек может голодать больше пятидесяти дней.

Без воды можно прожить не больше недели.

А без кислорода — только пять — семь минут.

Раньше считалось, что когда у человека останавливается сердце, сразу наступает смерть, потому что сердце перестает нагнетать кровь, содержащую кислород. А кислород необходим для жизни каждой клетки организма.

Теперь врачи умеют заставить сердце биться снова, умеют делать искусственное дыхание. И если они успевают сделать это в течение пяти — семи минут после того, как остановилось сердце, человек «воскресает», или, как говорят врачи, его «выводят из состояния клинической смерти».

Но спустя пять — семь минут оживить человека невозможно. Самые нежные, самые сложные клетки головного мозга не выдерживают кислородного голодания и погибают.

Без кислорода жить нельзя.

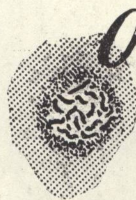
А как кислород попадает в кровь? Через легкие. Вместе с воздухом, которым мы дышим.

Ну-ка, вдохните!.. Знаете, что произошло?.. Через рот и нос воздух пошел в дыхательное горло. Оттуда — в главные бронхи — хрящевые трубки, разветвления... Один бронх идет к правому легкому, другой — к левому. Главные бронхи разветвляются на более мелкие, а те — на еще меньшие. Воздухоносные трубочки ветвятся, ветвятся, и, наконец, тончайшие из них — бронхиолы — доставляют воздух в ячейки из нежной легочной ткани — альвеолы. Стенки альвеол пронизаны мельчайшими кровеносными сосудами — капиллярами. При вдохе воздух расправляет легкие, наполняет альвеолы, и кислород проникает сквозь стенки капилляров в кровь. Кровь разносит его по всему телу, насыщает кислородом все клетки.

Ну, а теперь выдохните!.. Сейчас легкие сжались. Воздух пошел обратно. Только мы выдыхаем не кислород, а углекислый газ. Он образовался в организме в результате обмена веществ и выделился из крови в легкие.

Кислородный голод опасен, даже если организм получает кислород, но недостаточно. При частичном кислородном голодании человек может жить годы, но он не может работать. И все больше и больше клеток разных органов постепенно выходит из строя: им не хватает кислорода.

Из-за чего может начаться постоянное (хроническое) кислородное голодание? Из-за поражения легких какой-нибудь болезнью. Оттого, что крупный бронх закупорила опухоль. Оттого, что в плевральной полости между легким и грудной стенкой скопилась жидкость — гной или кровь, которая сдавила легкое, при вдохе оно не может расправиться, и воздух не поступает в альвеолы. Оттого, что легкие поражены туберкулезом или в них образовались гнойники — «абсцессы легких».

Осажденные микробы

Организм умеет защищаться от своих невидимых врагов.

Воспалительный очаг он окружает особой тканью, через которую микробам нелегко прорваться. Белые кровяные шарики — лейкоциты поглощают микробов. Особые вещества в крови убивают бактерии и вирусы.

Крепкий организм может сам перебороть многие болезни. Да еще врачи помогают ему разными лекарствами.

Но бывает так, что организм ослаблен и не может победить своих врагов. Иногда после

перенесённого острого заболевания легких в ткани их остается воспалительный очаг. Невидимые враги-микробы захватывают «плацдарм». Правда, они «в окружении». Двигаться дальше им мешает защитный вал — плотная капсула из рубцовой ткани, образовавшаяся вокруг очага. Но внутри капсулы микробы разрушают ткань легкого. Получается полость, в ней остатки расплавленной ткани, микробы и боровшиеся с микробами лейкоциты. Это и есть гнойник, или абсцесс легкого.

При туберкулезе бактерии, палочки Коха, вызывающие болезнь, производят такие же разрушения. Только полости, которые образуются в легком при туберкулезе, врачи называют не абсцессами, а кавернами.

В абсцессе накапливается много гноя. Он ищет выхода и иногда может прорвать капсулу. Если гнойник прорвется в плевральную полость (между легким и грудной стенкой), легкое будет сдавлено — помеха дыханию. Если он прорвется в здоровую ткань, там вспыхнет новый воспалительный очаг. Если гнойник и не прорывается, он все равно опасен. Человека изнурит лихорадка. Из воспалительного очага будут всасываться в кровь ядовитые вещества. Вот сколько бед могут причинить даже «окруженные» микробы.

Прежде болезнь длилась годами. Врачи старались поддержать силы больного, помочь ему справиться с болезнью. Не всегда это им удавалось. Но даже и после выздоровления жесткие рубцы мешали легкому нормально расправляться и сжиматься при дыхании.

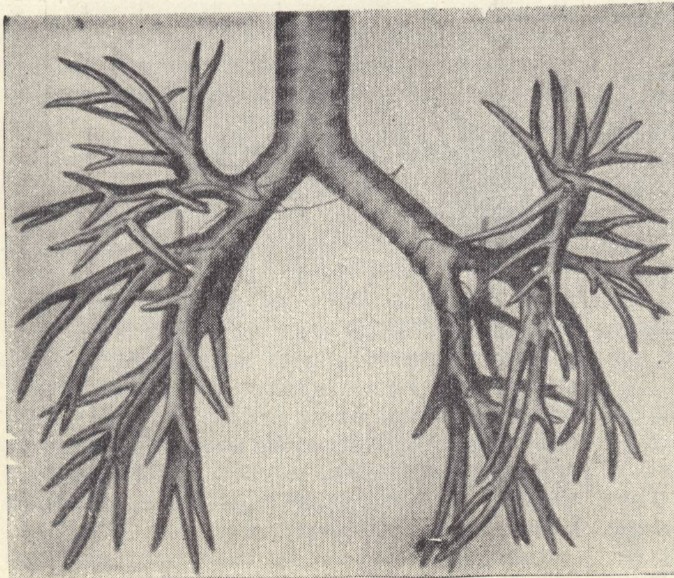
Профессор Борис Эдмундович Линберг.

«Где гной, оттуда извлекай» — это правило Гиппократа, «отца медицины», замечательного древнегреческого врача. Еще за несколько сот лет до нашей эры было известно, что гнойники нужно удалять. И врачи вскрывали нарывы на теле. А в прошлом столетии начали оперировать в брюшной полости. Слыхали, есть такое заболевание: аппендицит? Это — воспаление отростка слепой кишки. Сейчас любой хирург удалит этот отросток, если грозит нагноение. Успешно оперировать на легких врачи научились совсем недавно, хотя подступали к этому делу много лет. Еще полвека назад всемирно знаменитый хирург Иоганн Микулич назвал грудную полость «книгой за семью печатями».

Прежде врачи не знали строения легких.

Если смотреть на легкие снаружи, то правое легкое человека состоит из трех долей, а левое — из двух, разделенных глубокими четкими бороздами.

Вот как выглядит «бронхиальное дерево».

Много лет хирурги так и представляли себе легкие. Они пытались оперировать, но одним больным удавалось помочь, а у других после операций наступали грозные осложнения. Поэтому на такие операции врачи и больные решались в самых крайних случаях.

Чтобы понять, почему не все операции проходят успешно, врачи подолгу работали в анатомических лабораториях, исследуя строение легких. Они пытались инструментами разделить легочную ткань на дольки, выяснить ее строение. Но легочная ткань очень нежная, она мгновенно разрушалась. И как ни мудрили исследователи при препаровке, результаты были неточными.

Славная школа

Хирурги очень боятся загрязнить операционную рану микробами. Ведь тогда рана нагноится, и операция может вместо пользы принести даже вред.

Чтобы избежать заражения, хирурги тщательно кипятят инструменты. Они подолгу моют руки мылом и разными дезинфицирующими составами. Ученые-хирурги специально разрабатывали методы мытья рук.

В Советском Союзе большинство хирургов моют руки по методу Спасокукоцкого. Сергей Иванович Спасокукоцкий был замечательным хирургом и ученым. В каждом городе можно найти хирурга, который либо был учеником Спасокукоцкого, либо учеником его учеников. Вы, наверно, слыхали о знаменитом академике Бакулеве? Он ученик Сергея Ивановича. И Борис Эдмундович Линберг тоже называет себя учеником Спасокукоцкого.

Спасокукоцкий и его ученики смело вторгались в области, которые прежде считались недоступными для хирургического вмешательства. Они разработали многие операции на мозге, на органах грудной клетки. Ученик Спасокукоцкого академик Бакулев первым в нашей стране стал с помощью операций исправлять пороки сердца у тяжелобольных.

Пожалуй, неправильно говорить «смело вторгались». Одной смелостью хирург ничего не добьется. Я помню слова одного замечательного врача, у которого мне довелось учиться: «У хирурга сначала должна работать голова, а потом уж руки». Так учил работать и Сергей Иванович Спасокукоцкий.

Сергей Иванович и его последователи Линберг и Бакулев упорно разрабатывали хирургию легких. Они тщательно изучали все удачи и неудачи хирургов, вторгавшихся в грудную клетку. И они правильно определили, что же все-таки мешает хирургу всегда успешно оперировать на легких.

А для этого прежде всего нужно было точно выяснить строение органов дыхания. Хирургам была необходима подробная карта «поля битвы» со смертью. Вот за эту-то работу и взялся в 1933 году Борис Эдмундович Линберг.

Компас

Путешественнику мало одной карты. Чтобы идти в нужном направлении, ему необходимо определить, где север, где юг, восток и запад. Нужен компас.

Все прежние анатомы старались разгадать строение легкого по внешним признакам — по бороздам между долями. «А почему не пойти другим путем? — размышлял Борис Эдмундович. — Назначение легкого — дышать. Воздух поступает к каждой его части через бронхи. Природа не терпит ничего лишнего, каждый бронх выполняет определенную работу... Может быть, строение легких помогут узнать разветвления бронхов?»

Десятки раз Линберг и его ученики в лабораториях осторожно выделяли бронхи из легочной ткани умерших людей. Потом они придумали более удобный метод. Бронхи заполняли жидким гипсом или пластмассой — акрилатом. Когда гипс или акрилат затвердевали, препарат опускали в кислоту, и в руках исследователей оказывался слепок — «бронхиальное дерево».

И все слепки показали, что главные бронхи правого и левого легких делятся на четыре крупных бронха, а крупные бронхи — на более мелкие.

Но для хирурга этого мало. Нужно еще знать, как располагаются в легком кровеносные сосуды: артерии, которые приносят к нему кровь, богатую кислородом и питательными веществами, и вены, по которым кровь, насыщенная продуктами обмена веществ, оттекает из органа.

Один из учеников Б. Э. Линберга стал изучать расположение кровеносных сосудов в легком. Он заполнял жидким акрилатом одного цвета бронхи, а акрилатом другого цве-

та — кровеносные сосуды, и когда получили слепки, оказалось, что кровеносные сосуды легких ветвятся так же, как и бронхи.

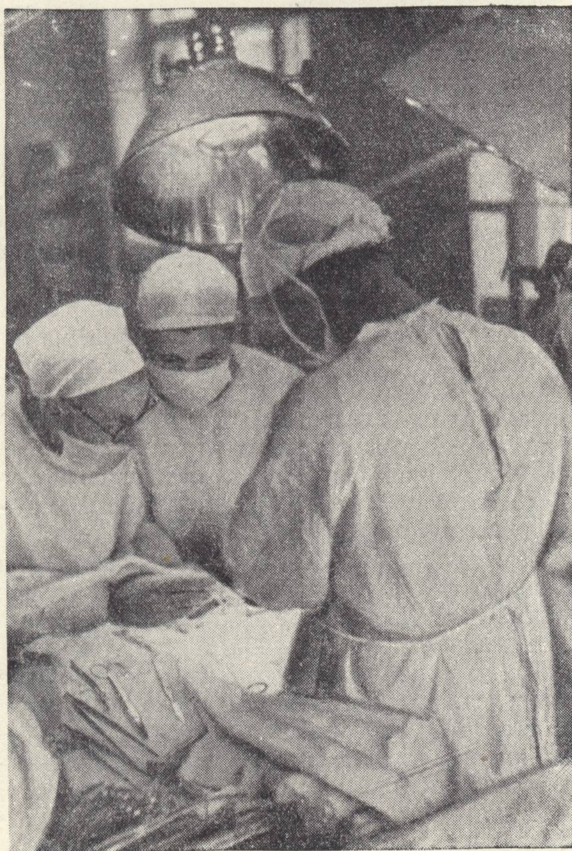
Так Линберг и его ученики неопровержимо доказали, что у человека и у животных легкое устроено одинаково. Оно состоит из четырех частей, двух долей — верхней и нижней, а каждая доля — из двух зон. Зоны делятся на сегменты. У каждой доли, зоны, сегмента свой бронх, своя сосудистая веточка...

Тут появились новые мысли. Любой болезнетворный процесс распространяется либо по бронхам, либо по кровеносным сосудам, значит, он всегда должен происходить в пределах сегмента, или зоны, или одной доли легкого.

Начались новые исследования, и они подтвердили выводы Бориса Эдмундовича. К этому времени врачи-рентгенологи научились по снимкам точно определять, где расположен гнойный очаг: в какой доле, в какой зоне, в каком сегменте. Теперь было ясно, что можно оперировать на легких, экономно удаляя пораженный болезнью участок легочной ткани — сегмент или долю.

Если хирург знает, как развивается болезнь, значит, у него в руках верный компас.

Эти работы Борис Эдмундович Линберг и его ученики провели давно — в 1933—1935 годах. Позже они занимались другими важными проблемами. Они спасли много людей, страдающих разными заболеваниями. По инструкции, составленной Линбергом, врачи Советской Армии лечили в годы войны солдат, раненных в грудь.

Эта фотография сделана в Институте туберкулеза. Ведет операцию на легком крупный ученый Л. К. Богуш. За разработку операции на легких он вместе с Б. Э. Линбергом и другими учеными удостоен Ленинской премии.

Признание

— Борис Эдмундович! Вас какой-то человек спрашивает. Приехал из Ростова...

Линберг привык, что больные приезжают к нему со всех концов страны. Он поздоровался с вошедшим, привычно спросил:

— Что вас беспокоит?

Человек улыбнулся.

— Я здоров, Борис Эдмундович! Но вы оперировали моего товарища, удалили ему две трети легкого. Он был очень тяжело болен... погибал... А теперь работает вовсю. Это просто удивительно. И мне очень хотелось повидаться с чудесным доктором... И пожать вам руку...

Сотни людей с благодарностью говорят о Борисе Эдмундовиче, о его учениках, о многих наших замечательных хирургах.

В последние годы хирурги разработали новые методы операций на легких. Прежде такие операции были редкостью, сейчас они стали обычным делом, потому что хирурги точно знают строение легких, ветвление кровеносных сосудов, точно знают будущий маршрут своих инструментов.

За разработку новых методов спасительных операций на легких, за то, что ученые-хирурги научили рядовых врачей спасать от смерти тысячи людей, в этом году им присуждена самая высокая награда — Ленинская премия.

Ленинской премии удостоен и один из старейших советских хирургов, Борис Эдмундович Линберг. Двадцать семь лет назад он вооружил науку «картой боевых действий».

Да, пожалуй, романтика не в одних лишь дальних странствиях!

В. ГИНЗБУРГ, Ю. КИСЕЛЕВ
Рисунки В. Юдина.

На седьмой минуте

РАССКАЗ

Свисток судьи развел противников. Теперь уже делать нечего, разве только ждать — минуту, полторы, — пока объявят. Игорь не поднимает глаз и все же видит, пожалуй, только одно это и видит: тот в своем углу расхаживает — два шага туда два обратно. Ждет, когда объявят. Может не волноваться, выиграл! Потихоньку, осторожненько. Подбирал: там очко, здесь! Набрал!

Как бывает в подобных случаях, Игорь ищет себе оправдание. «Нет, спорт не для крохоборов, — думает он. — Положи противника на лопатки, тушируй, победи красиво, гордо; победи так, чтоб все ахнули. В такой победе человек виден, воля, характер». Вот и он: рвался к чистой победе, недооценил противника. Уверенный, что рано или поздно прижмет его лопатки к ковру, дал ему возможность набрать очки и... проиграл.

Проиграл! Конечно!.. И все же где-то стучится надежда: может быть... Может быть, тот бросок в самом начале схватки не засчитали?.. А в попеременном партере был ли там перекат?

Главный судья дал знак, боковые судьи зажгли лампочки. Все трое зажгли красные. Игорь Крымов, двукратный чемпион Дворца пионеров по вольной борьбе, проиграл. Проиграл сопернику, впервые вышедшему на крупные соревнования.

Нужно уходить с ковра, но там, справа, на низенькой скамейке, — товарищи по команде. Для них-то все просто: Крымов проиграл. Знал, что от его победы зависит командное первенство Дворца, и проиграл. Мог выиграть — и все же проиграл. Нужно смотреть им всем в глаза... Что ж, он посмотрит! Он посмотрит каждому прямо в глаза. Не раз и не два он приносил команде победы. Не те, что выкраиваются из лоскутков, по очкам, а настоящие, под гром аплодисментов — чистые победы... Теперь он проиграл. Что ж, не всегда выигрывать! Игорь упрямо вздергивает подбородок. Но на него никто не смотрит, и все молчат.

В раздевалке пусто. Игорь лег на гимнастический мат и подложил под голову чемоданчик.

Из форточки доносится шум улицы, влажно струится мягкий, весенний воздух. Солнечный луч, потянувшись, сполз с подоконника на пол, разбросав по стенам отсветы...

Игорь закрыл глаза. Вот так: лежать, и не думать, и прислушиваться, как ноют мускулы. Осталась еще одна схватка с Месхишвили. Надо отдыхать. Но мысль не дает покоя: «Так дурацки проиграть, так бездарно! Не устраивала, видите ли, победа по очкам! Выиграть у Смольникова, трехкратного чемпиона Ленинграда среди юношей, и проиграть этому...»

Игорь смотрит в окно. С крыши противоположного дома сбрасывают мокрый, тяжелый снег; слышно, как глухо падают глыбы на асфальт. «А если тушировать Месхишвили? — Игорь даже приподнялся. — Собственно, почему бы и нет?.. Надо только придумать что-нибудь неожиданное. И отдохнуть как следует». Игорь вновь ложится, но не может не думать. Месхишвили тушировать почти невозможно. Десятки раз они боролись на тренировках, чаще победа оставалась за Игорем Крымовым. И все же ни разу ему не удалось положить Левана на лопатки. А сейчас Игорю нужна только такая победа, туше. Только припечатав противника к ковру, он может стать чемпионом города и вместе с тем вывести свою команду на первое место. От этой встречи зависит все. Если же Игорь проиграет или даже если выиграет по очкам, первенство возьмут «Трудовые резервы», а чемпионом города станет Смольников.

Игорь вдруг заметил Гаранжу, капитана команды. Валька стоял в дверях раздевалки и улыбался.

Валька Гаранжа... Он учился в той же школе, но в десятом, на класс старше Игоря. Валька здорово учился — на одни пятерки.

Его девиз: если за что взялся, будь первым или никаким. Валька — классный борец. Раньше, когда еще жил в Москве, он выиграл первенство столицы среди юношей в легком весе, теперь стал чемпионом Ленинграда. В секции Дворца пионеров Валька считался самым техничным борцом, а уж второе место отводилось Игорю Крымову. И когда заболел Михаил Михайлович, тренер, в шутку называемый Мих Михом, именно Гаранже поручили готовить команду к соревнованию. Надо отдать должное, Валька вел занятия от души и со знанием дела.

«За что же все-таки я не люблю его? — спрашивал себя Игорь. — Неужели зависть? Нет, не зависть. Просто не люблю — и все».

Но ребята все без ума от Гаранжи, и теперь они думают, что в этой предпоследней злополучной схватке Крымов так упорно стремился тушировать своего противника, чтобы не отстать по количеству чистых побед от Гаранжи. А на самом деле?.. Да так оно и было, если честно. Эх! Что и говорить...

— Ну? — хмуро сказал Игорь.

Валька присел рядом на корточки и тихонько, деликатно вытащил из-под головы Игоря чемоданчик. Волей-неволей пришлось сесть.

— Все в порядке, — сказал Валька и, помолчав, добавил: — Победишь.

Глаза Вальки смотрели благодушно, спокойно, смешливо.

— Победишь, и притом вчистую, обязательно вчистую, старик.

«Так вот ты, оказывается, какой! Великодушный!..» — подумал Игорь.

— Да, но... — начал было он.

— Ты меня знаешь год: по секции и по школе, — перебил Валька, — я слов на ветер не бросаю. Месхишвили будет на лопатках.

— Ты так уверен... Почему?

— Потому что нам нужна эта победа: тебе, мне, Месхишвили — словом, всем, команде. — Теперь Валька говорил совершенно серьезно, не сводя с Игоря глаз. — И еще, — он поднялся, — побеждает тот коллектив, где один за всех, все за одного.

— Хорошо сказано, — усмехнулся Игорь. — Но на ковре будет не коллектив, а только двое: я и Месхишвили.

— Вот именно. Ты и Месхишвили, — с силой повторил Валька.

По радио на весь стадион объявили: «Капитан команды Дворца пионеров Гаранжа, подойдите к столу главного судьи».

Валька вдруг снова расплылся в улыбке.

— Все. Побежал. После соревнований договорим.

— Ты и Месхишвили! — с силой сказал Валька.

Уже в коридоре Игорь догнал его:

— Я вот что... я думаю... у меня ведь неплохо получалось обвивом... Об этом все забыли.

— Так.

— Может, попробовать?

— Гм... Ну что ж, обвивом так обвивом!

Игорь был озадачен. Почему Валька Гаранжа, этот мастер хитроумных ловушек, не захотел всерьез поговорить с ним о предстоящей схватке? Этика? Оба они — Игорь и Леван Месхишвили — из одной команды, которую готовил к соревнованиям Валька Гаранжа. Да, конечно, элементарная этика. Но ведь от победы Крымова зависит результат первенства города, а Месхишвили все равно занимает третье место — выиграет или проиграет Крымову...

А может, как раз в этом все дело? Левану все равно, выиграть или проиграть... Может, с этим Валька и пришел к нему, Игорю? Может... К нему, Крымову, с таким предложением?! Нет, нет, нет, конечно, нет! Гаранжа просто хотел приободрить. И на том спасибо!

Ждешь своей очереди, и все-таки, когда радио вызывает тебя на ковер бороться — это всегда неожиданность.

Игорь направился в свой угол. В противоположном уже стоял Леван Месхишвили. Игорь бросил взгляд вправо, где сидели товарищи по команде, потом стал смотреть вверх, на выложенную во весь потолок зимнего стадиона звезду из электрических лампочек. «Скорее бы».

Зрительный зал полон. В проходах и вдоль края ковра сидят борцы, не попавшие в финал. И все присутствующие смотрят на него, Игоря Крымова. Смотрят и пытаются представить, как сложится эта решающая схватка.

Недалеко от судейского стола сидит Гаранжа. Рядом с ним — Смольников.

Саша Смольников три года подряд держал первенство Ленинграда в среднем весе. Закончив ремесленное училище, он подал заявление в райком комсомола с просьбой послать его работать на целинные земли, в любой совхоз, где нуждаются в механизаторах. И вот — последние дни в Ленинграде. Станет ли он в четвертый раз чемпионом города?! С минуты на минуту начнется схватка Крымов — Месхишвили, она решит, будет Смольников первым или только вторым.

...По свистку арбитра борцы сошлись на середине ковра.

Игорь хорошо знал своего противника: выигрывать у Левана нужно на первых минутах, в стойке, потому что партер — это «конек» Месхишвили. Там он, как машина, вздохнуть не даст. Игорь энергично повел атаку.

В зале напряженная тишина.

— Одна минута, — объявил секундометрист, и его негромкий голос слышен даже в последних рядах.

Крымов делает обманное движение, на какую-то долю секунды Месхишвили подается вперед. Рука Игоря охватывает его шею. Собравшись в тугой комок, Игорь подворачивается под противника... Ноги Месхишвили описывают в воздухе дугу. Перелетев через спину Крымова, Леван падает, успевая в последний момент сделать мост. Не так-то просто положить Месхишвили на лопатки, у него всегда наготове спасительный несокрушимый, несгибаемый мост!

— Бросок за ковром, — слышит Игорь голос арбитра.

Значит, не считается. Что ж, за ковром так за ковром! Крымов щедрый, ему не жалко: следующий бросок будет в самой точке. И это будет не бросок через спину, это будет другой, это будет совсем другой бросок, как раз тот, которого никто не ожидает.

Борьба вновь начинается с середины ковра. Некоторое время противники ходят друг подле друга, низко согнувшись, выжидая момента для захвата. И вновь Игорь опережает. Его правая рука на шее Месхишвили, левая сжимает запястье противника.

— Ну же! — срывается у кого-то в зале.

Игорь опять подворачивается для броска через спину, но Месхишвили начеку, он вовремя успевает вырвать руку и отскочить.

— Две минуты, — слышит Игорь ровный голос секундометриста.

«Еще есть время, еще успею...»

Крымов отлично владеет броском через спину — это знают все участники соревнований. И уж, конечно, знает об этом Леван Месхишвили, с которым вот уже два года Игорь занимается борьбой в одной секции, в одной группе. Месхишвили броском через спину не удивишь, он мог попасться один раз, но не больше.

Месхишвили низко склонил туловище, выставив вперед, навстречу противнику, короткие сильные руки. Нет, броском через спину его больше не возьмешь! И ребята из команды Дворца пионеров думают так же: «Время идет!.. Не то, не то делаешь!»

Саша Смольников, не отрывая взгляда от ковра, сказал Гаранже:

— Ну нет, тут готовится что-то другое.

Гаранжа промолчал.

А Месхишвили поймал взгляд Крымова и подмигнул.

«Ага, доволен, — сказал себе Игорь, — хорошо, очень хорошо! Уверен, что уйдешь от броска через спину. Чудесно! Думай об этом, жди броска через спину».

— Три минуты!

«Пора». Игорь отступил к середине ковра, Месхишвили шагнул за ним, пошел на сближение. Их руки сплелись в обоюдном захвате, теперь все дело в резкости и быстроте реакции. Рука Крымова скользнула под мышки Месхишвили, локтевым сгибом зажала плечо... Игорь пытается развернуть противника... Еще... Еще... Ну еще немного... Только бы он выставил ногу вперед!

— Обвив будет, — сказал Гаранже Смольников. Он весь подался вперед.

Месхишвили стоял, сбычившись. Его шея накрепко сжата рукой Игоря. Но он не разворачивался. Тогда Игорь сильно рванул его на себя. Чтобы не потерять равновесия, Месхишвили шагнул вперед... Вот оно! Нога Игоря обвилась вокруг голени противника.

— Обвив! Скручивай, скручивай!

Еще усилие, ну еще одно усилие... Рывок! Но вместо привычной тяжести Игорь почувствовал в руках пустоту. Он все понял тогда, когда уже стоял на коленях: в момент броска Месхишвили сделал свободной ногой шаг назад, в сторону, и сбил Игоря в партер.

«Надо вернуться в стойку, скорее в стойку». И вдруг совершенно спокойно подумал: «А что стойка? И стойка ни к чему... Вчистую теперь не выиграть: поздно».

Месхишвили прижимал Игоря к ковру, не давая подняться.

— Четыре минуты, — ровным голосом объявил секундометрист.

Борцы разошлись по своим углам. Глядя на Крымова, нельзя было догадаться, что он растерян. По укоренившейся привычке Игорь показывал публике, судьям, противнику совершенно спокойное лицо. Думая о своем, он все время чувствовал, что на него смотрят десятки глаз. Эти глаза должны видеть, что у него все в порядке.

Боковые судьи зажгли белые лампочки. Ничья. Информатор сообщил: «Борьба продолжается в партере по жребию».

Арбитр подбросил картонный кружок. Кружок упал зеленой стороной вверх. Первым борется сверху Месхишвили.

Игорь опустился на колени и уперся ладонями в ковер. Месхишвили попробовал перевернуть его на спину, накатывая через плечо. Не получилось. Тогда Месхишвили стал заводить руку Игоря на ключ.

— Бесполезно, ключом Крымова не возьмешь, — сказал Смольников, — пробовал.

— Как знать! — Гаранжа взглянул на секундомер.

Все идет как по-писаному. Месхишвили раз за разом применяет накат, которым Крымова действительно не возьмешь. «Молодчина, Леванчик».

А на ковре Месхишвили приблизил рот к уху Крымова и сказал, тяжело дыша:

— Здорово похоже!.. Артист...

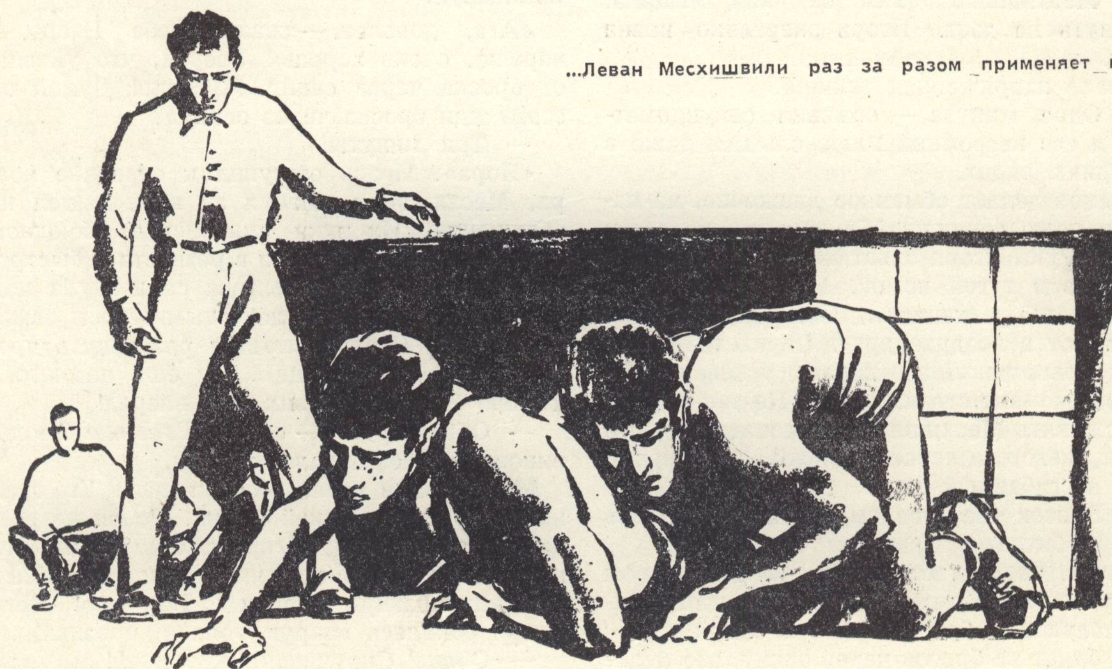
— Шесть минут! — бесстрастно выкрикнул секундометрист.

— Вот теперь, пожалуйста, — шепнул Игорю Леван.

Борцы поднялись, чтобы поменяться местами. Теперь Месхишвили борется внизу, Крымов сверху.

Игорь опустился на одно колено у бедра противника и положил руку ему на поясницу. Месхишвили сдвинул руки. Он слишком их близко сдвинул, он сдвинул их ровно настолько, чтобы это не бросалось в глаза зрителям и судьям, но чтобы Крымов мог перевернуть его. По свистку судьи, совершенно машинально Игорь захватил руки противника выше локтей и, упираясь грудью в плечо Месхишвили, потянул их к себе. Не пытаясь сделать мост, Месхишвили лег на лопатки.

...Леван Месхишвили раз за разом применяет накат.

Соревнования окончены. Игорь Крымов — чемпион города. Как часто мечталось об этой минуте! Но сейчас радости нет. Нет ее, радости победы. Почему? О, Игорь знает! Хотя нет, не знает. Он ничего не знает наверняка, только догадывается. Но он должен знать наверняка, иначе нельзя.

Игоря окружили, его обнимали, поздравляли, какие-то незнакомые парни жали ему руку, одобрительно трепали по спине, а он все думал: «Да или нет? Победа это или...»

Подошел Валька Гаранжа, улыбающийся, беззаботный, обнял Игоря за плечи и вывел из круга.

— Быстренько в душ, приведи себя в порядок — и на народ. Чемпион города, представитель команды-победительницы. Здорово, а?!

В коридоре, когда они остались одни, Игорь резко спросил:

— Говори, в чем дело?

— Ни в чем. Ты принес команде нужное очко.

— Я не об этом.

— Гм... О чем же?

— Не ломай комедии, сам знаешь.

— Хорошо, — усмехнулся Гаранжа, — скажу! — Глаза его недобро блеснули. — Эх ты, гусь лапчатый! Проиграл какому-то сопляку и еще в бутылку лезешь. Да, Месхишвили проиграл. Ну и что? Это выигрыш для всех: для команды, для тебя... В ножки поклонись ему. Так-то!

Гаранжа рывком открыл дверь раздевалки, пропуская Игоря вперед.

— Прошу...

Навстречу им рванулся шум, но едва они вошли, стало тихо.

Валька Гаранжа настороженно огляделся.

— Не вижу радости на лицах победителей, — сказал он, упираясь взглядом поочередно в каждого.

— Понимаешь, — заговорил Жора Красный, — слава, она ведь тоже...

Он стоял в развязной позе, подкидывая в воздух пятак.

— Все паясничаешь!

— С вашего разрешения.

— Трепач!

— Давайте к делу, — оборвал Костя Николаев. Он повернулся к Игорю: — Месхишвили петляет зайцем. Намекнул, а потом в кусты. Может быть, ты ответишь? Схватка была фиктивная?

Игорь взглянул на Месхишвили: Леван смотрел в сторону, и вид у него был несчастный.

Волна ярости захлестнула Игоря.

«Да, — подумал Игорь, — а если...»

— Не знаю, — сказал он.

— То есть как?

— Ах, ты боже ж мой, — вмешался Жора Красный, — ну откуда ему, ягненку невинному, знать!

— Помолчи! — вспылил Игорь.

— С какой стати ему молчать? — сказал кто-то.

— Ладно, — усмехнулся Жора. — Молчу. — Он все подкидывал и ловил пятак и вдруг на открытой ладони протянул его Игорю.

Не разжимая зубов, Игорь сказал:

— Цену назначаешь?! В пятак оценил? — Волна ярости и обиды захлестнула его.

Жора снова подкинул и снова протянул Игорю пятак, зло глядя ему в глаза.

Игорь снизу вверх стукнул Жору по руке; монета звякнула о стену, покатилась по по-

лу. Все, как зачарованные, проследили за ней взглядом, а когда подняли головы, то увидели, что Игорь вплотную подступил к Жоре.

Еще момент — и драка. Скандал...

Секунду Гаранжа колебался, потом схватил графин с водой и с силой швырнул его на пол.

Ребята застыли в молчании.

А Гаранжа, не давая никому опомниться, скомандовал:

— Все на парад! Мы заняли первое место — и это главное.

— Но... — начал было Костя.

— Отставить разговоры!

Костя пожал плечами и первым стал в строй.

Парад... В одну шеренгу, лицом к судейскому столу, выстроились команды борцов... Уже вручены грамоты и кубки спортивным обществам.

Вручаются призы победителям в личном зачете.

«Первое место и звание чемпиона в полусреднем весе присуждается...» — провозглашает председатель городского совета спортивных обществ.

Оркестр играет туш, зрители аплодируют.

«Как же быть, как быть?» — напряженно думает Игорь. Он теперь почти уверен, что схватка была фиктивная. Но чтобы решиться, нужно знать наверняка. Как же быть?.. Или махнуть рукой, пусть будет, что будет, он ничего не знает и знать не хочет, примет титул чемпиона, нацепит жетон и... никогда не поднимет головы, никогда больше не поднимет головы!

«Первое место и звание чемпиона...»

Крымов отыскивает глазами Месхишвили. Тот опоздал на парад и стоит теперь в конце строя, на левом фланге. Игорь толкает локтем Жору Красного, указывая взглядом на Левана.

— Пусть скажет, да или нет, черт его подери!

Жора удивленно смотрит на него, но, сообразив наконец, что Игорь, так же как все они, действительно не знает, была схватка фиктивной или нет, передает дальше по цепи: «Пусть скажет, да или нет».

Через несколько минут приходит ответ: да, он, дескать, хотел, как лучше...

Значит, схватка была фиктивной.

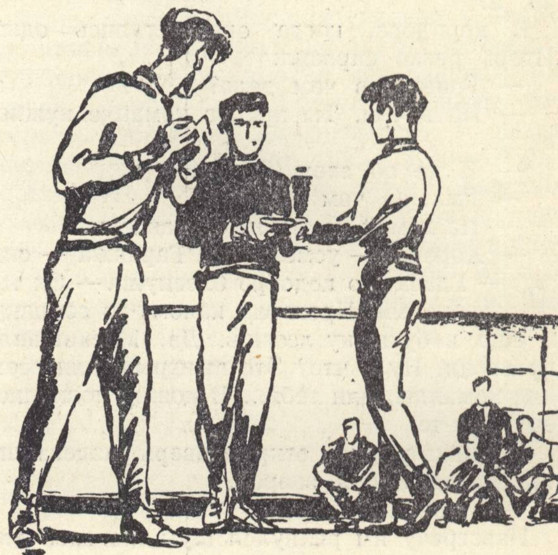
— Ладно, — говорит Игорь. — Понятно. Теперь понятно...

«...звание чемпиона в полусреднем весе...» Игорь плечом почувствовал, как привычно подтянулся Жора Красный; печатая шаг, пошел к столу главного судьи.

Следующая очередь его, Игоря.

«Первое место и звание чемпиона в среднем весе присуждается Игорю Крымову, Дворец пионеров».

...Крымов принял кубок, грамоту, ценный приз и майку чемпиона. Потом круто повернулся, пошел туда, где стояла команда «Трудовых резервов», и отдал боевые трофеи Саше Смольникову.

...отдал трофеи Смольникову.

Зрители не могли понять, в чем дело. Судьи растерялись. Аплодировали только атлеты Дворца пионеров и «Трудовых резервов».

Когда Игорь возвратился, Жора, глубоко вздохнув, сказал:

— Ты меня извини, пожалуйста.

— Отвяжись! — беззлобно огрызнулся Игорь.

— Ты же знаешь, как мы о тебе думаем, и вдруг...

— О-о! — сказал Игорь.

Фото А. Ритова.

Весело шумит и булькает в котелке. Что может быть вкуснее, чем эта похлебка с приправой из смолистого дымка и хорошего аппетита!

Тот, кто дружен с туристскими тропами, с вольными ветрами походов, должно быть, и этим летом уже не раз сиживал вот так у костра.

Лето кончилось. Вы простились с ним. Но лес и поле зовут вас к себе в гости на праздник осени.

В поход, ребята!

Рюкзаки за спину и в путь. Вы услышите журавлиную стаю в высоком небе, и хруст седой от инея травы под ногой, и шуршание ежика в опавшей листве. Вы увидите золото березок, кораллы рябиновых кистей, пасмурную просинь колючих еловых лап.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Однажды ночью
В полумгле
Бубнил Задачник на столе:

— Задача номер шестьдесят
Про апельсины и ребят.
Как поделить ребятам их —
Два апельсина на троих?

Проснулась География
Под лампой у картины,
Спросонья География
Сказала:
— Апельсины?
Растут они в Испании,
Растут они в Италии,
В Армении, в Албании,
А также...
И так далее.

История сурово
Свое сказала слово:

— Делить собрался?..
Ой, смотри!
В делении — коварство!
Уж я-то помню, как цари
Делили государства!
Как принцы, графы, короли,
Бароны и царицы
Делили замки, корабли,
Короны и столицы.

Войною примутся делить —
Смотреть бывало жутко...
Должна я всех предупредить:
Деление не шутка!

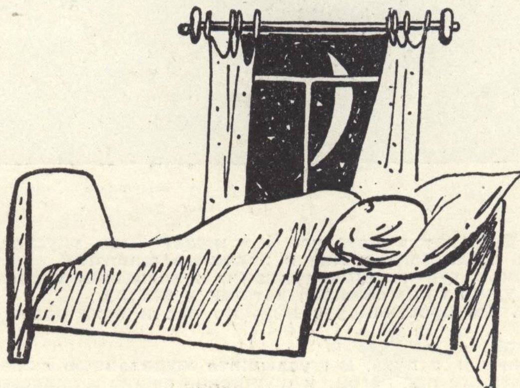

На полке в отдалении
Словарь, шурша страницей,
Забормотал:
— Деление...
Делимое... Делиться...
Делитель... Делится... Дележ...
Делянка... Доля... Долька...

Ишь, разошелся — не уймешь!
Ой, умник, — знает сколько!

Вздохнул Задачник:
— Помогли!..
Ну что ж, спасибо всем!
Делянки... Замки... Короли...
Запутали совсем!

А между тем рассвет возник,
Окошко заалело...
Вставай скорее, ученик,
Внеси-ка ясность в дело!

Почему и Отчего

Обидно или не обидно?

Как надо спрашивать, подойдя к концу очереди: «Кто крайний?» или «Кто последний?».

У нас дома зашел спор об этом. По-моему, правильно говорить «Кто последний?». Я горю желанием узнать, кто в этом споре прав.

Юра Сычев, г. Харьков

В этом споре прав ты, Юра.

Заменять слово «последний» словом «крайний» придумали люди, плохо владеющие русским языком, не понимающие его богатства. Они видят в этом слове только одно обидное значение — «последний человек», то есть самый плохой.

Но ведь эти же люди говорят: «последний день старого года» — и не считают, что это самый плохой день.

Можно привести тысячу примеров, когда слово «последний» не имеет никакого обидного смысла. Мы говорим:

«Он бежит из последних сил».

«Это мое последнее слово».

«Последнее лето я гостил у бабушки».

«Костюм сшит по последней моде».

«Он отдал последние деньги».

«Хорошие лыжники — Петров, Иванов и Чижов. Последний — лучше всех».

«На последней странице написано...»

И наиболее распространенное, наиболее обычное значение этого слова — находящийся в самом конце чего-либо.

Вот почему и спрашивают у стоящего в конце очереди: «Вы последний?»

Но, может быть, не ошибка говорить так и этак? Нет, потому что вопрос: «Кто крайний?» — бессмысленный, неточный. Ведь у очереди два конца. На одном конце стоит самый первый из ожидающих, на другом — последний, но оба они крайние. На вопрос «Кто крайний?» тебе и первый и последний в очереди могут ответить: «Я!»

Писатель Лев Успенский верно заметил, что очередь — все равно как поезд. И если бы какой-нибудь пассажир вздумал дать телеграмму: «Еду в крайнем вагоне»,— то встречающему пришлось бы разорваться на две части.

Н. Ломов

Слова и крики

Поймет ли русская ворона английскую?
Поймет ли волк тявканье собаки, а такса — овчарку?

Коля Воркуев, пос. Бережки, Московской области.

Отвечаем сразу: поймут! Если бы животные говорили на каких-либо языках, как говорят люди, то, наверное, английская ворона не могла бы понять русскую, потому что слова в языке английской вороны были бы другими, чем в языке русской. Но у животных не слова, а крики призыва, страха, боли, крики, дающие знать о пище, о приближении врага. У людей, кроме слов, тоже есть такие сигналы: плач, смех, вздох, возглас испуга, удивления, гнева.

Для примера разберем такой случай. Ты не знаешь норвежского языка и, если встретишься с норвежским пионером, не поймешь, что он говорит. Но вот норвежский пионер посмотрел на котенка, играющего бумажкой, и засмеялся. Тут ты поймешь, потому что смех не слова. Все люди смеются, когда смешно,— и русские, и норвежцы, и негры, и китайцы.

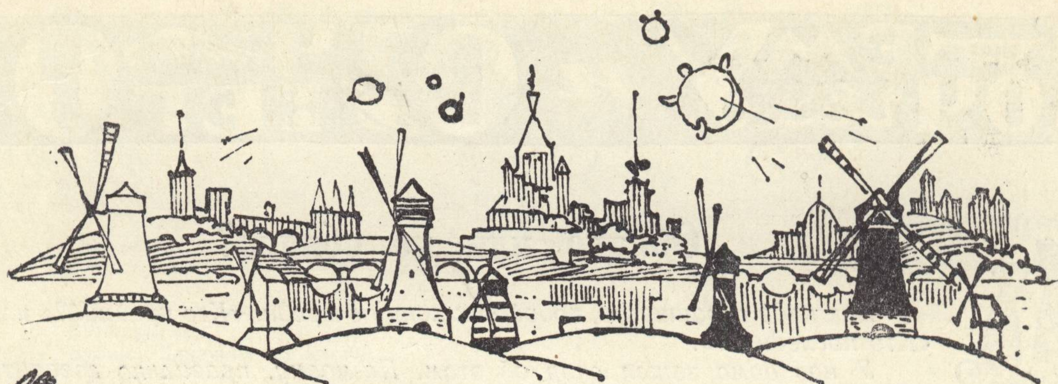
Теперь представь, что этот мальчик попрощался с тобой и ушел. Он уже завернул за угол, и вдруг ты услышал его отчаянный крик. Ты что сделаешь? Кинешься со всех ног на помощь, так как ты понял, что с твоим норвежским другом случилась какая-то беда. Но как же ты понял это? Ведь ты не знаешь норвежского языка! Да, не знаешь. Но мальчик кричал не по-норвежски. Крик боли или страха у всех людей одинаков и всем понятен.

У птиц и зверей нет слов, а есть только крики-сигналы.

Вот почему, если стая английских ворон услышит испуганный крик французской, или русской, или еще какой-нибудь вороны, вся стая в тревоге снимется с места и улетит. Испуганный крик вороны даже мы, люди, поймем, хотя мы не знаем «вороньего языка».

Французские ученые сделали такой опыт: они записали магнитофоном крики вороны в то время, как ее запихивали в мешок. А потом эту запись повторяли через проигрыватель с динамиком в местах ночевок ворон. И неизменно у ворон даже ночью начинался переполох. Они всей стаей улетали.

Е. Владимирова

МАКСИМ В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

(Окончание.)

Ю. САМСОНОВ

Рисунки В. Алфеевского.

Глава тридцать девятая
БОЙ НА СТОЛЕ. ПОЯВЛЯЕТСЯ ПОВАР ТУПТУП

По знаку Топуса полицейские в волшебном городке оцепили все улицы, выходящие на тюремную площадь. Двери тюрьмы раскрылись. Шестерка рогатых жуков выкатила на площадь барабан величиной со спичечную коробку. Важный маленький полицейский шел следом с барабанными палочками в руках. Он подкинул палочки, поймал их, выбил частую дробь:

— Мо-шенники, мошен-ники, мошен-ники идут,

Мя-тежников, мятеж-ников, мятеж-ников ведут!

Шеренги полицейских, сжимая в руках древки копий длиной в спичку, звякая мечами о медные пластинки щитов, шагали за барабанщиком. А позади них валила толпа Маленьких Человечков, безоружных, оборванных, замученных. Руки были связаны за спиной у всех, даже у женщин и детей. Человечки заполнили всю площадь. Барабанщик перестал барабанить, сунул палочки в карман, вынул свернутый в трубку лист бумаги с печаткой, развернул его и прочитал:

— «Правитель Топус, Великий Пузырь, Гроза Вселенной, приказал:

Беглых рабов и обманщиков, по прозвищу Маленькие Человечки, предать смерти всех от мала до велика на площади Волшебного Городка. Казнь поручена маленьким полицейским и назначена на сей день.

Указанным преступникам, беглым рабам и злодеям, в знак уважения к их храбрости и силе духа дозволено умереть в честном бою с полицейскими. Руки им приказано развязать, но оружия не выдавать».

Человечки выслушали указ молча. Полицейские по знаку Главного Тюремщика кинжалами разрезали веревки на тех, кто стоял с краю, потом развязанные освободили от веревок своих товарищей, и скоро все уже растирали затекшие руки. В толпе Человечков происходило движение: женщин и детей отводили в середину, мужчины окружили их плотным кольцом, повернувшись лицом в сторону врага.

Топус щелкнул пальцами. Это был последний сигнал. Маленькие полицейские, блеснув лезвиями мечей и остриями копий, с криком врезались в толпу осужденных. Они наступали с разных сторон, кровожадно вопили, кололи, резали... Но Человечки голыми руками хватались за мечи врагов, вырывали у них копья и тоже принимались резать и колоть, завладев оружием полицейских.

И тут все обратили внимание на странное поведение Туглута, ученика придворного портного. Этот дурачок с нелепым мычанием обрывал со своего костюма связки иголок и кидал их Человечкам. Те радостно кричали, хватали иголки и яростно кидались в битву. Короткие иглы служили им мечами, длинные — копьями. Они теперь были хорошо вооружены!

Туглута схватили за руки, хотели выбросить за дверь, но Топус вдруг засмеялся.

— Не троньте его,— сказал он.— Драка стала куда забавнее. А если полицейских перебьют, мы быстро найдем новых.

И он кинул на придворных такой взгляд, что многие ошалели, прочитав в нем близкую свою судьбу.

Потеха продолжалась.

Внезапно кто-то сильно постучал в дверь и крикнул:

— Откройте!.. Откройте!.. Во дворце неладно!

— Это повар Туптуп,— шепнула Еловая Шишка.— Он живет в одной комнате с Туглутом... Он догадался...

— Прячься! — пискнул Максиму Бульбуль.

Глава сороковая

СУМАТОХА В ЗАПОВЕДНОЙ ПЕЩЕРЕ

Максим и сам понимал, что надо прятаться. Но куда? Он незаметно отступил за спины придворных, прижался к стенке резного сундука.

— Впустите повара,— сказал Топус, вставая.

Максим еще плотнее прижался к стенке сундука. И вдруг с радостью почувствовал, что она начинает подаваться внутрь. Пузатый сундук был с секретом: крышка была фальшивой, а стенка оказалась потайной дверцей. Она беззвучно затворилась за Максимом в тот самый момент, когда открывалась дверь зала, впуская повара Туптупа.

Из своего убежища Максим ясно слышал тревожный гул голосов. Максим провел рукой по лбу и при этом заметил вдруг, что по рукаву скользнул лучик света. Откуда? Максим медленно повел рукой в пустоте. Лучик снова упал на рукав. Проследив его направление, Максим нашел отверстие в стене сундука. Сквозь него можно было очень удобно наблюдать за всем, что делалось в Заповедной Пещере, и подслушивать разговоры снаружи. Да, пузатый сундук хранил не один секрет!

Максим приник к щелке. Он увидел: Туптуп приближался, неся на руках спящего человека. Положил ношу к ногам Топуса.

— Во дворце два Туглута,— сказал он.— Вот этот и еще один где-то тут.

— Уберите этого дурака! — сказал Топус, начиная сердиться.— Клянусь моим сапогом, он будет...

Правителю не дали договорить. В открытую дверь ворвались стражники. Они повалились на колени. Заговорили разом:

— В колодце над Каменным Чудовищем кто-то обрезал лестницу... Погибло четверо Пузырей! Злодея мы не нашли, пощади!

— Мой дворец неприступен,— сказал Топус.— Но все это и вправду странно. Слухачи, усилить стражу! Надо позвать Нюхало, пустить его по следу. Допросите всех. Может быть, это мои придворные ходили в то проклятое место. Шушукались, составляли заговоры. Идите! — приказал он стражникам.— Нет, сначала выбросьте за дверь этих двух пьянчуг!

Он показал на Туптупа и на человека, которого тот принес.

Но Великий Тайный Шептун сделал шаг вперед.

— Пьянчуги пусть останутся здесь,— сказал он и шепнул что-то на ухо Топусу.

Тот нахмурился, кивнул. Стражники вышли.

Глава сорок первая

СОБИРАЮТСЯ ТУЧИ

А Тайный Шептун продолжал шептать, и тишина в Заповедной Пещере наступила такая, что в ней казался громким даже шум сражения на тюремной площади в Волшебном Городке.

Наконец Топус качнул головой.

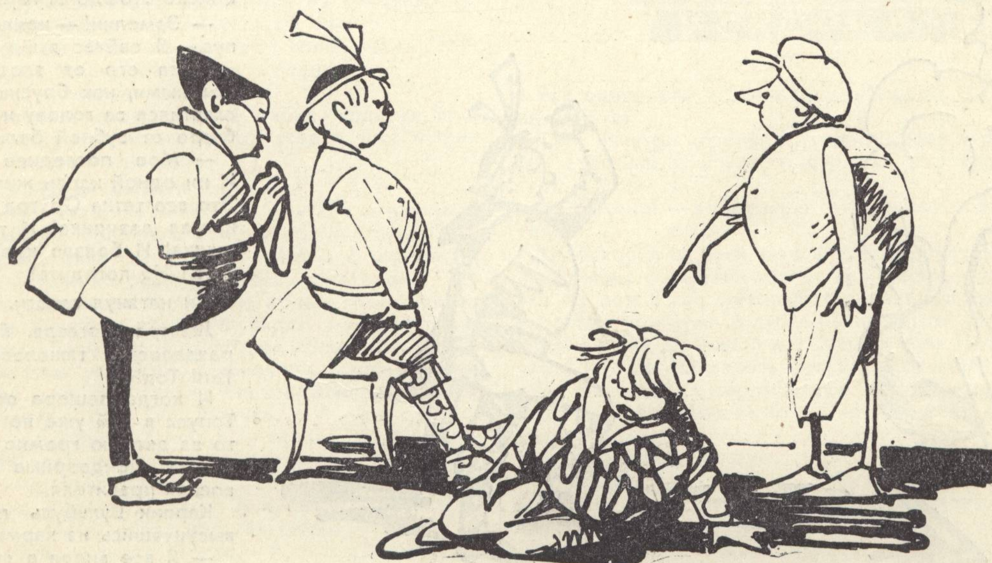
— Так,— сказал он.— Я понял. Глухонемой Туглут паясничал у всех на глазах в Заповедной Пещере, бросал иголки в Волшебный Городок, а другой Туглут, мертвецки пьяный, спал в своей каморке или ссорился с Туптупом. Или, вернее, один и тот же Туглут был в одно время и здесь и там. Клянусь сапогом, Великий Шептун, я заставлю тебя доказать, что ты мудр: скажи, который Туглут поддельный и где настоящий?

Шептун нерешительно сказал:

— Поддельный лежит у твоих ног: по-моему, он притворяется.

— Мой милый,— ответил ядовито Топус,— посмотри-ка на этих людей... Видишь ты среди них второго Туглута? Клянусь моим сапогом, я не знаю, когда он успел сбежать. Вижу, у моих слуг нет ни глаз, ни ушей, а в голове баранья похлебка.

— Дурачок все вертелся около зеркала! — раз-

дался чей-то голос. Максим увидел говорившего. Это был тот Пузырь, который стерег зеркало.

Произошло замешательство: с головы Топуса внезапно свалилась шапочка. Мягкие редкие волосы у него надо лбом будто пошевелил ветер: так резко обернулся правитель к своим придворным.

— Вон! — приказал Топус и добавил: — Если не найдете....

Он указал на тюремную площадь игрушечного городка, где заканчивалось сражение, о котором все позабыли. Слуга с покрывалом принял этот жест за приказание, адресованное ему, ловко набросил покрывало на стол и удалился вслед за придворными, среди которых была и Еловая Шишка.

Глава сорок вторая
ТАЙНЫ ТОПУСА

В зале оставались четверо: спрятанные в сундуке Максим и Бульбуль, Пузырь, стерегущий зеркало, и толстый мальчишка Топус — Гроза Вселенной. Топус поманил Пузыря пальцем.

— Пропустил мальчишку?

— Но я ведь стерег зеркало!

— Вот именно, зеркало! Ты знаешь, какое это зеркало? Ты что-нибудь слышал о нем?

Пузырь опустил голову. Он молчал.

— Может, ты не виноват,— сказал Топус.— И может быть, ты вправду ничего не знаешь. Но на всякий случай лопни!

Он топнул красным вышитым сапожищем — и Пузырь превратился в тонкую струйку пара.

Топус воровато огляделся. Сбросил тяжелые сапоги, босиком подбежал к двери, прижал ухо к замочной скважине, с натугой задвинул засов. Облегченно вздохнул. Еще раз обшарил глазами всю Заповедную Пещеру. И направился прямо к сундуку.

Максим подумал, что Топус хочет забраться в сундук, и приготовился к драке. Но тот даже не притронулся к дверце. Он только взял один из двух кувшинов, которые стояли на сундуке, и понес к зеркалу. Плеснул на стекло прозрачной жидкостью из кувшина. Но руки у него дрожали. Кувшин упал и разбился вдребезги. Топус испуганно взвизгнул.

— Плохая примета! — прошептал он и шагнул к зеркалу.

Максим ясно видел Топуса и его отражение в зеркале. И вдруг Топус сделал еще шаг и... исчез. Осталось только отражение. Оно шло по отраженной в зеркале комнате к отраженному сундуку. Отраженный Топус открыл сундук и достал оттуда палку дяди Кнопа. Максим опять услышал его голос:

— Ее не украли! Она здесь!

Он положил палку на прежнее место, снял с отраженного сундука оставшийся кувшин, вышел из зеркала и поставил этот кувшин на место разбитого. Теперь на сундуке снова стояло два кувшина, а в зеркале не отражалось ни одного. Максим услышал, как Топус бормотал:

— В конце концов с этой палкой я смогу сам превратиться в Маленького Человечка и спрячусь в случае чего в любую щель.

В это время раздался стук.

Глава сорок третья
ПОСЛЕДНИЙ ШАГ БОРЬБЫ

Топус обернулся.

— Кто стучит?! — крикнул он.

Великий Шептун ответил из-за двери:

— Дурные вести, Гроза Вселенной! Летучие Толстяки взяты в плен. Мертвая вода на улицах испарилась. Горожане добрались до Оружейной мастерской, они осыпали войско тысячами стрел. Войско отошло от города, оно...

— Замолчи! — крикнул Топус.— Я сейчас выйду к тебе!

Глаза его от злости стали красными, как брусничины. Он схватился за голову и застонал, будто от зубной боли.

— Мое последнее войско! И ни одной капли живой воды! Это все тетка Орутра и та проклятая девчонка! И тот мальчишка! И болван карлик Бульбуль! Но погодите!

Он натянул сапоги.

Люстра погасла. В темноте раздалось тяжелое: «Топ! Топ! Топ!»

И когда пещера осветилась, Топуса в ней уже не было, зато за дверью громко загудели голоса: придворные приветствовали правителя.

Карлик Бульбуль пропищал, высунувшись из кармана:

— Я все видел в свои очки! Пойдем украдем палку!

Максим вылез из сундука. Карлик выпрыгнул на пол, полюбовался на свое отражение в зеркале и поторопил Максима:

— Скорее!

— Нет,— сказал Максим.— Ты один пойдешь туда и возьмешь палку. А я попробую их тут задержать, чтобы они тебе не помешали. Я не подпущу их к зеркалу.

— Но как же я...— начал было Бульбуль, однако Максим его уже не слышал.

Он снова влезал в сундук. И стоило поспешить: из-за двери ясно слышался громкий голос Топуса:

— Он здесь! Мальчишка здесь!

Карлик поспешно юркнул в зеркало.

Максим сквозь щелку увидел, как в пещеру снова ввалилась толпа придворных. Впереди шел необычайно безобразный Пузырь с огромным носом. Нос у него был только чуть-чуть поменьше головы. Это был знаменитый сыщик-следопыт Нюхало. Он шел по следу Максима, согнувшись пополам, чтобы не потерять и крупицы запаха. Вот он остановился, потоптался на месте, сделал еще шажок, опять остановился и пошел снова петлять, в точности повторяя весь путь, который проделал Максим, шатаясь по пещере и изображая зеваку Туглута. На это требовалось немало времени, и Максим надеялся, что карлик успеет сделать все, что от него требуется.

За Нюхалом шла дюжина стражников с оружием наготове. Частые остановки вызывали у них досаду.

— Нельзя ли побыстрее? — спросил один.

Нюхало презрительно фыркнул и стал распутывать следы около зеркала. Если бы он поднял голову, он увидел бы в зеркале карлика Бульбуля. Тот совсем позабыл об осторожности: стоял на виду и подавал Максиму отчаянные сигналы. Оказывается, он не смог открыть сундук. Этого Максим не предвидел и помочь карлику теперь уже не мог: Нюхало направился прямо к сундуку.

— Тьфу, какой же я дурак! — выругал себя Максим. Ему пришел в голову самый простой способ помочь карлику. Он открыл потайную дверцу сундука — и дверца сундука, отраженного в зеркале, тоже отворилась. Карлик кинулся туда и вытащил палку дяди Кнопа.

Максим увидел это и выпрыгнул из сундука.

Нюхало от испуга опрокинулся на спину.

— Но это не он! — послышался голос тетки Орутры, которая только что вошла в пещеру.

— Это я! — сказал Максим.

Он сорвал с головы рыжий парик, сбросил лоскутную куртку и красный жилет, стер с носа и щек краску. Придворные ахнули.

— Взять его! — крикнул Топус.

Стражники схватили Максима, опутали его веревками и цепями, положили к ногам статуи воина. Около зеркала стояли две такие статуи с длинными копьями, острия которых упирались в потолок.

Пузыри отхлынули. И Максим краем глаза увидел в зеркале карлика, который сидел на корточках возле волшебной палки и плакал горючими слезами: он не смог отвинтить наконечник. Максим глазами указал ему, где стояла Еловая Шишка. Карлик, плача, кивнул и стал съеживаться...

— А ну-ка, Великий Шептун! — сказал Топус.— Скажи-ка, кто здесь самый веселый шутник?

— Ты,— ответил Шептун.

— Верно,— сказал Топус.— А почему?

— Тебя некому наказывать за шутки.

— Молодец,— сказал Топус.— А хороши мои шутки?

— Они неповторимы! — сказал Великий Шептун.

— Угадал,— сказал Топус,— скоро вы увидите шутку, которую нелегко будет повторить, клянусь моим сапогом! Ну-ка, снимите покрывало со стола!

Топус щелкнул пальцами. Еле слышный крик ужаса пронесся над игрушечным городком, на стенах которого толпились Маленькие Человечки. Придворные захлопали в ладоши. Все глядели на потолок. Максим глянул туда и увидел: сверкающее острие копья в каменной руке клонится вниз... Статуя воина занесла копье над связанным Максимом и, казалось, готова была пригвоздить его к полу. Тем временем карлик проскочил под ногами увлеченных зрелищем придворных и подбежал к Еловой Шишке. Копье медленно приближалось. Все затаили дыхание. Максим закрыл глаза и, наверное, поэтому не заметил, как Еловая Шишка пробралась к зеркалу за спиной второй статуи воина, как она проскользнула в отраженную комнату... Топус снова щелкнул пальцами.

— Довольно,— сказал правитель.— Приготовьтесь увидеть еще одну шутку, получше: этот мальчишка у вас на глазах станет Маленьким Человечком и вместе со всеми остальными умрет на Маленькой Виселице!

Пузыри радостно захохотали.

— Пусть никто не двигается с места,— сказал Топус.

Огни погасли. «Топ, топ, топ!» — раздалось в темноте. Это Топус отправился в зеркало за палкой дяди Кнопа. И вдруг... «А-ай!» — испуганно, жалобно вскрикнул кто-то. Нелегко было узнать этот голос, но все же... У привычных ко всему придворных волосы стали дыбом, потому что это кричал Топус, Великий Пузырь.

В темноте рухнуло на пол тяжелое тело. А потом под ногами у всех дрогнули каменные плиты пола; короткий томительный звук удара металла о металл пронесся по Подземному дворцу. Это в отдаленной пещере проснулся спящий великан, он ударил в колокол в неурочное время.

Глава сорок четвертая
ВОЛШЕБНАЯ ИСКОРКА

Все оцепенело в Заповедной Пещере. Ни шелеста, ни шороха.

Свет изнутри наполнил граненый овал зеркала. Тихие отблески упали на ковер, где корчился правитель.

— Ко мне! — закричал он.— Помогите! Эх, предатели!

Он вскочил на ноги, бросился к зеркалу, но каменные воины скрестили перед ним копья, отшвырнули его на пол. Свет, который струился из зеркала, из зеленоватого стал голубоватым, потом голубовато-серебряным; он наполнил Заповедную Пещеру так, что в ней не оставалось больше неосвещенных уголков. И тогда из светящегося овала вышла Еловая Шишка. Волшебная Искорка нестерпимо сияла в ее руках.

Бульбуль прыгал рядышком.

Луч света скользнул по лицу Максима — и веревки с него упали, колечки цепей рассыпались. Он был свободен.

А за стенами пещеры нарастал громкий гул. Бронзовая дверь гудела от ударов.

— Правитель! — звал чей-то голос.— Горожане пришли с войском! Дворец окружен! Выйди, скажи, что делать!

— Что делать?! — воскликнул Топус.— Клянусь моим сапогом, я еще знаю, что делать! За мной, мои бараны, за мной, пока их мало, пока они не закрыли нам путь! Я проведу вас: они не знают, как обращаться с Волшебной Искоркой, иначе мы все уже были бы мертвы! За мной, мы будем править в другом месте!

Придворные на миг заколебались. Максим загородил собой Еловую Шишку и крикнул ей:

— Свети на стол!

Луч уперся в Волшебный Городок на столе. И все увидели, что стены, домики, башни, заросли шиповника вдруг пропали, будто их сдул ветер. Стол затрещал, ножки его подломились, вмиг выросла на нем вихрящаяся темная масса — целый смерч человеческих тел. Рухнул стол под ногами внезапно возникшей толпы людей, одетых в лохмотья. Это были Маленькие Человечки; только волшебный луч вернул им настоящий рост и прежний облик. Они кинулись на придворных.

Отблески пожаров и костров освещали Заповедную Пещеру через пробитый потолок. Бой продолжался. Дверь загудела, как колокол: горожане проникли во дворец через главный вход, это они ломали дверь. Она рухнула. Первым в пещеру ворвался Рыжебородый с мечом и факелом.

— Где Топус? — закричал он.— Дайте сюда Великого Пузыря!

— Топус здесь! — ответил Максим.

В схватке, которая затеялась рядом, он увидел огромный сапог, подбитый золотой подковкой. Потом из груды борющихся тел показался второй такой же сапог, и Топус вскочил на ноги. Боднув Максима головой, так что тот отлетел в сторону, он юркнул в зеркало.

Максим кинулся вслед за правителем по отраженной пещере. Топус пролез в потайную дверь в отраженном сундуке и скрылся. Максим тоже влез в сундук и увидел уходящую вниз лестницу. Топуса на ней не было, но далеко впереди раздавалось громкое, быстрое:

«Топ, топ, топ! Топ, топ, топ!»

Впереди на лестничной площадке горел фонарь. Топот умолк, и Максим замедлил шаги, ожидая подвоха. Он оглянулся. Почему-то никто не спешил ему на помощь. Вдруг он понял, что остался один на один с сильным и злым противником. Но это его не испугало. Нельзя дать Топусу уйти, надо задержать его, пока не подоспеют горожане.

Максим сбросил ботинки и бесшумно помчался вниз. Из-за поворота выглянула голова правителя.

— Ага! — воскликнул Великий Пузырь.— Один мальчишка! Я так и думал.

Он встал под фонарем, растопырил руки. Максим стремительно понесся к нему, потом вдруг согнулся пополам и с разлету ударил головой в мягкий живот Великого Пузыря. Правитель повалился, хрипя и пуча глаза. Максим рванул на нем куртку, нащупал спрятанный там нож. Теперь он был вооружен. Надо было связать Топуса. Максим достал из кармана обрывок веревки.

Ему помешал удар внезапного землетрясения. Максима подбросило вверх, швырнуло на ступеньки.

— Зеркало! — взвыл Топус.— Зеркало!

Он был прав. Если бы Максим смог сейчас очутиться в Заповедной Пещере, он увидел бы, что Рыжебородый, пытаясь вломиться в зеркало, разбежался и с разлету попал плечом в раму.

— Дзинь!

Погас фонарь на площадке, пропала сама площадка, лестница, камни загрохотали вокруг, и Максим почувствовал, что он летит вниз, в гулкую бездну.

— Бульбуль! Эй, кто-нибудь! Бульбуль!

Гулом отвечают стены.

Не слышно ничего, кроме журчания воды. В кромешном мраке несется подземный поток. Но есть же где-нибудь берег?!

Максим доплыл до отвесной каменной стены. Это и был берег. Не за что зацепиться! Максим перевернулся на спину. Если ему удастся спастись, он долго не захочет плавать. Если удастся... Он опять перевернулся на живот, саженками поплыл к другому берегу. Опять стена. Вспыхнули разноцветные круги перед глазами. Ногу стала сводить судорога.

— Домой! — шептал Максим.— Скорее домой...

Его закружил водоворот. В голове опять помутилось, поплыли перед глазами круги. Будто в полусне,

Максим ощутил вдруг, что его лица коснулось что-то холодное. Руки схватились за железную цепь, свисающую сверху. Держась за нее, Максим смог немного отдохнуть. Он даже не в силах был обрадоваться тому, что наверху маячил неясный четырехугольник света. Из темноты на него надвигался какой-то большой круглый предмет, поэтому Максим принялся карабкаться вверх по цепи. «Удержусь,— говорил он себе.— Не соскользну!» Каждое движение стоило огромного труда.

Вокруг было четыре тесных стены обыкновенного колодезного сруба. Они обросли плесенью. На зеленые пятна плесени, на пахнущие сыростью бревна ложились рыжие солнечные блики.

Внезапно цепь натянулась, как струна. Максим не понял, отчего это. Но карабкаться стало легче. Он добрался до самого верха, охватил руками колодезный ворот, перекинул ноги на край колодца. Последнее усилие, на которое с болью отозвался каждый мускул,— и он очутился на твердой земле, повалился на нее, зажмурил глаза. А когда открыл их, увидел прозрачное осеннее небо над головой, облетающие желтые яблони возле колодца и скамеечку, изрезанную перочинным ножом. Он был на своем огороде, где все и началось.

И еще кое-что он увидел. Опущенная в колодец цепь продолжала раскачиваться. Ворот скрипел от тяжелых рывков снизу.

Из колодца показалась толстая рука. Она ухватилась за колодезный ворот. Другая рука вцепилась в край колодца. И вылез оттуда весь мокрый, дрожащий Топус. Он тоже повалился наземь, а открыв глаза, увидел и облака, и яблони, и сидящего рядом Максима.

— Клянусь сапогом,— проворчал Топус,— это опять тот мальчишка!

Он махнул рукой, поднялся и, пошатываясь, побрел к калитке.

* * *

Вот и вся история.

Если не верите... Впрочем, об этом я уже говорил в начале книги.

С тех пор, как все это приключилось, прошло не так уж много времени и мало что переменилось. Только Максиму теперь уже хочется стать не только космическим путешественником и капитаном футбольной команды. Он хочет стать еще изобретателем.

Максим изобретает автомобиль на вечном солнечном двигателе. Управлять им не надо, на нем даже и руля нет. Садишься, говоришь, куда ехать, а уж машина сама доберется. А зазевался пешеход — машина остановится и рявкнет:

— Соблюдайте правила уличного движения!

Машин таких будут выпускать очень много. Автоинспекторы, наверное, отнесутся к ним по-разному. Одни заворчат, что некого стало привлекать к ответственности, другие обрадуются, что нет больше уличных происшествий, третьи станут гадать, когда Максим изобретет автоматического автоинспектора.

Но он займется этим не скоро. Он сначала изобретет маленький самоуправляемый самолет, настолько безопасный и надежный, что даже шестилетний мальчишка сможет летать на нем совершенно самостоятельно, и родители не будут беспокоиться. Сядешь в такой самолет, скажешь в трубку адрес — и лети.

О Стране Приключений мы с ним давно уже не разговаривали. Но я знаю, что еловая шишка, принесенная оттуда, всегда лежит у него на столе. И слыхал я, что иногда в жаркий полуденный час Максим выходит на огород, садится на скамеечку и время от времени бросает в колодец комки земли, потом слушает, не скажет ли вода: «Бульбуль!» Но возможно, что это выдумка. Ручаться трудно.

Теперь надо, наверное, рассказать и о Топусе. Я про него чуть не забыл.

Топус так и остался жить в нашем городе у тетки Тимофеихи, которая неведомо как вернулась из Страны Приключений. Куда же ей еще было деваться? Кстати, когда мы разглядели Топуса поближе, он оказался не таким уж мальчишкой. Ему, говорят, лет семнадцать или даже восемнадцать. Самое время идти работать. И он в конце концов понял, что без работы не проживешь.

Сейчас Топус работает дворником на стадионе, а в дни больших матчей помогает контролерам проверять билеты. Его ценят за громкий голос. Часто, уже сидя на трибуне, мы с Максимом слышим издали сквозь буйный рев болельщиков:

— Граждане! Не толкайтесь! Проходите в порядке очереди!

ВСТРЕЧА С ЛЯГУШКОЙ

А. В. ДОРОХОВ

Рисунки В. Трофимова.

Я спустился с крутой железнодорожной насыпи и пошел лугом. За высоким голубым мостом блестела река Воря. Палило солнце. Я шел медленно, о чем-то размышляя. Случайно взглянул под ноги и остановился: у самого носка моего ботинка замерла большая зеленоватая лягушка. Боясь раздавить ее, я отвел ногу.

— Какая противная! Скользкая, бугристая...

Лягушка не шевелилась. Она походила на жестяную игрушку с еще не высохшей краской.

Я стоял, а лягушка сидела на том же месте без движения. Меня это удивило. Ведь на берегу реки или озера лягушки, почуяв опасность, со всех ног бросаются в воду.

Я отошел в сторону, присел на корточки и стал наблюдать за лягушкой. Она подобрала под себя длинные задние ноги с большими коготками, высоко вытянула свою мешковатую шею. Ее беззубый рот был плотно сжат. Правый глаз блестел черной смородинкой, а левый, освещенный солнцем, казался совсем рыжим. Она ни разу не моргнула, не шевельнулась.

У меня заныли ноги. Я встал, походил вокруг, лягушка сидела все в той же позе.

Какая выдержка! Я решил еще раз испытать странное животное: закричал, засвистел — лягушка не сдвинулась ни на миллиметр...

Теперь она казалась мне даже красивой... Мне захотелось взять ее в руки и отнести к воде. Я дотронулся до нее — лягушка не подавала признаков жизни.

Тогда я поспешил уйти. Отойдя довольно далеко, не выдержал, вернулся и снова увидел отважную обитательницу болот. Она большими прыжками спешила к воде.

СОВЯТА

— Лес горит! — пронеслось по деревне. Ослепительный огненный вихрь разом осветил небо над темным, ночным лесом, деревню, телевизионные антенны на крышах.

Тревожно мычали коровы, кричали петухи. Спотыкаясь, гремя ведрами, к лесу бежали люди...

— А вы чего стоите? Айда в лес! — крикнул деревенский заводила Гришка.

Забыв про запреты родителей, ребята побежали за околицу.

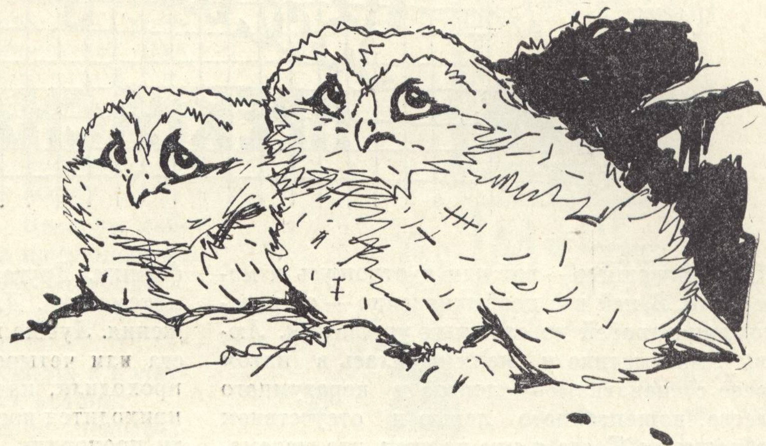
В лесу было светло, как днем. Люди торопливо копали землю, чтобы отрезать путь огню.

У высокой осины толпились мальчишки. На самой ее вершине чернело в стволе дупло. Большая сова, ослепленная огнем, испуганно металась над своим гнездом и громко кричала. Языки пламени лизали зеленую траву и быстро приближались к осине.

Гришка сбросил ботинки и, упираясь босыми ногами в шершавую кору, стал карабкаться на дерево. Порой его обволакивал дым, и у ребят замирало сердце:

— Сорвется!

С трудом добрался Гришка до нижних веток. Он протянул руку, но не дотянулся до ветки. А пламя подбиралось все ближе к осине. Еще рывок — и он ухватился за толстый сук! Ребята молча смотрели вверх.

— Молодец, Гришка! — закричали ребята.

И вдруг смолкли. Обессиленный Гриша три раза пытался взобраться на сук. Вот он закинул ногу... У меня даже в горле пересохло.

— Упадет! — прошептал кто-то.

После небольшой передышки Гришка рывком забросил вторую ногу на сук, на мгновение повис вниз головой...

Еще рывок — и Гриша рядом с дуплом. Вот он бережно вынимает одного за другим совят и кладет за пазуху...

На другой день, когда пожар утих, ребята снова пошли в лес. Впереди — Гриша с лукошком, в котором сидели пушистые совята. Ребята подошли к окопанной со всех сторон осине. Гриша снова взобрался на нее и бережно положил большеглазых птенцов в гнездо.

ПЛОТ

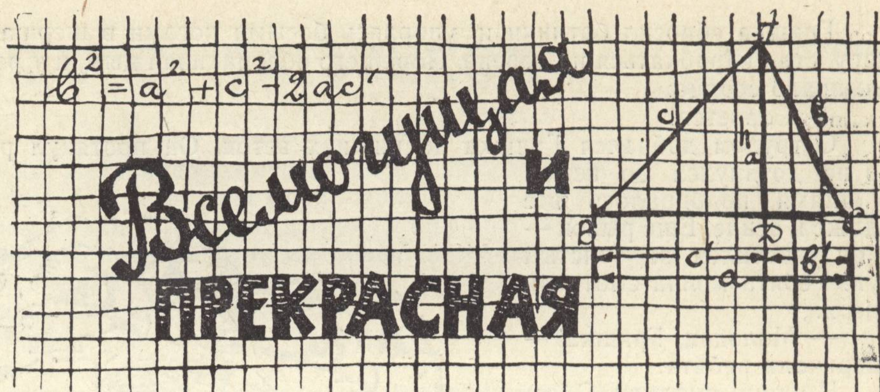
Т. БЕЛОЗЕРОВ

**Плот
Идет
Неторопливо
По сверкающей реке,
Села, старицы, заливы
Проплывают вдалеке.
Он минует перекаты,
Огибает островки.
— Плот идет! —
Кричат ребята
И плывут вперегонки.
Забираются на бревна
И глядят на облака.**

**Плот покачивает ровно
Полноводная река.
Ярче,
Жарче
Солнце светит,
Нагреваются стволы.
По воде разносит ветер
Запах хвои и смолы.
Бревна трутся друг о друга,
Воду месят в глубине...
Лес плывет, спеленат туго,
Строевой —
Сосна к сосне!**

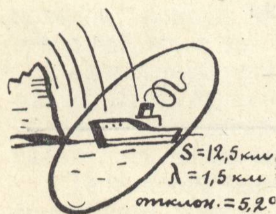
Ю. КАЛИНИН,

кандидат физико-математических наук

С восхищением — вот как я отношусь к математике. В ней все необыкновенно — от перемножения дробей до сложных уравнений. Любовь к математике у меня началась в пятом классе с ненависти — слепого и неразумного чувства, нашептанного ленью и отсутствием воображения. Тогда я еще не знал, что математика займет такое большое место в моей жизни.

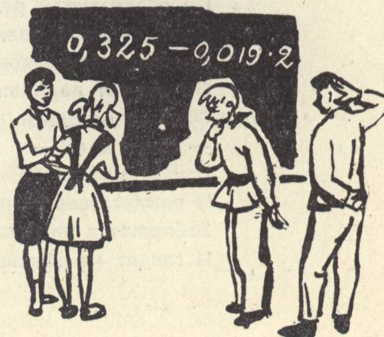
Моя профессия — физика. Специализация — радиоволны. Язык работы — формулы. Результаты — цифры. Например: «В 12,5 километрах от берега радиоволны длиной 1,5 километра отклоняются в сторону от направления своего распространения на 5,2 градуса...» Берегитесь, корабли, идущие в тумане на зов радиостанции. Вы можете отклониться от курса и сесть на камни, как это было во время войны с двумя тральщиками на Северном море.

Путь к цифрам — долгие расчеты, сначала на буквах, потом на числах. Расчеты ведутся по правилам, по формулам. Формул очень много. Ими и пояснениями к ним исписаны толстые книги. У меня на работе есть шкаф, набитый справочниками и учебниками. Здесь подлинная дружба народов: американцы и русские, немцы и англичане. Все помогают друг другу. Возглавляют шеренгу томов полные скромного достоинства учебники Киселева по алгебре и геометрии. Однако больше всего мне нравится маленький зеленый справочник по математике для инженеров. И хотя каждый раз перед тем, как начать работу с книгами, моешь руки, от частого употребления края страниц стираются и чернеют. Если посмотреть сбоку, то на затертых страничках видны серые полоски. На моем справочнике их две. Одна там, где интегралы. Это не удивительно: интегралы — цемент физики. Другая полоса — там, где школьная математика. Для физика — это таблица умножения. Лучше всего знать ее наизусть. Все триста или четыреста теорем и формул, которые проходили, начиная с пятого класса. Вот и приходится время от времени освежать в памяти пропорции, логарифмы, треугольники и биномы.

Вспоминается недавний случай. Несколько лет назад известный советский радиофизик профессор В. получил решение очень интересной задачи в виде длинного неудобного многочлена. А совсем недавно другой исследователь получил простое решение той же самой задачи. Когда профессор узнал об этом новом решении, он увидел, что это — сокращенное выражение его длинного решения. Конечно, профессор хорошо знал все разделы математики, и все-таки он не заметил, что его многочлен представляет собой длинное разложение простой формулы. Он был очень расстроен и жаловался мне, что это произошло из-за школьной неприязни к многочленам.

Впрочем, физики, может быть, и главные, но совсем не единственные «потребители» математики. Однажды в экспедиции пилот вертолета рассказал нам о соревновании штурманов: кто быстрее проложит курс реактивного самолета. Победителем оказался штурман Шагина, виртуозно перемножавшая десятичные дроби. Как

обидно было терять призовые места даже не из-за ошибок, а просто из-за того, что лишних пять секунд продумал над тем, где поставить запятую в произведении! За пять секунд самолет пролетел больше километра. Ошибка курса. Прощай, первое место!

Мне пришлось консультировать по математике двух молодых рабочих парнишек. Они задумали рассчитать более экономичный режим работы мотора своего станка. Им вполне хватило бы знаний по математике, полученных в школе, которую они недавно окончили. Но они плохо знали эту школьную науку.

Школа многому учит ребят. Недаром сейчас мы стремимся, чтобы ребята применяли на практике школьные знания. Чтобы пользоваться умело техникой завтрашнего дня, нужно всем знать и школьную математику.

На заводе, в колхозе, на транспорте и в шахтах не обойдешься без школьных знаний.

Я очень люблю математику за ее непосредственную, каждодневную пользу. Но дело не только в этом. Математика учит нас организованно думать, находить кратчайшие пути решения проблем. Математикам всегда кажется, что они решают слишком громоздко, пользуются слишком длинными формулами. И они ищут и находят более короткие пути. Во время этих поисков часто рождаются новые открытия.

Творец теории относительности А. Эйнштейн в детстве часто слышал шутку: «Алгебра — это арифметика для лентяев». Но разве назовешь лентяем человека, который не хочет учить правила сложения, умножения, возведения в степень отдельно для километров и килограммов, для единиц и миллионов, который учит эти правила на буквах, чтобы вместо букв подставлять любые величины? Алгебра научила А. Эйнштейна экономно мыслить. И созданная им теория относительности, вся умещающаяся в нескольких строчках уравнений, представляет собой редкую концентрацию знаний, мыслей, предсказаний неизвестного. И увеличение массы тела при полетах с околосветовыми скоростями, и замедление времени на межзвездном корабле, и отклонение светового луча, проходящего мимо звезды под действием ее притяжения,— все эти явления и множество других открыла теория относительности с помощью математики. Многие из этих явлений потом были обнаружены на опыте.

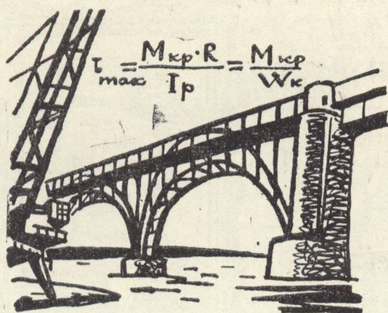
Всемогущая математика!

С помощью расчетов ученый Леверье открыл новую планету. Известно было, что в движении планеты Уран есть неправильности, как бы нарушающие законы физики. А не влияет ли на Уран масса какой-то неизвестной планеты? Такой вопрос поставил перед собой математик Леверье. И начал вычисления. Если это влияние незнакомой планеты, то оно таково, что в определенный момент времени эта незнакомка должна быть в определенной точке неба. Там ее и обнаружили и назвали новую планету Нептуном. Это было почти век назад.

А вот еще один пример. На Тянь-Шане есть остроконечная вершина Хан-Тенгри. Долгое время считалось, что она самая высокая точка Тянь-Шаня. Даже топографы, которые производили геодезическую съемку района Хан-Тенгри, не заметили, что рядом есть более высокие горы. Только математические расчеты, произведенные топографами после съемки, показали, что у соседнего хребта есть более высокая точка. Здесь был обман зрения. Одинокий Хан-Тенгри казался глазу выше, чем ровная стена соседнего хребта. А между тем она почти на полкилометра выше старика Хан-Тенгри. Так открыли, что пик Победы — вторая по высоте вершина Советского Союза.

А сегодняшний день с траекториями спутников и космических ракет! Вдумайтесь только в газетные строчки: «Траектория ракеты близка к рассчитанной». Значит, ученые заранее знали, куда и как полетит

космическая ракета. У них были умные помощники — математические машины, которые освободили людей от бремени тяжелых цифровых вычислений. А вычисления на буквах? Их делает человек.

Впрочем, всемогущества математики, пожалуй, никто и не оспаривает. Но не все знают, о чем идет речь, когда говорят о красоте математики. А эта красота во всем: и в необозримости тех проблем, которые решаются математикой, и в тонкости ее методов.

Гордые очертания «ТУ-104», ажурные башни телецентров, благородная форма кораблей. музыкальные ритмы турбин и моторов — все это появилось на свет сначала в виде красивых математических формул.

Но красота математики особенная. Красоту поэзии чужого языка можно узнать и по переводам. Язык математики непереводим. Красоту математики можно постичь, только изучив ее язык. Это очень длинный путь. Но как велика радость математического творчества! Тогда-то и вспоминаешь с благодарностью математику школьную. Она подобна трудным и порой скучным предгорьям, преграждающим путь тому, кто восходит к светлой и гордой вершине человеческого знания.

Смотри, чтобы предгорья не заслонили тебе вершину, сумей преодолеть их!

СЕНТЯБРЬСКИЕ *приметы*

Геннадий ШМАНЬ
Рисунки В. Гальдяева.

Ощетинясь,
Жнивье
Осень встретило раннюю,
По нему босиком не протопать никак.
А на яблоньке дикой,
Как знак препинания,
Запятою набухшей свернулся слизняк.
На ветвях,
Потемневших от первого холода,
Паучок натянул телефонную нить
И хлопочет, хлопочет у тонкого провода,
Собирается, видимо, всех обзвонить.
Дескать, тучи над лесом нависли аркадою,
Дескать, слышен у школы ребячий поток,
Календарь,
Побежденный сентябрьской прохладою,
Уронил августовский последний листок.
Паучок извещает,
Донельзя взволнованный,
Что слышны еле-еле зимы голоса,
Что в косую линейку дождем разлинованы,
Наподобие школьной доски, небеса.

Перевел с белорусского С. Сорин.

ВЕРИТ НАРОД: ВРЕМЯ ПРИДЕТ— И ГЕРОЕМ СТАНЕТ ПИОНЕР!

Вражеский снаряд угодил в мотор торпедного катера. Струи кипящей воды и масла вырвались из пробоины. С минуты на минуту мотор взорвется. И тогда катеру смерть. Что делать?

Юнга Саша Ковалев, бросившись к мотору, зажал пробоину своим телом...

Ты мечтаешь о подвиге.

Так вот он, учебник подвига,— история десятков героев, каждому из которых, как тебе сейчас, не больше четырнадцати лет.

Скупо, всего по нескольку страничек, рассказано в книге **«Дети-герои»** о каждом, и то лишь о само́м подвиге, без длинных предысторий и всяких там описаний. Почему же тогда чувствуешь и видишь героя, будто знал его с малых лет? Ответ прост: подвиг озаряет всю жизнь человека. Всю жизнь, что прошла до того. И не надо рассказывать, как он относился к товарищам, как любил свою деревню, каким хотел быть,— все сказалось в минуту подвига.

Да, подвиг иной раз — это мгновение. Но к нему готовишься всю жизнь.

У настоящих, невыдуманных героев этой книги она часто была коротка. Коротка, но прекрасна!

— Кто этот счастливый мальчик, отдавший жизнь за свободу? — спросил наш друг, американский журналист Джон Рид, когда у Кремлевской стены хоронили юного героя Октября. И, услышав историю замоскворецкого подростка Павлика Андреева, он сказал:

— Хотел бы я умереть вот так же и лежать рядом с ним. Нет лучше жизни, проведенной в борьбе за счастье людей, нет лучше смерти, чем смерть в бою за свободу!

Читать о подвигах спокойно нельзя. И кажется, что это ты сам идешь против озверелых кулаков и церковников, сам открыто и смело бросаешь им в лицо: «Не запугаете!» — и, встречая смерть, разоблачаешь их. Как Павлик Морозов, Коля Мяготин, Кычан Джакыпов...

И кажется, что это тебя командир партизан посылает в разведку и ты идешь в занятое фашистами село и спасаешь людей, которых завтра поведут на казнь; или лежишь и ждешь, ждешь, когда раздастся оглушительный взрыв и взлетит на воздух вражеский эшелон; а попав в плен, отвечаешь только: «Нет. Не скажу. Не знаю». Как Валя Котик, Валя Ковтун, Лара Михеенко...

И кажется, что это ты сам бросаешься в бешеные волны, чтобы спасти тонущих ребят, или выносишь из пожара, когда уже вот-вот обвалится крыша, пионерское знамя,— и нет у тебя страха. Как у Тофика Гусейнова, Володи Кудышева, Андрея Шельдышева...

Кажется...

Но случись это с тобой, ты — не сомневаюсь — повел бы себя так же смело, как они. Помнишь слова своей песни:

Верит народ:
Время придет —
И героем станет пионер!

Вл. Глоцер

ЛЮДИ В КРАСНЫХ ГАЛСТУКАХ

Ю. НОВИКОВА

Городской, приезжий паренек стоит на крыльце хаты. Со всех сторон обступили его босоногие деревенские ребятишки, они смотрят на него с удивлением.

— Чего шею платком красным повязал?

— Так это галстук. Я же пионер...

Вам, должно быть, покажется странным этот разговор. А ведь он происходил на самом деле. Было это летом 1922 года в одной деревне. Городской мальчик Вася Гладышев был первым пионером, которого увидели здешние ребята.

Вася Гладышев — имя литературное, придуманное писателем **Николаем Богдановым.** Но все, что описано в книге **«Один из первых»**, — чистая правда. Писатель точно, без прикрас описал суровую обстановку тех лет, когда только рождалась пионерская организация и у молодой Советской власти в деревне были враги: озлобленные кулаки и темные люди, верящие кулакам... В трудные, подчас опасные положения попадают Вася и его отец, передовой рабочий, в деревне Лыковке. Но даже в самых сложных обстоятельствах Вася ведет себя так, как надлежит пионеру.

Совсем иными красками — светлыми и радостными — окрашены страницы другой книги о деревенских пионерах, написанной Федором Каманиным. События, о которых рассказано в повести, происходят в наши дни. В этой книге много чудесных, поэтических картин природы, природа здесь тоже мирная, светлая: утренние зори играют на глади прудов, пробуждаются птицы, резвятся в первых лучах солнца, выскакивая из воды, крупные колхозные карпы...

Эти рыбы заняли важное место в жизни двух мальчишек — Леньки и Славки. За лето оба неразлучных друга стали верными помощниками старого рыбовода Виктора Михайловича. Вскоре они прославились на весь район, недаром книга **Ф. Каманина** называется **«Двое знаменитых»**.

В этой книге много смешного, но, прочитав ее, вы почувствуете красоту любимого труда. Ленька и Славка не встречают, конечно, на своем пути таких опасностей, как Вася Гладышев, и все же этим пионерам приходится тоже преодолевать препятствия. Жизнь требует и от них стойкости, терпения, целеустремленности.

Два озорных приятеля не посрамили своих красных галстуков, они с честью продолжают дело Васи и его товарищей — первых пионеров. В этом вы убедитесь, когда прочитаете обе эти интересные и непохожие друг на дружку книги.

ПОЧИТАЙТЕ

Октябрята читают медленно. Чтобы приохотить их к книжкам, читайте им вслух — они это очень любят.

Вожатые звездочек! Вот книжки, которые понравятся вашим маленьким друзьям: стихи З. Александровой «Новые знакомые», сборник рассказов «Октябрятская звездочка», повесть Э. Цюрупы о маленьком мальчике, которого звали Олешек.

Если вы захотите посмешить ребят, и для этого есть подходящие книжки: Н. Носов «Приключения Толи Клюкви-

Кто не знает Буратино, веселого героя любимой сказки советских ребят, сказки о золотом ключике!

Но всем ли ребятам известно, что у Буратино есть старший брат и что не так давно он из Италии пожаловал к нам, в нашу страну, в наши детские библиотеки?

Знаете, что рассказывает сам Алексей Николаевич Толстой в предисловии к сказке «Золотой ключик»? Уже совсем взрослому, ему вдруг вспомнилась давным-давно прочитанная книжка об ожившей деревянной кукле.

В памяти смутно всплывало, что с ней происходили какие-то необыкновенные приключения. Но какие?

И так писателю захотелось, чтобы у наших ребят была волшебная сказка про деревянного мальчика, что он написал эту историю заново, по-своему, как самому придумалось.

Так у одинокого бедняка — у папы Карло — оказался озорной и вечно попадающий в беду деревянный сынишка Буратино.

А в книжке итальянского писателя Коллоди, которую читал в детстве автор «Золотого ключика», папа Карло тоже делает из полена деревянную куклу, но зовут ее Пиноккио. Пиноккио тоже оживает, и с ним тоже происходят всевозможные приключения, только совсем не те, что с Буратино.

Как хорошо, что А. Н. Толстой забыл сказку, прочитанную в детстве! Из-за этого теперь у ребят две чудесных книжки о приключениях двух совершенно различных деревянных мальчиков.

Теперь сказку Коллоди заново перевели на русский язык, и Пиноккио поселился в детских библиотеках и встретился там со своим младшим братцем Буратино.

ОКТЯБРЯТАМ

на», В. Голявкин «Наши с Вовкой разговоры» и стихи В. Жака «Городок наоборот».

Постарайтесь достать для своей звездочки этот календарь. В нем вы найдете не только коротенькие рассказы и сказки, но и самоделки, ими с радостью займутся октябрята.

ЗАБЫТЫЙ МАТЧ

И сегодня разговор наш, друзья, я начну с писем, которые вы мне прислали. В четвертом номере нашего журнала задал я ребятам несколько вопросов об истории матчей на первенство мира.

Много ответов получил я на вопросы. Хорошо разобрались в них юные любители шахмат. И чемпионов мира всех назвали и правильно определили, что позиция, которую я привел, встретилась в десятой партии прошлогоднего матча между М. Ботвинником и М. Талем.

Только один вопрос оказался для большинства участников конкурса очень трудным.

Я спрашивал о том, сколько матчей на первенство мира проводилось в Москве.

В своих ответах ребята подсчет таких матчей вели только с 1948 года. А ведь еще в конце 1896 и начале 1897 года в Москве проводился матч-реванш между первым чемпионом мира В. Стейницем и Эм. Ласкером. В соревновании этом легко победил Эм. Ласкер с результатом + 10—2 = 5.

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

Далеко не всем ребятам удалось найти интересный вариант, который ведет к победе в партии, опубликованной в том же номере журнала.

Расставьте на доске такую позицию:

Белые: Kpe1, Фd1, Лa1, Cc1, Cf1, Kb1, Kg1, пешки b6, c5, d4, e5, f2, g2, h2.

Черные: Kpe8, Фc7, Лa8, Лh8, Cc8, Cf8, Kb8, Kd5, пешки a7, b7, d7, e7, f7, g7, h7.

В этом положении черные признали себя побежденными. Как выигрывают белые после 10... Фd8 11. Л : a7 Л : a7 12. ba Фa5 + спрашивал я у ребят.

Правильный вариант 13. Kc3!, дающий белым лишнюю фигуру, указали **Саша Чудиновских** (г. Киров), **Володя Нечвоглод** (Москва), **Саша Биргер** (Москва), **Толя Балуев** (село Кочево, Коми-Пермяцкого национального округа).

Эти ребята получают грамоту «Ферзя и ладьи». Грамотой награждаю также **Олега Цитрицкого** (Благовещенск-на-Амуре), **Павла Денисова** (Хрусловский детдом, Тульская обл.), **Володю Смагина** (ст. Кемчуг, Красноярского края) **и шахматную секцию школы-интерната № 3 города Макеевки.**

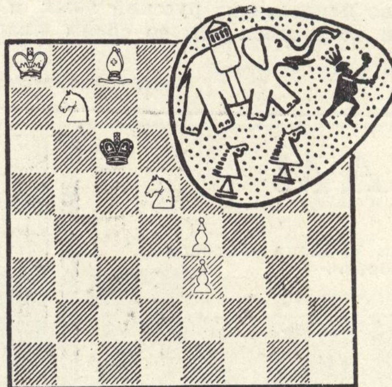
А теперь даю новое задание всем моим друзьям и оруженосцам. Составьте и пришлите мне примечания к следующей партии:

1. Kg1 — f3 d7 — d5 2. c2 — c4 d5 — d4 3. e2 — e3 Kb8 — c6 4. e3 : d4 Kc6 : d4 5. Kf3 : d4 Фd8 : d4 6. d2 — d3 e7 — e5 7. Kb1 — c3 c7 — c5 8. Kc3 — d5 Cf8 — d6 9. Cf1 — e2 Kg8—e7 10. Kd5—c3 Фd4—h4 11. Kc3—e4. **Черные сдались.**

В примечаниях надо указать, как называется дебют, который был разыгран в партии, каковы идеи этого дебюта, какие ошибки, повлекшие за собой столь быструю развязку, сделали черные.

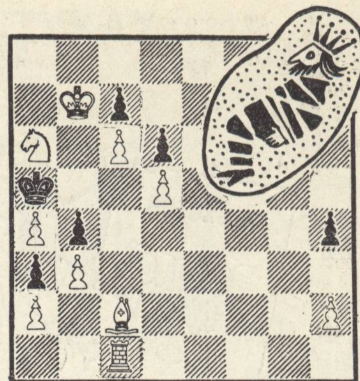
О ДВУХ ЗАДАЧАХ

На следующей диаграмме приведена задача, которую прислал нам ученик 84-й московской школы Володя Кулыгин.

Найдите, как в этой позиции белые, начиная игру, дают мат в пять ходов черному королю.

А следующую задачу, которую прислал Валерий Назаров (ст. Еманжелинская, Челябинская обл.), давайте вместе разберем.

Задачу эту Валерий решает так: 1. Cc2 — d1 h4 — h3 2. Лc1 — c3 b4 : c3 3. b3 — b4 мат. Но задачу решает и такое продолжение: 2. Ka6 — c5 d6 : c5 3. Лc1 : c5 мат.

Большой недостаток задачи в том, что черные совершенно беспомощны и все их фигуры и пешки запатованы.

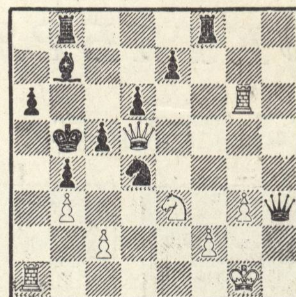
Попробуйте, ребята, усовершенствовать эту задачу, дать черным больше возможностей защиты. Вот, например, если снять с доски пешку a4, то решение может стать более интересным и совершенно иным.

Тогда мат в три хода достигается после 1. Cc2 — d3 h4 — h3 2. Лc1 — c4 Kpa5 — b5 3. Лc4 — c5 мат.

Жду ваших писем с задачами.

УПОРНО БОРОТЬСЯ

Мы уже беседовали о том, что в шахматах очень важно не падать духом, упорно бороться в каждой позиции. Иногда положение кажется совершенно безвыходным, но нужно еще и еще раз проверить, нет ли в позиции скрытой возможности спасения.

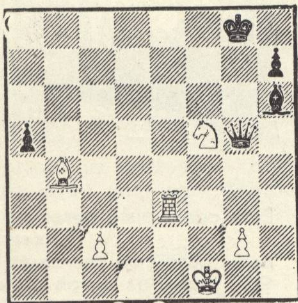
Вот, например, эта позиция. Белым грозит мат на e2, их ферзь под ударом. Можно, конечно, уйти ферзем с шахом на c4, но тогда появится угроза мата на h1,

И все же белые могут здесь не только избежать опасностей, но и дать мат не позднее четвертого хода черному королю.

Найдите, каким образом?

НЕОЖИДАННАЯ КОМБИНАЦИЯ

Если в следующей позиции белые при своем ходе сделают ничью, это будет совершенно естественно.

Ведь белые могут здесь сыграть 1. Ле3 — g3 и после 1... Фg5 : g3 2. Кf5 : g3 а5 : b4 ничья становится очевидной.

Но белые в положении, приведенном на диаграмме, могут и добиться выигрыша. Вот это уже значительно труднее.

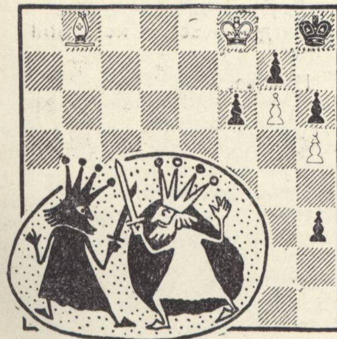
Это еще одно мое задание. А те ребята, которые справятся со всеми заданиями этого номера журнала, получат грамоты «Ферзя и ладьи».

РОКОВОЕ СЛОВО

Приходилось ли тебе слышать о таком слове «цугцванг»? В шахматах это немецкое слово таит в себе подчас грозное, роковое значение. В переводе оно означает «принуждение ходить».

Ну и что же, скажешь ты. Разве обязанность делать ход может быть такой уж неприятной?

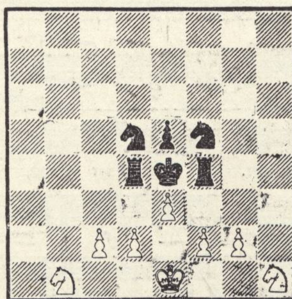
Представь себе, что не только неприятной, но и подчас губительной! Посмотри на эту позицию, которую прислал нам юный любитель шахмат Володя Соловьев. Сейчас ход белых.

Белые ставят своего слона на h2, и черные попадают в положение цугцванга. Они сами вынуждены создать непоправимые слабости в своем положении и быстро получают мат.

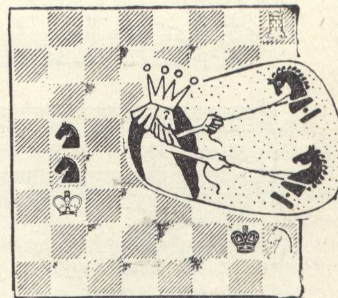
А вот еще любопытная позиция цугцванга.

Здесь в поединок вступают белый и черный короли. Найди, как, начиная игру, белые ставят черных в положение цугцванга и дают мат в два хода.

Цугцванг возникает не только в задачах. Многие практические партии завершаются цугцвангом.

Эта позиция возникла в партии между двумя болгарскими мастерами из недавнего чемпионата Болгарии. Сейчас ход черных. Они сыграли ...Кb4 — d5 и на 2. Крb3 — c4 ответили 2... Кd5 — c3. Теперь черные кони защищают друг друга, но вместе с тем они и взаимно связаны. Пока король белых нападает на них, черные кони не могут и шевельнуться.

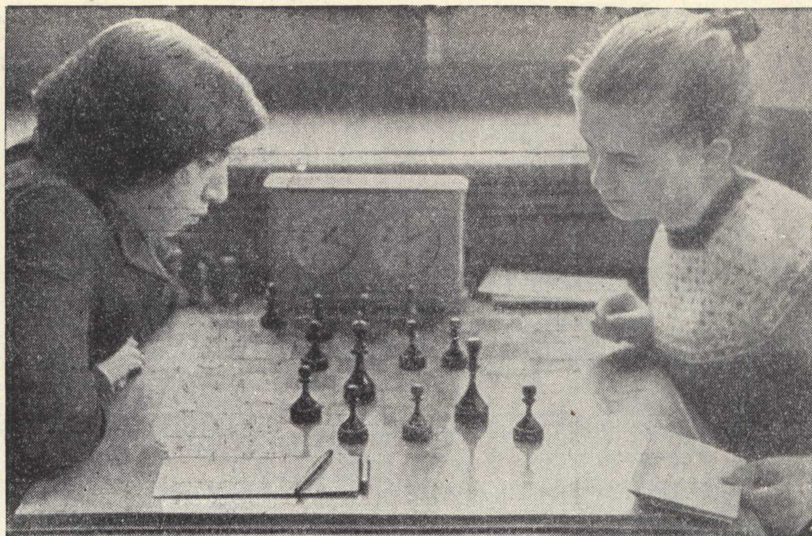
Как использовать это обстоятельство? На помощь белым приходит цугцванг. Найдите, как белые могут добиться победы.

В решении этого задания надо прежде всего указать план, которого должны придерживаться белые, а затем привести варианты, показывающие осуществление этого плана.

Начала ли свою работу ваша школьная шахматная секция?

Напишите нам, друзья, о том, какие соревнования любителей шахмат вы собираетесь проводить. Советуем вам коллективно решать задачи, которые мы привели в этом номере.

Победители нашего заочного соревнования будут награждены грамотами «Ферзя и ладьи».

В цейтноте. Слева — чемпионка Ленинграда среди девушек Люба Кристол. Справа — чемпионка страны среди девушек Вера Стерлина (Москва).

Фото А. Ритова.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛАГЕРЬ

Музыка Бориса **СНЕТКОВА.**

Слова Леонарда **КОНДРАШЕНКО.**

Быстро

с огоньком

Есть солнечный лагерь на свете, всем детям он снится во сне. Он лучший на целой планете, он в нашей Советской стране. Лежит у веселого моря веселое царство ребят, о море в бескрайнем просторе задорные песни звенят. О море, о море в бескрайнем просторе задорные песни звенят. В тот

певуче

1.2 / 3

…нят, задорные песни звенят, задорные песни звенят.

Есть солнечный лагерь
на свете,
Всем детям он снится во сне,
Он лучший на целой планете,
Он — в нашей Советской
стране.

Припев:

Лежит у веселого моря
Веселое царство ребят,
О море в бескрайнем
просторе
Задорные песни звенят.

В тот лагерь, цветеньем
объятый,
Зимой не приходит метель,
Сюда приезжают ребята
Из самых далеких земель.

Припев.

Своими делами большими
Весь солнечный лагерь живет,
Великого Ленина имя
На знамени красном несет.

Припев.

Все так же от века до века
Он будет цвести и расти.
Другого такого Артека
Нигде на земле не найти!

Припев.

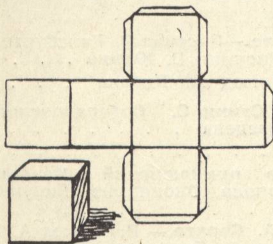

ЖИВОЙ АРИФМОМЕТР

Всякий фокус — это головоломка, интересная задача на смекалку.

Разгадывать фокусы-головоломки — занятие увлекательное. Еще интереснее их показывать. И это можно сделать в кругу своих товарищей, на отрядном или звеньевом сборе.

Вот один из таких фокусов — с арифметическими кубиками.

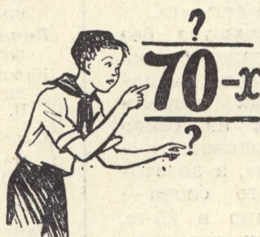

Из тонкого картона склейте семь больших кубиков. На гранях кубиков напишите покрупнее следующие трехзначные числа:

на первом: 523, 424, 721, 325, 622, 820; на втором: 258, 555, 357, 456, 951, 753; на третьем: 784, 982, 883, 685, 388; на четвертом: 346, 742, 643, 841, 940, 544; на пятом: 116, 215, 512, 611, 413, 710; на шестом: 336, 732, 138, 930, 237, 435; на седьмом: 578, 776, 479, 677, 875, 974.

Пусть кто-нибудь из ваших зрителей уложит столбиком все семь кубиков, расположив их в какой угодно комбинации. Вы беретесь в течение нескольких секунд подсчитать в уме сумму семи трехзначных чисел, расположенных на любой из сторон столбика. Конечно, вас будут проверять с карандашом в руках или на счетах. Но пока проверяется первая из названных фокусником сумм, он успеет назвать и три остальные суммы — на других сторонах столбика. И все его ответы будут безошибочны.

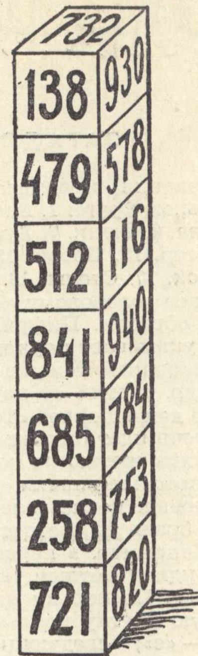
Как уже говорилось, всякий фокус — это головоломка. Попытайтесь же решить головоломку, заключенную в фокусе с арифметическими кубиками. Разгадывается она не легко, но кое-что мы вам подскажем, упростив задачу более чем наполовину.

На этом рисунке изображена загадочная формула: «70-х». Это и есть ключ к решению фокуса-головоломки.

Присмотритесь внимательно к числам на гранях... ну, хотя бы первого кубика. Нетрудно заметить, что средние цифры во всех шести числах одинаковы — всюду 2. Одинаковы и суммы, которые получаются от сложения крайних цифр в этих числах, первой и третьей: 5 + 3, 4 + 4, 7 + 1 и т. д. Так же обстоит дело и с другими кубиками: повторяются средние цифры, повторяются суммы первой и третьей цифр в числах.

Вы можете сделать еще и такое наблюдение: в какой бы комбинации ни укладывались кубики, средние цифры всех семи чисел на любой стороне столбика в сумме составляют постоянное число 30.

И, наконец, еще одна, пожалуй, самая разоблачительная подсказка. Сложите столбик и подсчитайте сумму чисел на любой из его сторон. Получится четырехзначное число. Разделите его чертой на две части, правую и левую, как это сделано на нашем рисунке, где подведен итог под столбиком. Сложите два полученных таким образом двузначных числа... и подумайте над результатом сложения.

Вот вы уже и подошли вплотную к решению головоломки. Еще один шаг — и вы овладеете секретом фокуса.

Сделайте этот шаг сами.

Н. Студенецкий

ТАБУН КОНЕЙ

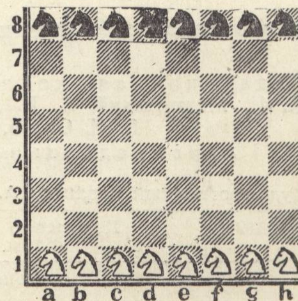
В № 1 «Пионера» была помещена головоломка «Восемь ферзей на шахматной доске». Многие наши читатели прислали тогда свои решения на эту задачу. Большинство решило ее правильно, хотя и по-разному. Головоломка имела не одно решение.

По примеру той задачи московский школьник Рубен Кешишев составил свою.

Он обошелся без ферзей, зато пустил гулять на шахматную доску шестнадцать коней черной и белой масти.

Нужно так расставить коней на доске, чтобы под их ударом были все 64 клетки.

Рубен нашел два варианта решения своей задачи. Быть может, их не два, а больше? На этот вопрос попробуйте ответить вы!

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 8

ЗАГАДОЧНЫЙ КРУГ

Названия предметов, изображенных в центральном круге: 1. Кость. 2. Змей. 3. Змея. 4. Ночь. 5. Роза. 6. Тюки. 7. Дуга. 8. Пень. 9. Удод. 10. Изба. 11. Веер. 12. Брови. 13. Ниша. 14. Ре. 15. Знамя. 16. Док. 17. Столы. 18. Х, Ч, С, Й, Т.

Текст головоломки расшифровывается следующим образом. Цифра, поставленная перед значком, указывает порядковый номер буквы в слове, обозначенном тем же значком на рисунке. Например, третий от начала значок на спиральной ленте дан с цифрой «3». По значку устанавливаем, что речь идет о слове «дуга»; из этого слова нужно взять третью по порядку букву, то есть «г».

Некоторые значки всюду употребляются без цифровых показателей. В этих случаях буквы надо брать из соответствующего слова по порядку. Например, в первых двух клетках спирали мы видим светлый кружок — значок на слово «кость». Поскольку нет цифрового показателя, в первую клетку вписывается буква «к», а во вторую — «о»; следующие буквы этого слова — «с», «т», «ь» — попадут соответственно в 28-ю, 50-ю и 65-ю клетки, помеченные тем же значком.

Правильно заполнив все клетки спиральной ленты, вы прочитаете строчки из басни И. А. Крылова «Крестьянин и Змея»:

Когда почтен быть хочешь у людей,
С разбором заводи знакомства и друзей!

ПО МОРЯМ, ПО ВОЛНАМ... НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ВАГОНА

В том, что рассказала о своем путешествии Оля Чернякова, нет ничего необычайного. Летом она ездила из Харькова в курортный город Анапу, расположенный, как известно, на Черноморском побережье, причем ехала туда кратчайшим путем — через Крым. Сейчас налажено прямое железнодорожное сообщение через Керченский пролив, соединяющий два моря — Черное и Азовское. Вот что рассказывает Оля об этой переправе:

«По дороге в Анапу поезд, в котором я ехала, переправляли на пароме через Керченский пролив. Это было очень интересно. Наш поезд разделили на четыре части и на станции Крым погрузили на два парома: «Юг» и «Север». Плыли морем несколько километров, и вот наконец паром подошел к железнодорожной станции Кавказ, на другом берегу пролива. Наш состав снова собрали, сцепили вагоны, и поезд пошел дальше уже по кавказской земле».

Содержание

Редактор Н. В. ИЛЬИНА.
Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе (заместитель редактора), В. И. Орлов, В. А. Поддубная (ответственный секретарь), М. П. Прилежаева.
Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. комната 11. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор А. Добрицын. Технический редактор В. Пархоменко.

А 06129. Подписано к печати 7/IX 1961 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 1770. Заказ 2003.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Ребята!

Ваш долг помочь стране собрать металлический лом—ценнейшее сырье для металлургической промышленности.

Будьте активными сборщиками металлического лома.

Росглаввтормет

Цена 25 коп.

Журналу «ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ»
сегодня 5 лет.

На веселом фронте смеха
С Вас давно берем пример,
Мы желаем Вам успеха,
Поздравляем!

«ПИОНЕР»

